

А.К. ПОРФИРОВ

Восемь
представителей
Большой
Семьи
в суде
преследуемых
властями
от 1991
гг. в связи
с терроризмом

Кавказская Голгофа

SHOUT
SHARE **IT**

- Кавказская Голгофа - Горшков А.К.
 - Кавказская Голгофа - Горшков А.К.
 - Кавказская Голгофа
 - Жизнеописание настоятеля слепцовского храма отца Петра Сухоносова, мученически погибшего от рук террористов в Чечне в 1999 году.
 - К читателю
 - Часть I. Наставники
 - Детство и юные годы
 - Монахиня Фессалоникия
 - Отец Сампсон
 - Матушка Анастасия
 - Семинария
 - Часть II. Начало пути
 - Целибат
 - В родном Ставрополье
 - «Мамаша Феодосия»
 - Рагули
 - Часть III. Возле гор седых
 - «Именованная Слепцовой»
 - О чем молчали архивы
 - Часть IV. «Слепцовка»
 - «Люди пришли, напитанные скорбями»
 - «Соборик»
 - Книги
 - Болезни
 - «У нас тут свой Иерусалим»
 - Часть V. И снова скорби...
 - Новые гонения
 - У Святейшего Патриарха Алексия I
 - «Мне отмщение, Аз воздам»
 - Часть VI. Пастырство
 - Проповедник
 - «Душа сама подскажет вам правило»
 - Часть VII. С людьми и среди людей
 - «Ищите тех, кто нуждается в помощи вашей...»
 - Уроки любви и терпения
 - «На камне сем...»
 - Среди людей иной веры
 - Часть VIII. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему»

- Исцеление от немоты
- Нежданная поездка к сыну
- «...И я вспомнила его слова!»
- «Отроешь дома...»
- По дороге домой
- «Батюшка обо всем знал»
- Помощь во сне
- В дороге
- Сила веры и святых молитв
- Благодатное исцеление
- «Меня спасло время и какое-то чудо...»
- Часть IX. Война
 - Беспредел
 - Изгои
 - Федеральная трасса
 - Новые заботы
- Часть X. Кавказская Голгофа
 - «Это было чудо Божие»
 - Пленники
 - «А мои косточки птицы разнесут...»
 - «Ждите понедельник»
 - Венец
- Часть XI. Святые рядом с нами
 - Вместо заключения

Кавказская Голгофа - Горшков А.К.

Кавказская Голгофа - Горшков А.К.

Горшков А.К.

Жизнеописание настоятеля слепцовского храма отца Петра Сухоносова, мученически погибшего от рук террористов в Чечне в 1999 году.

- К читателю
- Часть I. Наставники
- Детство и юные годы
- Монахиня Фессалоникия
- Отец Сампсон
- Матушка Анастасия
- Семинария
- Часть II. Начало пути
- Целибат
- В родном Ставрополье
- «Мамаша Феодосия»
- Рагули
- Часть III. Возле гор седых
- «Именовань Слѣпцовой»
- О чем молчали архивы
- Часть IV. «Слѣпцовка»
- «Люди пришли, напѣтанные скорбями»
- «Соборик»
- Книги
- Болѣзни
- «У нас тут свой Иерусалим»
- Часть V. И снова скорби...
- Новые гонѣния
- У Святейшаго Патриарха Алексія I
- «Мне отмщѣние, аз воздам»
- Часть VI. Пастырство
- Проповѣдник
- «Душа сама подскажет вам правило»
- Часть VII. С людьми и среди людей
- «Ищите тех, кто нуждается в помощи вашей...»
- Уроки любви и терпѣния
- «На камне сем...»
- Среди людей иной веры
- Часть VIII. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему»
- Исцѣление от немоты
- Нежданная поездка к сыну
- «...И я вспомнила его слова!»

- «Откроешь дома...»
- По дороге домой
- «Батюшка обо всем знал»
- Помощь во сне
- В дороге
- Сила веры и святых молитв
- Благодатное исцеление
- «Меня спасло время и какое-то чудо...»
- Часть IX. Война
- Беспредел
- Изгои
- Федеральная трасса
- Новые заботы
- Часть X. Кавказская Голгофа
- «Это было чудо Божие»
- Пленники
- «А мои косточки птицы разнесут...»
- «Ждите понедельник»
- Венец
- Часть XI. Святые рядом с нами
- Место заключения

Кавказская Голгофа

Жизнеописание настоятеля слепцовского храма отца Петра Сухоносова, мученически погибшего от рук террористов в Чечне в 1999 году.

В новое тысячелетие Русь Православная вошла, осеняемая благодатным покровом святых Царских мучеников и сотен новомучеников и исповедников Российских, причисленных к лику святых. Мы твердо верим в то, что в небесном сонме русского воинства Христова есть имя еще одного страдальца, свершившего великий подвиг исповедничества на самом исходе двадцатого столетия – протоиерея Петра Сухоносова. Свершившего этот подвиг не в зловещие 30-е годы яростного богоборчества, а уже в наше время, немногим более десяти лет назад – великопостной весной 1999 года, за три недели до Пасхи Христовой.

Выкраденный похитителями прямо из алтаря святого храма, где он прослужил настоятелем почти сорок лет своей смиренной праведной жизни, брошенный в холодное мрачное подземелье, Батюшка был замучен там зверскими пытками и голодом. Оттуда он и ушел в бессмертие.

Несмотря на годы, что отделяют нас от этой страшной трагедии, имя отца Петра не только не забыто, но уже прославлено благодарной памятью многих православных христиан, которых Господь милостиво сподобил близко знать и общаться с этим мужественным пастырем, принявшим смерть за веру Христову от рук новоявленных агарян-христоненавистников.

Вся многострадальная жизнь отца Петра была необычайно скромной и тихой. Наверное, поэтому мы так мало знаем о ней. А между тем она достойна того, чтобы о ней знали все православные люди, жаждущие припасть к чистому источнику веры, любви и милосердия. Жизнь и пастырство отца Петра Сухоносова – именно такой живоносный источник, благодатная сила которого вовсе не иссякла, но, напротив, многократно умножилась после святой мученической кончины: об этом могут свидетельствовать все, кто духовно окормлялся у Батюшки и был под его духовным попечительством.

Два издания книги «Кавказская Голгофа», состоявшиеся в Черкасской епархии Украинской Православной Церкви по благословению и при активном участии Высокопреосвященного Софрония – ныне митрополита Черкасского и Каневского, а затем еще одно – уже по благословению ныне покойного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – до сих пор не могут удовлетворить желание широкого круга боголюбивых читателей близко познакомиться с жизнью и подвигами страдальца. Мы получаем много писем из разных концов бескрайней матушки-Руси и даже зарубежья с просьбами выслать

жизнеописание праведника и мученика нашего смутного времени – протоиерея Петра Сухоносова. Будем надеяться, что эту благородную миссию хотя бы в некоторой мере выполнит еще одно издание востребованной читателями книги, дополненное новыми документальными материалами и воспоминаниями.

Имя сего пастыря, убиенного за веру Христову, пока не прославлено всей полнотой Православной Матери-Церкви. Будем же молиться и уповать на то, что собранные и опубликованные свидетельства станут веским основанием поставить вопрос о канонизации Батюшки, если, конечно, на то будет воля Господня, в сонме новомучеников и исповедников Российских. Отец Петр вполне заслужил этой высокой чести.

В этом рассказе, конечно же, не избежать повторений некоторых биографических деталей и подробностей, содержащихся в уже написанных ранее книгах о кавказском страстотерпце. Но эти повторы, будем надеяться, не утомят читателя, как не утомляют, а, напротив, утешают, согревают нас воспоминания о близких, дорогих и любимых нам людях, отошедших ко Господу в Его блаженную Вечность. Господи, благослови.

Александр Горшков, журналист

Часть I. Наставники

Детство и юные годы

Если обычным почерком переписать автобиографию Батюшки, хранящуюся в его личном деле и написанную им самим размашистыми, немного неровными буквами, то она займет едва ли больше одной странички стандартного листа бумаги:

«Я, Сухоносков Петр Петрович, родился в с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края 1931 года июня 23 дня. Отец мой рабочий слесарь умер в 1943 году. Я холост, есть у меня родные: мать Мария Прокопьевна Кобцева в возрасте 77 лет, сестра Татьяна Петровна Сухоносков, – возраст 45 лет, работает уборщицей Покровской церкви ст. Орджоникидзевской ЧИАССР Сунженского района. Образование мое 5 классов начальной школы в с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края, окончил в 1943 году. Окончил Ставропольскую Духовную семинарию в 1952 году. Службы в Советской Армии не имел. Зачислен в запас.

Трудовая деятельность: по окончании занятий в школе и до поступления в Духовную семинарию в 1948 г. пас овец и скот в совхозе «Советское Руно» Ипатовского района Ставропольского края сезонно, а в свободное время исполнял обязанности пономаря и чтеца при Феодосиевской церкви с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края.

По окончании Духовной семинарии и рукоположении по настоящее время состою в духовном ведомстве священником Ставропольской епархии. За границей не был. Никаких наград не имел Правительственных. 18 апреля 1965 года Святейшим Патриархом Алексием и Архиепископом Михаилом поставлен в сан протоиерея».

Ниже – личная подпись Батюшки и дата: 19 июня 1967 года. На то время он уже был настоятелем Свято-Покровской церкви в Слепцовке. Здесь отцу Петру суждено было прослужить без малого почти сорок лет, прежде чем он принял лютую смерть от рук террористов, скрывших уже навсегда тело Батюшки, изможденное зверскими пытками и голодом.

Отец Петр написал собственную биографию, по великой скромности умолчав обо всем том, что было там настоящим христианским подвижничеством и крестоношением. Он ни словом не обмолвился о своем безрадостном детстве, о гонениях и неправдах, сопровождавших его с первых дней пастырства, о

подвиге девства, о самоотверженном служении Богу и людям и многом другом. Даже если бы жизнь слабого здоровьем, покрытого старческими сединами семидесятилетнего Батюшки завершилась не страданиями в бандитских застенках, а блаженным успением в вечный покой, она все равно достойна того, чтобы вновь и вновь рассказать о ней.

Протоиерей Петр Сухоносков родился 7 июля (24 июня по старому стилю) 1929 года в станице Ипатово, что на Ставрополье. Он был младшим ребенком: кроме него в семье Сухоносовых было еще двое детей – старшая сестра Татьяна и брат Сережа, который, по воспоминаниям, отличался незаурядным умом и сообразительностью. Жизнь его прервалась из-за болезни еще в отроческом возрасте. Своего младшего сына родители нарекли Петром в честь святого благоверного князя и чудотворца Петра, память которого наша Церковь совершает 8 июля по новому стилю.

Хотя Батюшка указывает в автобиографии год своего рождения 1931-й, сам он с кроткой улыбкой говорил близким людям, что на два года старше. «Повзрослел» юный Петр Сухоносков вынужденно, когда решалась его судьба о поступлении в семинарию. Ему катастрофически не хватало именно этого срока, а ждать, откладывать его поступление по каким-то причинам не было возможности. И тогда духовная опекуна будущего Батюшки – монахиня Фессалоникия – убедила ректора Ставропольской семинарии (им по совместительству в тот период был Ставропольский архиерей Владыка Антоний), с которым сблизилась за многие годы ссылок и гонений за веру, принять в число семинаристов своего юного воспитанника, дописав в его анкету недостающий возраст.

К сожалению, не сохранилось ровным счетом никаких сведений о том, кем были давние предки отца Петра Сухоносова. Да и о самих родителях известно не много. Мама – Мария Прокопьевна (в девичестве Скобцева) – была малограмотной, добывая себе на пропитание от труда рук своих и того, что посылал им Господь через сердобольных людей.

Об отце – Петре Сергеевиче Сухоносове – надо рассказать особо. Он был человеком трагической судьбы, которая несла на себе отпечаток трагедии всего русского народа, ставшего заложником безбожной политики большевиков. Человек от земли, он отличался крепкой физической силой и выносливостью. Эти природные качества помогли ему пройти гражданскую войну и даже закончить ее в чине красного командира. Но, наверное, внутренние угрызения совести, чувство вины и ужасы боев, во время которых он принимал участие в истреблении казаков и

белогвардейцев, сломали его психику, сделав ее неизлечимо больной. Эту болезнь по аналогии с «афганским», «вьетнамским» или «чеченским» синдромом можно было бы теперь назвать «синдромом гражданской войны». Пытаясь как-то забыть о кошмарных воспоминаний, отец будущего Батюшки часто бывал в запоях, бил жену, куражился над детьми, из-за чего семейство вынуждено было спасаться у соседей. По воспоминаниям, он много ездил, но нигде подолгу не задерживался на одном месте, пока, наконец, не осел в Ипатово. Последние годы глава семейства жил в комнатухе, вовсе отгороженный от остальных глухой стенкой и отдельным входом.

Петя рано лишился кормильца-отца: его не стало в 1943 году по нелепой случайности. После очередного пьяного куража, когда в доме никого не было, он курил возле печки, закутавшись в овечий тулуп. Задремав, он даже не почувствовал, как выпавший из печи уголек или пепел с папиросы зажгли валявшуюся рядом солому. Когда соседи, у которых Мария Прокопьевна уже в который раз пряталась с детьми, увидели беду, спасти главу семейства было поздно... С того времени детство Петра Сухоносова вообще кончилось, он вынужден был оставить учебу в школе и идти на сезонные заработки в местный совхоз, чтобы хоть как-то поддержать бедствующих в нищете маму и сестру.

Мария Прокопьевна была, конечно же, человеком верующим, но малограмотным, озабоченная лишь тем, как и чем прокормить семью, поэтому она не могла привить детям глубоко осознанные религиозные чувства, тем более дать им духовные знания. Однако всем своим материнским сердцем и душой она стремилась, жаждала того, чтобы ее сын вырос грамотным, и всячески поощряла пробудившееся в нем с самых ранних лет тяготение к чтению. С годами эта тяга перерастет в настоящую любовь к книге, к просвещению, знаниям.

Но в чем бесспорно состоит материнский подвиг Марии Прокопьевны в воспитании будущего пастыря, так это в ограждении своего сына от влияния улицы, от послевоенной безотцовщины, и особенно – от безбожия, которое старательно насаждалось, всемерно поощрялось властями и укоренялось в повседневном быте советских граждан. И хотя юный Петр Сухоносов, по воспоминаниям многих, всегда отличался кротким нравом, незлобием, были все же и в его детстве моменты, которые требовали самого решительного, а порой и беспощадного вмешательства мамы и старшей сестры, о чем сам Батюшка позже вспоминал не с огорчением, а глубочайшей признательностью за такую «науку»:

«...Вспоминаю свою маму, как она мучилась со мной, сколько

переживала, как тащила меня с улицы, а нянечка моя, Татьяна (сестра) – сколько порола меня ремнем! А далее Сам Господь повел безпреткновенно: война, церковь, матушка Фессалоникия... Какое великое счастье быть битым! Как надо благодарить Господа за таких родителей, и их самих! Ведь не все родители согласны тратить нервы на таких «басурманных» детей. А раз не согласны жертвовать покоем, значит, семейная жизнь противопоказана, рожденные ими дети становятся непотребными, и будут жить на мучение родителям, окружающим и самим себе...»

«Какое великое счастье быть битым!...». Может, кому-то из воспитателей, руководствующихся нынешними педагогическими методами и принципами, открывающими перед ребенком двери вседозволенности, эти слова отца Петра покажутся дикими и жестокими, но именно родительская строгость, которая вовсе не заменяет собой родительскую любовь к чаду, а, напротив, дополняет ее, формировала в душе мальчика тот благодатный грунт, на который позже падет семя Божье.

«Да, трудное это дело – быть педагогом своим детям, – заканчивает Батюшка одно из своих писем. – Это риск: счастье и радость, если дети будут святы, и позор и мука, когда они непотребны никуда. Аз убоялся и скрыхся от жребия сего. Сколько надо полоть «землю», на которой растут дети, подстригать, корчевать... Это приходится иногда делать с болью и кровью, о, Боже! Сознаю полностью свою неспособность к этому, это – распятие каждый день...».

Из самого раннего детства будущего священника Петра Сухоносова сохранилось такое воспоминание. Рассказывают, что его родители как-то откормили поросенка и не знали, как лучше поступить: пустить его на сало и мясо или продать, а на вырученные деньги купить хоть небольшую хату, чтобы перестать в конце концов скитаться по чужим домам и квартирам. Думали-гадали и решили спросить самого младшего члена семейства – 5-летнего Петю. Тот ответил не по-детски разумно на причудливой смеси русского и украинского языка, которым общались здешние казаки: «А чого мы будемо посеред вулицы йисты, колы своей хаты нэма», то есть зачем ее кушать посреди улицы, если своего дома нет. Так и поступили: продали свинью и купили небольшую хатку, а затем обзавелись козами и другим нехитрым домашним хозяйством. Тем и перебивались.

Закончив всего 5 классов начальной школы, юный Петя Сухоносов вынужден был бросить дальнейшую учебу и идти самостоятельно зарабатывать на хлеб насущный. Его приняли на сезонные работы пастухом в местный совхоз «Советское руно». Наверное, в этом был какой-то особый знак Божий, ибо сему

мальчику через много лет предстояло стать пастырем душ человеческих, взять на себя благое бремя служения Богу и многочисленной православной пастве. Он станет, по слову Евангелия, тем пастырем, который полагает жизнь свою за овец (Ин. 10, 11).

Осенние холода, дождливая промозглая погода, летний зной и степные суховеи требовали от юного пастушка не только крепкого здоровья, чтобы управлять стадом, но и добротной одежды, обуви, хорошего питания. Ничего этого в бедной семье Сухоносых не было. Пока на дворе держалось тепло, он ходил, подпоясавшись, в легкой голубенькой рубашке навывпуск. А с наступлением холодов надевал демисезонное пальтишко, которое, конечно же, не спасало его от ненастья и стужи. Поэтому мальчик часто простывал, болел, однако осознание того, что теперь именно он вместо покойного отца стал главным кормильцем и обязан был содержать мать и сестру, заставляла его преодолевать болезни и усердно трудиться. Так уже с детства немощь и болезнь ввелись в хрупкое тело юноши, поразили легкие и ноги, доставляя боль и физические страдания. Из-за слабого здоровья Петра Сухоносова не взяли на армейскую службу.

Уже с детских лет обнаружилась любовь Пети к чтению. Читал он, как говорят, запоем все, что попадалось под руки: книжки из местной библиотеки, газеты, журналы, отдельные листочки и даже бумажки, которые подбирал на улице. Религиозной литературы в те годы, конечно же, нигде не было, а если где и сохранилась, то ее берегли в большом секрете от посторонних. Внутренне мама и старшая сестра Татьяна радовались, что Петя тянется к грамоте. Бывало, рано утром они сядут пряхть шерсть, разбудят его и просят что-нибудь почитать им. Батюшка позже с улыбкой вспоминал, что ему это всегда было отрадно, хотя и не давали читать слишком много. Некоторые из близких родственников, видя в мальчике такую неукротимую тягу к чтению, даже стали побаиваться, как бы он «не зачитался».

Вспоминал Батюшка и такой эпизод из своего не слишком радостного детства. По селу каждый день мимо их дома верхом на лошади проезжал мужчина с большой кожаной сумкой. Это был сельский почтальон. Как-то, увидев его, мальчик выбежал на улицу и зашлепал вслед за ним босыми ногами. Почтальон обернется, остановится. Остановится и мальчик. Тронет дальше – и Петя продолжает шлепать по грязи и лужам. Так дошли до края села. Наконец почтальон обернулся и серьезно спросил: «Мальчик, чего тебе?». «Газетку почитать», – робко ответил тот. Почтальон улыбнулся и протянул ему газету. «Я только читаю –

и сразу верну», – сказал обрадованный Петя. «Не надо, – снова улыбнулся почтальон, – пусть тебе на память будет».

Несколькими годами позже произойдет встреча юного Сухоносова с книгой, которая, вероятно, и определила всю его будущую жизнь. Это была «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского. Произошла же эта чудесная встреча так. Однажды, помогая местному чабану пасти овцематок с ягнятами, мальчик заметил у него таинственную книгу «толщиной в три пальца», со многими иллюстрациями. Чабан доставал ее, когда вокруг опускалась ночь и никого рядом не было, и при свете костра начинал читать ее, неспешно перелистывая страницу за страницей. Интерес к тому, что же это была за книга, у Пети стал настолько жгучим, что он не вытерпел и решил попросить чабана дать почитать ему ее. Но, к удивлению мальчика, тот решительно отказал. Не зная настоящей причины отказа, он принялся жарко заверять, что будет обращаться с книгой очень бережно и аккуратно, не помнет и не порвет ни одной ее странички. Чабан молчал... Откуда было знать пытливому любознательному мальчику, что за чтение этой великой книги следовало неизбежное наказание от безбожных властей, правление которых пророчески предвидел и обличал своей проповедью праведный Иоанн? Откуда было знать Пете, что за эту книгу не просто наказывали: за нее сажали в тюрьму, а иногда и расстреливали?.. Чабан молчал. Но, наверное, сам Кронштадтский праведник и чудотворец Иоанн помог ему победить страх и сомнения в этом любознательном мальчике. И тогда он из рук в руки передал эту замечательную книгу.

Петя Сухоносов с головой погрузился в благодатное чтение. Он читал книгу днем и ночью, отрываясь лишь тогда, когда видел, что к совхозному стаду приближались люди. Мальчик немедленно прятал книгу – таков был уговор с чабаном. Когда он прочел всю ее от корки до корки, ему нестерпимо захотелось перечитать вторично – на этот раз своей неграмотной маме, чтобы открыть ей несказанный благодатный свет, который словно струился со страниц книги. И Петя снова стал уговаривать чабана, чтобы тот поверил ему и дал книгу для чтения дома. Чабан сжалился над своим юным помощником и уступил его просьбам. Так книга «Моя жизнь во Христе» вошла не только в души, но и в дом богобоязненного семейства Сухоносовых. По свидетельству Марии Прокопьевны – мамы будущего Батюшки-мученика – после этой книги юный Петя словно переродился, и вся его последующая жизнь была озарена светом проповеди Иоанна Кронштадтского.

Встреча с Иоанном Кронштадтским через его знаменитую

книгу «Моя жизнь во Христе» тоже стала тем ключевым, поворотным пунктом, с которого началось глубоко осознанное вхождение будущего пастыря и священномученика в жизнь Православной Церкви, «его жизнь во Христе». Оба пастыря – кронштадтский и слепцовский – с момента своей мистической встречи соединятся не только в мыслях, духовном родстве, но и даже в некоторых чисто биографических событиях.

Монахиня Фессалоникия

В станице Ипатово, в которой родился Батюшка, жила благочестивая монахиня Фессалоникия (Ганусова Марфа Феодоровна; 1875–1955), в прошлом воспитанница Ставропольской Иоанно-Мариинской обители и благочинная женского монастыря во имя святого великомученика Агафадора. Этот монастырь находился неподалеку от станицы, в селе Винодельном. Жизнь старицы была исполнена великих скорбен: ссылка, жесточайшие преследования и издевательства властей. Она была первой духовной наставницей будущего мученика. Влияние этой великой подвижницы и страдальцы на юного Сухоносова было огромным, если не сказать больше – решающим.

Старица обратила внимание на тихого, скромного, благоговейного мальчика, стоявшего в храме, когда там отпевали его отца, безвременно ушедшего из жизни. С тех пор она в полном смысле слова воцерковила отрока Петра, вдохнув в его душу благотворное дыхание Церкви: обучила старославянской грамоте, научила понимать и разбираться в богослужениях, любить и неопустительно посещать их, выполняя в маленьком храмике, приютившемся в церковной сторожке, обязанности пономаря. Ежедневно мальчик послушно приходил ко своей наставнице к 4-м часам утра, часто оставаясь у нее на ночь, и они совершали полное монашеское правило по монастырскому уставу.

В образе своей духовной наставницы и матери Петр Сухоносов не только ощутил духом – он прямо увидел перед собой живой светильник веры, благочестия, милосердия, скромности, нестяжания, горячей молитвы, христианского мужества, бесстрашия перед любыми испытаниями. Матушка часто наставляла своего воспитанника такими мудрыми словами: «Не вытирай чужой любовью ноги». Впоследствии Господь наделил и самого отца Петра глубоко любящим, нежным сердцем, всегда отзывчивым на чужую боль и страдания, умением ценить и беречь любовь других.

Уже с 9-летнего возраста Петя Сухоносов посещал храм

Божий в сопровождении матушки Фессалоникии; с ее помощью он стал довольно быстро разбираться в церковном богослужении, понимать церковнославянский язык. Его юная душа возгоралась ревностным желанием служить Богу, рядом с собой он видел живой пример молитвенного подвига, поста, самопожертвования, смирения, кротости, любви и нестяжательности. О том, кем была для будущего кавказского пастыря и страстотерпца монахиня Фессалоникия, можно рассказывать много. Но, наверное, лучше всего об этом сказал сам Батюшка Петр в своем прощальном слове, произнесенном им у гроба своей наставницы (сам же Батюшка назвал это слово «похвальным»).

«Кто это лежит перед нами? Кто собрал нас в таком количестве в настоящую минуту подобно птице, которая собирает под крылья птенцы своя? – так просто и трогательно начинает свое прощальное слово молодой иерей Петр Сухонос, обращаясь к многочисленным людям, пришедшим проститься с монахиней Фессалоникией. – Перед нами лежит дорогая, блаженная наша мамочка, великая труженица и молитвенница – монахиня Фессалоникия.

Прежде всего, что такое есть монашество? Монашество – это добровольное отречение от мира, отречение от мирской суеты, сладости и греховных удовольствий; монашество – это сокровенное делание на спасение своей души. Почему и видим, что лицо у нашей матушки покрыто покровом, так как добродетельная жизнь ее была сокрыта от людей ради Бога. Монашество есть трудный подвиг постоянного, всецелого служения Господу нашему Иисусу Христу. Оно есть послушание Христово.

Как же приняла и как несла этот подвиг дорогая наша матушка? Она приняла его с любовью, кротостью и желанием. Господь говорит в Святом Евангелии: Научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим; иго бо Мое благо и бре- II мя Мое легко есть (Мф. 11, 29–30). По слову Господа, «точно так же было легко матушке иго Христово и бремя Его было сладко ей, ибо она несла его с любовью всю жизнь до самой кончины.

В Священном Писании говорится: Блажен (то есть счастлив. – А. Г.) человек, иже возьмет ярем свой в юности своей (Плач. 3, 27). Так точно и досточтимая матушка от юности взяла на себя «ярем» Христов, то есть Христово послушание. Четырнадцатилетней девочкой она поступила в Ставропольский женский монастырь и всецело отдала себя на служение Богу. Там в молодые годы она научилась кротости, смирению и послушанию... Там она научилась любить Господа всем сердцем и

помышлением, и ближнего как самого себя. Особенно в первые годы жизни матушки в Ставропольском монастыре были там великие подвижницы – такие, например, как блаженная Платонида и другие молитвенницы. И вот на примере этих великих людей добродетели старалась воспитать себя наша матушка Фессалоникия.

За ее кротость, смирение и нелицемерное послушание любили ее сестры, любили и ценили начальники монастыря. И в зрелые свои годы она удостоилась за свое послушание быть начальницей над другими. Как известно вам, матушка Фессалоникия была благочинной здешнего женского Агафадоровского монастыря. Став начальницей, она, однако, была кротка и смиренна, умела быть строгой и милостивой, наказывала виновных и прощала исправляющихся...».

О своей духовной матери молодой отец Петр Сухо-носов говорит далее так: «Только представим себе, как она девочкой 14 лет от роду оставляет свой дом, оставляет своего дорогого отца, которого она нежно любила, братьев и сестер, оставляет родное село и идет куда-то на сторону – в монастырь к каким-то неизвестным людям! Что же заставило сделать такую резкую перемену в молодых годах? Конечно, это только любовь послужить Богу всей своей жизнью, как она действительно и послужила.

Какие же можно видеть плоды ее служения Богу? Как известно, у матушки нет ни родного сына, ни дочери. Но если могли вы только знать, сколько у нее духовных отцов и матерей, сколько братьев и сестер, сколько духовных сыновей и дочерей! Во много-много раз больше, чем у какой-либо матери, которая имеет родных детей! Одни из учеников ее – священники, другие – монахи, третьи – певцы и чтецы, четвертые – простые мирские люди, высокие своей религиозностью.

Одним из ее учеников являюсь и я, грешный. Она меня как бы вновь духовно возродила, воспитала и вскормила своим душеполезным учением. Своими молитвами и трудами она подготовила меня, грешника, к принятию великой благодати священства и до своей блаженной кончины умоляла Господа об укреплении моей веры...»

«Господь наделил матушку особенным даром и знанием пения и устава богослужения и вообще знанием духовной жизни, – рассказывает далее о великой подвижнической жизни своей наставницы Батюшка. – И вот все это она старалась вложить своим ученикам. Иногда говорила: «Я желаю, чтобы вы знали даже больше, чем знаю я». Так она любила учить доброму других. Смирение и кротость матушки видны были в том, что она почти

никогда не раздражалась и других не раздражала, не ссорилась, не говорила резких, обличающих горделивых слов. Делала замечания с любовью тем, кто принимал их. Она была особенно милостивой. Иногда даже снимала и отдавала одежду нищим, но больше старалась подавать милостыню втайне. Велика она была также и в своих молитвах.

Как же она молилась? Молилась так, как никто из нас не умеет молиться. Молилась со слезами из глубины своего сердца. Молитва была ее жизнью, молитва проходила всю внутренность существа ее. О такой молитве, конечно, не знают внешние люди, может знать только ее семейство да мы, близкие. Бывало, войдешь тихо в комнату, проснешься ночью, а она стоит в темноте ночной при мерцании лампы и молится горячо, со слезами, а иногда не только со слезами, а прямо с рыданием вслух. Так любила по-монашески молиться дорогая матушка.

О чем же она молилась? Прежде всего, молилась о себе, ибо считала себя величайшей грешницей, молилась о своих духовных чадах и о своих близких, обо всех, кто только просил ее святых молитв. Почему же она так молилась втайне, наедине? Для того, чтобы Господь, видящий втайне, воздал ей явно, то есть чтобы не от людей получить похвалу, но от Бога...

Своим присутствием она везде всех освещала, как освещает светильник всех окружающих. При всем этом досточтимая матушка всегда была верной дочерью Матери нашей: Единой, Святой и Апостольской Церкви. Любовь ее к церковному богослужению не знала никаких преград. Приходила в храм Божий раньше всех и уходила из него после всех. Часто в болезнях, а также особенно в последнее время жизни, когда могла ходить только по комнате, она также спешила в храм на богослужение и с великим трудом доходила к нему, а дома оставалась лишь только тогда, когда совсем была прикована к постели.

Как высоко она чтит пастырей Церкви Христовой! Благословение от них принимала с великой любовью и благоговением, считая себя недостойной пред велико-стью священного сана.

Да сподобит же Господь дорогую нашу матушку вечной блаженной жизни, да упокоит от многих трудов и болезней, идеже несть болезнь и печаль, да дарует ей единение и причастие со всеми святыми в рай сладости, к которому она всецело стремилась всем своим существом...»

Заканчивается же это слово необычайно проникновенно: «Дорогая наша мамочка, мы ничем не можем тебе воздать за твои труды, лишь только молитвой от своих грешных уст прими хотя

эту нашу преискреннюю любовь и сердечную благодарность! Ты оставила нас сиротами: не к кому обратиться за словом, наставлением и молитвою, но не отчаиваемся и веруем, что, отходя телом, ты не оставишь нас своим любящим духом и поможешь нам, когда мы обратимся к тебе в молитвах, ибо отойдя в загробный мир, ты имеешь еще большее дерзновение ко Господу. Прости же нас, грешных, и прими от нас земной тебе поклон».

Это прощальное слово прозвучит в храме, где будет стоять гроб почившей о Господе монахини Фессалоникии. Поздним вечером 13 марта 1955 года Господь принял ее святую душу, навеки упокоив от праведных трудов и подвигов в 80 лет от роду. Ее воспитанник Петр Сухонос был уже в священническом сане.

Настоятель церкви, куда ходила матушка Фессалоникия вместе со своим воспитанником, протоиерей Феодор Колесов, ставший впоследствии духовным отцом юноши, тоже заметил смиренного, кроткого и старательного мальчика и благословил его быть пономарем. Петя с радостью приступил к исполнению своих новых обязанностей в свободное от основной работы время. Бегать по селу со своими ровесниками и забавляться с ними разными играми он не любил. А еще больше не любил ребячьих насмешек, оскорблений и непристойных острот, отпускаемых в его адрес, когда он шел по селу в храм Божий помогать батюшке. Его притягивала к себе церковная благодать. В алтаре он чувствовал себя счастливым еще и потому, что тут мог спрятаться от всех и спокойно учить уроки, которые ему задавала духовная наставница. Бывало, все с ног сойдется, разыскивая пропавшего неизвестно куда мальчика Сухоносова, а матушка Фессалоникия лишь улыбнется: «Чего искать? Наш Петька опять в пономарке спрятался, уроки учит».

Отец Феодор был одним из немногих пастырей в крае, оставшихся верным «тихоновской» ориентации Православной Церкви, не поддавшийся соблазнам связать себя с обновленчеством. Служил он тут многие годы, не меняя прихода, не подыскивая себе лучших условий для жизни и пастырства, поэтому люди ехали к нему даже с далеких сел, доверяя свои души в то лукавое время церковных нестроений и обновленческого раскола. Все, что требовал церковный устав, отец Феодор совершал чрезвычайно строго. Колебаний в вере и в служении у него не существовало, и поэтому некоторые из прихожан сравнивали его с могучим деревом, которому не страшны никакие стихии. Был он, кроме того, бессребреником: за крещение младенцев, отпевание покойников, венчание брал столько, сколько давали люди, а если им нечего было дать, то не

требовал вовсе никакой платы.

Однажды к отцу Феодору девочка привела соседского мальчика – окрестить его, а заплатить нечем. Рассказала, что это очень бедная семья, у них пять детей, и все некрещеные. Отец Феодор посмотрел на девочку, которую давно знал как свою маленькую ревностную в вере прихожанку и сказал: «Веди их сюда – я всех буду крестить. А ты им будешь крестной». Девочка испугалась, выбежала из церкви и спряталась за углом. А отец Феодор тогда подозвал к себе блаженного Васю, жившего при церковном дворе, и наказывает: «А ну-ка, Вася, веди сюда няню, скажи ей, что батя кличет». Та вскоре привела соседских детей, о которых рассказала отцу Феодору, и тот всех крестил, не взяв с них ни копейки.

Уже один внешний вид этого пастыря внушал простым людям доверие, а властям – почтительное отношение. Всегда и всюду в строгом подряснике, аккуратные длинные седые волосы и белая борода, которых никогда не касалась бритва и ножницы, глубоко проникновенный взгляд из-под густых бровей... Будучи женатым, вел необычайно аскетический образ жизни, службы в храме совершались при нем неспешно, величественно, по монастырскому уставу. За службой поминал огромное количество людей, особенно любил молиться за души усопших, говорил прекрасные проповеди.

Люди, близко знавшие отца Феодора, рассказывали о том, как Господь спас его от неминуемой смерти. Случилось это в те годы, когда отец Феодор вместе с другими православными пастырями находился в заключении за свою веру и служение. Одного за другим священников выводили во внутренний тюремный двор и там расстреливали. Видя, что подходит и его очередь, отец Феодор взмолился ко Господу: «Аще будет святая воля Твоя, Господи, спаси мя, недостойного». И дал Господу обет неопустительно совершать все богослужения с воскресной полунощницей. И вот когда отца Феодора вывели на расстрел, охранник неожиданно сказал ему: «А ну, беги вон отсюда!». Так по милости Божией его миновала страшная доля. Свой же обет, данный Богу, отец Феодор исполнял строго. Ставропольский Владыка Антоний дал ему приход в Ипатово. Не случайно годы общения с отцом Феодором Колесовым стали в будущем для Петра Сухоносова хорошей школой пастырства и жизни.

В том же храме на клиросе пел старик по имени Порфирий. Кроме чудесного бархатного голоса он имел еще золотые руки переплетчика старинных церковных книг. Ремесло это он очень любил и знал досконально, а потому верующие люди даже из далеких сел тайком несли ему разодранные, полусгнившие, но ,

все же уцелевшие духовные книги. После реставрации они возвращались хозяевам из рук Порфирия как новые. Пете Сухоносому было уже 14 лет, когда матушка Фессалоникия попросила Порфирия обучить своего воспитанника этому ремеслу. И Петя оказался способным в усвоении не только церковной грамоты, но и секретов переплетного мастерства. С годами это дело станет любимым его занятием, которому он будет посвящать все свободное от службы время. Ну а в те годы, когда он готовился к поступлению в семинарию, переплетное ремесло в какой-то мере тоже помогало прокармливать его семью: люди просили юного пономаря отреставрировать старинные книги, а за выполненную работу рассчитывались чаще всего пшеницей или продуктами питания.

Отец Сампсон

В 1947 году в Ставрополье нашел временное пристанище подвижник, имя которого теперь всем широко известно: иеромонах Симеон – в будущем иеросхимонах Сампсон (Сивере). Пристроить его удалось благодаря заботам правящего архиерея Ставропольской епархии архиепископа Антония (Романовского). Этот Владыка отличался святой жизнью и праведностью. Выросший в простой крестьянской семье из села Савинцы Полтавской области, он 51 год прослужил в монашеском чине с именем Антония (в честь преподобного Антония Печерского), из них 38 лет в архиерейском сане. Само же епископство принял от Святейшего Патриарха Тихона, ныне причисленного Русской Православной Церковью к лику святых. Претерпел много страданий от безбожной власти, был сослан в лагеря, но по милости Божией вновь возвратился к архиерейскому служению. Почил о Господе в сане митрополита Ставропольского и Бакинского 7 ноября 1962 года и погребен вблизи врат Даниловского кладбища в городе Ставрополе.

Невзирая на многочисленные угрозы со стороны властей, Владыка Антоний давал в своей епархии приют священникам и монахам, которым удавалось вернуться живыми из мест заключения. Так сюда из Борисоглебска приехал и освободившийся из очередного заключения иеромонах Симеон. Некоторое время жил у монахини Фессалоникии: с нею он был лично знаком по годам лагерных скитаний. У своей духовной наставницы с подвижником познакомился и Петр Сухонос. Однако вскоре отца Симеона перевели на новый приход, который находился в 18 километрах от Ипатово, и монахиня Фессалоникия вместе со своим юным воспитанником стала ездить

туда, чтобы помогать изможденному солагернику, а юноше давать возможность духовного окормления.

Иеромонах Симеон чрезвычайно уважал монахиню Фессалоникию за ее ревностное служение Богу. В недоступных горах Грузии, где скрывались от преследования монахи, отца Симеона, матушку Фессалоникию и таких же, как они, отшельников, не имевших при себе никаких документов, оперативники НКВД вылавливали, как диких зверей, с помощью служебных овчарок и бросали за колючую проволоку. А там их ожидали снова издевательства, пытки, допросы, унижения...

«Мы, – делился впоследствии своими воспоминаниями старец, – были собраны за беспаспортное житие в горах Кавказа. Матушка Фессалоникия моя, Мария, Дофреза, тогда Груша была, и Валентина с Ириной. Владыка Арсений Смоленский в двенадцатый раз отбывал ссылку...» Страдания и лишения сближали людей.

На маленьком листочке отец Симеон аккуратно написал ему своим характерным почерком (последствие от пули, попавшей в плечо, когда его пытались расстрелять) текст знаменитой молитвы «Всемилостивая», которую, как рассказывал сам отец Симеон, ему открыл преподобный Серафим Саровский за несколько часов до ареста и ссылки в Соловецкие лагеря:

Всемилостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Всепречистая Дево, Богородице Марие, Мати Божия, Несумненная и единственная моя Надежда, не гнушайся мене, не отвергай мене, не остави мене, не отступи от мене; заступись, прости, услыши; виждь, Госпоже, помози, прости, прости Пречистая!

У многих духовных чад старца до сих пор бережно хранится эта молитва, написанная рукою старца-подвижника. Он наставлял всех, с кем Господь сводил на его нелегком жизненном пути, держать в сердце эту благодатную молитву, постоянно упражняться в ней, призывая на помощь небесное заступничество Матери Божией. Как сам неоднократно свидетельствовал иеросхимонах Сампсон, «Всемилостивая» оберегала его все 18 лет лагерей и во все другие времена. «Это, – говорил старец о молитве, – была ненасытная пища для меня».

На таких же маленьких листочках он в очень сжатом, почти конспективном виде, писал своим воспитанникам некоторые наставления. Вот, например, один из таких сохранившихся листочков. «Чего надо бояться? – поучает старец. – Злоречия. Злословия. Пересуда. О ком-либо плохое что-либо сказать. О себе ни словом, ни намеком. Не извинять себя и не заступаться за себя, себя защищая. Чтобы лень, праздность, беспечность не мешали бы молитве. Бояться забыть, не прочесть сердцем с умом

«Достоинство есть» 40 раз. Лень: книгу читать духовную 30 минут ежедневно. Не записать укоризны совести. Молитва, молчание, самоосуждение всему научат богоугодному». Особенно настоятельно отец Симеон добивался от своих юных воспитанников того, что он называл «записью укоров совести»: в конце каждого дня, прочитав молитвы перед тем, как отойти ко сну, постараться вспомнить и записать все, в чем сегодня обличила совесть. Записать до мельчайших грехов, уловить каждое неверное движение души, каждый лукавый помысел. Эти записи, учил старец, должны быть основой нашей исповеди: чистосердечной, искренней, осмысленной, а не механической, заполненной общими словами.

Отношение отца Петра к старцу Сампсону всегда было глубоко почтительным. Говорим это для того, чтобы снять иные утверждения, построенные на догадках и неподтвержденных фактах. Нельзя, например, согласиться с одним из авторов [8], совершенно безосновательно утверждающим, что отрок Петр «с почтением слушал его (т.е. отца Симеона – прим. авт.) жизнеописания, но сам был носителем другого духа (выделено нами – прим. авт.)». Тем более никто не слышал от отца Петра слов о том, что отец Сампсон – это, якобы, «моя боль по сегодняшний день». Отношение ж гонимого священномонаха Симеона к 16-летнему пытливому юноше тоже было чрезвычайно теплым, бережным, по-настоящему отеческим. Об этом свидетельствовала выросшая вместе с отцом Петром покойная ныне монахиня Анастасия, сама много лет находившаяся под благодатным духовным окормлением старца. Многие годы спустя, когда Петр Сухонос стал священником, отец Симеон, находясь в Псково-Печерском монастыре и зная об аскетическом пути своего ипатовского воспитанника, неоднократно говорил, что даже в их обители едва ли найдется пять-шесть монахов такой строгой жизни.

На Ставрополье любили опального, всюду гонимого батюшку. Интерес к его проповедям был настолько велик, что народ вместо того, чтобы по привычке в выходные дни идти в клуб на танцы, потянулся в храм Божий. Впоследствии старец так вспоминал об этом отрезке своей жизни: «Там я нашумел своими проповедями на исповеди. Я их проводил очень настойчиво, желая отвратить, омерзить ко греху человека кающегося. И вот какие там наступили времена: я начал службу в Великую Среду и, не выходя из храма, кончил на Пасху в 11 часов дня. День и ночь был народ. День и ночь приходили люди каяться, день и ночь шла служба. Если служба кончалась, то я начршал новую исповедь. Из Ставрополя удалось причастить почти тринадцать тысяч

богомольцев. Победа Православия была великая! Первомайский «праздник» был сорван...».

В близком общении с будущим старцем Сампсоном прошел год.

Матушка Анастасия

Наш рассказ о первых воспитателях кавказского исповедника и страстотерпца будет неполным, если мы обойдем молчанием одну удивительную семью. Ее можно назвать ревностной хранительницей христианства и благочестия в то страшное безбожное время. Тесное общение с ней не в последнюю очередь тоже формировало духовный облик Петра Сухоносова.

Глава этого семейства Аверьян Гаврилович Шикера, как и все его потомки, были украинцами, жили на древней черниговской земле, давшей Церкви немало подвижников. Чего стоят такие выдающиеся имена, как святитель Феодосий и преподобный Лаврентий Черниговские! Прадед Аверьяна Гавриловича – Иаков – вместе с другими паломниками когда-то пешком «хаживал» во святой град Иерусалим, откуда принес на своих плечах образ «Святое Семейство», выполненный тамошними мастерами на доске больших размеров. В 1921 году, когда на Украину пришел первый голод – предтеча страшного голодомора 1933 года, искусственно вызванный бездумной хозяйственной политикой большевиков и массовым ограблением трудолюбивых украинских крестьян, Аверьян Шикера двинулся со всем семейством на юг России, в Ставрополье, где в разное время поселилось немало выходцев с того же края. Там прочно обосновался и Аверьян.

Из десяти детей, которых Господь послал этой семье, семеро умерли в младенчестве вскоре после появления на свет. Родители много и слезно молили Бога сохранить их боголюбивое потомство. И Господь услышал молитву, сохранив для дальнейшей жизни трем детям: девочке Александре (она была старшей) и двум ее братьям – Максиму и Ване. Все они были близкими по возрасту Петру Сухоносову, и детская дружба с ними наполняла практически весь его ребячий досуг. К тому же Ваня, как и Петр, прислуживал местному настоятелю отцу Феодору пономарем.

Воспитание, которое получили все дети Аверьяна, было глубоко православным. Сам он был человеком духовно грамотным, большим знатоком и любителем святоотеческого чтения. Вместе с собой они перевезли с родины главное сокровище: книги и прекрасный домашний иконостас. Веру православную родители исповедовали открыто и смело, без оглядок на преследования и насмешки, и прививали с ранних лет

такую же ревность и своим детям.

«Я была еще совсем маленькой девчушкой, – вспоминала матушка Анастасия, в миру Александра Аверьяновна Шикера, – а родители часто брали меня с собой, когда ездили на мельницу молоть выращенную пшеницу. Возвращаемся домой с груженной подводой, навстречу идут натрудившиеся за день колхозники. Папа и говорит: «А ну давай пой «Богородицу»!» Я и начинала звонким детским голосочком, еще не умея выговорить букву «р»: «Боголёдице Дево, лядуйся...» Люди идут, удивленно оглядываются по сторонам: откуда это чудо такое? А меня за мешками вовсе не видно».

Надо отметить и то, что глава этого семейства никогда не был колхозником и не давал на то своего согласия, несмотря на неоднократные уговоры, угрозы со стороны местных властей и даже насильственное изъятие у него зерна, выращенного собственным трудом. Всю жизнь он прожил единоличным хозяйством, приучая к трудолюбию детей.

Кроме домашнего духовного развития и воспитания, проходившего под непосредственным руководством благочестивых родителей, дети с ранних лет были глубоко церковными и сами ревновали о Матери-Церкви.

«Невозможно даже представить, – вспоминала о тех далеких годах покойная матушка Анастасия (Шикера), – чтобы мы пропустили воскресную службу или большой церковный праздник. В храм шли вместе с родителями, а то и опережали их. Подготовка ж к Пасхальной ночи вообще была особенной и незабываемой. Родители, конечно же, жалели нас, чтобы мы не утомились за долгим ночным богослужением, и поэтому заранее укладывали спать. Мы же страшно боялись проспать эту святую ночь. И вот однажды, когда мне было годика три-четыре, я додумалась своим детским умом до такой хитрости. Я нашла в доме моток крепкой конопляной веревки, тихо обмотала один ее конец вокруг ноги дедушки Гавриила, который мирно спал на печи, тоже набираясь сил и бодрости перед Пасхальной ночью, а другим концом привязала за ногу саму себя. Думала так: дедушка проснется, встанет с печи – и дернет меня веревкой за ногу. Я тут же проснусь и пойду со всеми в церковь. Так и случилось, но только не подозревавший ничего дедушка дернул меня так, что я вылетела из своей кровати и покатилась по полу. Перепуганный насмерть дедушка, истово крестясь, подбежал ко мне, но увидев, что со мной ничего не случилось, и, поняв, в чем тут дело, весело рассмеялся и тут же велел мне собираться в церковь».

Тесное общение с монахиней Фессалоникией оставило неизгладимый след в душе не только юного Петра Сухоносова, но

и детей Аверьяна Гавриловича Шикеры, особенно его старшей дочери Александры. Именно это общение укрепило горячее желание Шуры стать, как и ее наставница, монахиней, всецело посвятить себя служению Богу. Общение ж с опальным иеромонахом Симеоном, ставшим впоследствии духовником Александры на многие годы, окончательно убедило ее сделать этот жизненный выбор.

«С кем поведешься – того и наберешься», – гласит мудрая пословица. Тесное и близкое общение с детьми Аверьяна Шикеры постепенно вытеснило из юной, еще не до конца окрепшей души Пети Сухоносова желание водить дружбу с другими мальчишескими компаниями, особенно теми, против которых возражала его мама и старшая сестра. Так в душу отрока входила живая, искренняя вера в Бога, не требовавшая никаких особых «доказательств» и умствований, христианское благочестие, любовь к Матери-Церкви и многие другие качества, которые впоследствии окончательно определяют его пастырский образ.

Семинария

С такой детской, простой, искренней верой юный Петр Сухоносов в 1948 году поступил в Ставропольскую семинарию, а в 1952 году успешно окончил ее. Это был третий выпуск молодых православных пастырей. По ходатайству и убедительным просьбам духовной наставницы юноши монахини Фессалоникии к куратору семинарии Ставропольскому Владыке Антонию (Романовскому), Петру Сухоносову пошли навстречу и зачислили в число семинаристов, несмотря, как мы уже пояснили выше, на нехватку возраста и образования.

Ставропольская духовная семинария в те годы располагалась в помещении, где когда-то ступала нога святителя Игнатия Брянчанинова. Это был третий послевоенный выпуск молодых православных пастырей. Выпускная фотография, на которой мы видим отца Петра, дает некоторое представление о жизни семинаристов тех лет. С фото на нас глядят одухотворенные лица преподавателей: ученых-богословов, церковных историков, архимандритов.

В подборе преподавателей семинарии Владыка Антоний был чрезвычайно строг. К работе с семинаристами он привлекал только тех педагогов, которые отличались глубокой верой, нравственностью, знаниями. Достаточно назвать их имена: профессор протоиерей Александр Преображенский, профессор Иван Александрович Самуйлович, профессор Петр Иванович Харламов, профессор Дмитрий Петрович Огицкий, профессор

Иван Иванович Зеленецкий, кандидаты православного богословия Николай Федорович Троепольский и Зиновий Ефимович Хаинский... Так по милости Божьей и попеченьями архипастыря настоящие светила богословской науки нашли приют в маленьком провинциальном городке, почти станице, каким в те годы был Ставрополь. В большие города их попросту не пускали.

Владыка Антоний сумел не только возродить духовную семинарию, но и добиться того, чтобы там царила дружественная, спокойная, по-настоящему семейная атмосфера. Кроткий святитель сам был очень прост, открыт, общителен, доступен, и юные семинаристы искренно любили своего заботливого и доброго наставника, который ласково называл их своими «птэнцамы». Кроме того, из числа одаренных семинаристов Владыка организовал прекрасный церковный хор.

Среди семи выпускников семинарии, которых мы тут видим (их, конечно же, было больше), двое уже в иерейском сане. Один из них – сам отец Петр Сухонос. Тогда ему исполнилось 23 года.

Кроме глубокой искренней веры, которая привела будущего Батюшку в семинарию, в этом выборе был, видимо, еще один – сугубо сокровенный, личный – мотив, о котором лишь недавно рассказал близкий друг детства отца Петра киевлянин Владимир Тихонович Затынайко: «Как-то в один из душевных разговоров я спросил: «Петя, что побуждает тебя идти в священники? Ведь ты постоянно будешь подвергаться опасностям, преследованиям, издевкам, насмешкам, унижениям и возможно даже попыткам физического уничтожения». На это он ответил: «Я должен отмолить у Бога грехи своего отца...».

Учеба в семинарии требовала огромного старания. Однако сам Батюшка признавался, что учиться ему было не в тягость, несмотря на нехватку общих знаний и жесткие требования преподавателей к учащимся. Недостаток школьного образования юноша компенсировал усидчивостью, кропотливым трудом с учебниками, постоянным самообразованием, расширением кругозора. Он с удовольствием изучал богословские науки, риторику, древние языки, Священную историю. По его же признанию, при изучении этих любимых им предметов открывался великий богословский смысл всего того, что совершалось в таинстве Божественной Евхаристии. Каждая деталь, каждое слово, каждое движение тут были исполнены такого величия и неземной красоты, что приводили в трепет юное сердце и душу, наполняя их благоговейным страхом и умилением перед Тайной заклания Святого Агнца «за всех и за вся».

Близкое общение с опытными духовниками и пастырями в

стенах семинарии обогащало его знанием не только теории, но и самой жизни, которая ждала будущего пастыря за порогом семинарии. Ревность в учении была неотделима от стремления к постоянному духовному самоусовершенствованию, самоанализу и самоконтролю за малейшим движением помыслов и чувств. Об этом красноречиво свидетельствует случай, про который рассказывал сам Батюшка.

«Как-то к нам в общежитие вселили группу первокурсников, только что сдавших приемные экзамены и зачисленных в семинарию. Расселили их по комнатам, а они шумят, смеются, разговаривают без умолку, ходят по коридору. Нас, естественно, это отвлекало и от занятий, и от молитвы. «Какие же из них священники будут, если они такие неугомонные?» – подумалось мне. И вот за такую дерзость, что я плохо подумал о людях, Господь попустил мне духовную брань. Полезли в голову такие мысли, что и вспомнить страшно. Стою в храме перед святыми образами, а в голову грязь так и лезет, и нету от нее никакого спасения. Тогда пошел я к своей духовной наставнице матушке Фессалоникии, открыл ей беду, она внимательно выслушала меня, а потом спрашивает: «Ну-ка постарайся вспомнить: ты никого не осуждал – может, даже случайно?» И я тогда вспомнил, что действительно поступил нехорошо и просил у Господа прощения. Только после этого враг отступил. А те ребята стали впоследствии прилежными студентами, очень смиренными и послушными. Вот что значит: не суди ближнего...».

4 ноября 1951 года, на праздник Казанской иконы Божией Матери, молодой выпускник семинарии Петр Сухоносков стал диаконом, а на следующий год – 24 февраля 1952 года – был рукоположен во иерея. Рукополагал его Владыка Антоний. Он теплой отеческой любовью любил своего воспитанника-семинариста. Монахиня Киевского Покровского монастыря Анастасия вспоминает, что во время рукоположения Владыка читал над отцом Петром архиерейскую молитву, будучи не в силах сдержать своих слез. Что это были за слезы? Быть может, в это мгновение архиерей прозорливо увидел то, что ожидало его ученика через сорок с лишним лет? Возможно, перед его духовным взором открылась страшная яма, на дне которой будет лежать бездыханное, замученное пытками и голодом старческое тело того, кому он сейчас передавал в руки Святого Агнца с величественными словами: «Приими Залог сей и сохрани Его цел и невредим, о Нем же истязай будеши...».

Близкие люди вспоминали, что после посвящения во иереи он сказал молодому отцу Петру: «Будешь служить до конца жизни своей...».

Владыка Антоний, вне всякого сомнения, отличался выдающимися святительскими способностями. По некоторым сохранившимся свидетельствам, иногда люди видели над головой этого архиерея три светлых венца: монашеский, святительский и исповеднический. Пройдут годы – и сказанное о Владыке Антонии можно будет с полным правом перенести на его любимого ученика Петра Сухоносова: тот же аскетизм, та же необычайная скромность и непритязательность в личной жизни, то же горение веры, непримиримость к любой неправде. Именно эти качества нестигаемого пастыря Владыка прозорливо увидел в молодого семинариста Петра Сухоносова.

7 ноября 1962 года, когда перестанет биться сердце Владыки Антония, его ученик и воспитанник Петр Сухоносов напишет некролог – нигде не опубликованный, отпечатанный собственноручно на старенькой пишущей машинке и оставленной, вероятно, нам для того, чтобы имя достославного святителя никогда не было забыто людьми:

«Покойный иерарх, – пишет отец Петр о почившем о Господе Владыке Антонии, – отличался исключительной работоспособностью. Он неутомимо трудился всю жизнь, и лишь за неделю до кончины, пораженный тяжким недугом, лишившим его сил, прекратил свой труд и слег. Но и в этом состоянии он не переставал заботиться о своей пастве, и даже за несколько часов до смерти спрашивал своего секретаря о епархиальных делах.

В последние дни жизни митрополит Антоний ежедневно причащался Святых Тайн, а в самый день смерти просил читать над ним отходную и тихо молился. Перед тем, как испустить дух, он отчетливо произнес: «Господи, Боже мой...» и сделал знак духовнику. Тот прочел разрешительную молитву, вложил в руки умирающего святой крест, и митрополит Антоний тихо почил...».

Этот некролог написан отцом Петром поразительно проникновенно и духовно. Он говорит о нелегком жизненном пути почившего Владыки, наполненном великими скорбями и испытаниями, говорит о его личном подвижничестве, высокой праведности, любви к своей пастве. Слово памяти о своем учителе и наставнике отец Петр завершает необычайно жизнеутверждающе:

«Господь наш Иисус Христос взял на себя всю тяжесть грехов верующего человечества, и нам дает благодать носить друг друга тяготы. Следовательно, мы можем с полной верою принимать участие в загробной жизни усопших. Сочувствуя загробному состоянию опередивших нас своим переселением, мы обязаны стремиться к улучшению их состояния во Христе Иисусе, пришедшем на землю для их спасения. По мне гряди (Лк. 9, 59) –

это слова, сказанные живому на его прошение прежде похоронить отца. Вот единственное средство помочь умершим! Жизнь живых без Христа, жизнь не в духе Христовом не улучшит состояния умерших. Умершие будут покойны и довольны нами, оставшимися еще на земле, когда мы любовь к ним выразим не словами только, а делами, истинною нашею жизнью. Чадца моя, не любите словом, ниже языком, но делом и истиною (1 Ин. 3, 18) – учит нас святой апостол Иоанн, которого называют апостолом любви. Любовь наша к умершим должна соответствовать любви Господа к нам: любите друг друга так, как Я возлюбил вас; любите до положения жизни вашей за спасение ближнего, как и Я умер во спасение ваше, так и вы любите (ср. 1 Ин. 3, 19–22).

Ежели любим Господа, то должны любить и живущих в загробной жизни. Эта заповедь о любви не разделяет живых с умершими, но соединяет. Любовь не умирает».

Часть II. Начало пути

Целибат

Собственной семьи Батюшка никогда не имел: он был священником-целибатом, давшим обет безбрачия. Жизнь он вел строго аскетическую, монастырскую, хотя и не давал монашеских обетов. Своей семьей он всегда считал паству, с которой служил Богу. Безбрачным отец Петр стал тоже промыслительно. Чтобы приоткрыть завесу этой тайны, возвратимся вновь в его детские и юношеские годы.

У духовной наставницы юного Сухоносова монахини Фессалоникии в станице Ипатово была еще и воспитанница по имени Шура. Дети вместе росли, вместе ходили в храм на богослужения. Шура пошла очень рано зарабатывать на пропитание семьи: она разносила по селу почту. Петя часто бывал у них дома, дружил с Шуриными братьями, тоже верующими ребятами – иных мальчишеских компаний он не водил и не знал. Вместе они любили ходить в гости к отцу Симеону, нашедшему приют на Ставрополье, а когда его перевели за 18 километров от Ипатово, то каждый раз стремились попасть туда. Шура успевала обежать весь свой участок, чтобы разнести людям письма и газеты, а потом бегом в Дербетовку, где служил опальный иеромонах. Расстояние в 18 километров она одолевала за один час. Прибежит, бывало, запыхавшись, а отец Симеон говорит: «Посиди, отдышись. Мы задержим немного начало службы, чтобы Шура отдохнула. А ты, Петя, – обращался он к юному Сухоносову, – принеси воды и помой Шуре ноги, ведь она утомилась». «Ничего, она еще молодая, сама помое», – вроде как заступалась матушка Фессалоникия. Так и росли они вместе – Петя и Шура, пока оба не повзрослели: Петр Сухоносов стал семинаристом, а Шура – молодой красивой девушкой, которая бойко читала по-славянски, пела на клиросе и по-прежнему работала сельским почтальоном.

И вот когда учеба в семинарии для Петра Сухоносова приблизилась к окончанию, матушка Фессалоникия однажды вечером пригласила к себе свою воспитанницу и повела с ней разговор про ее дальнейшую судьбу. Рядом сидела мама Петра Сухоносова Мария Прокопьевна.

«Шура, – полушутя вдруг обратилась к ней матушка, – а что если мы тебя замуж выдадим? Ты за кого хочешь пойти: за семинариста или академиста?» «Матушка, – вспыхнула от такой

неожиданности и стыда девушка, – да у меня и мысли про замужество нет. Я хочу, как Вы, стать монахиней».

Откуда родилось у нее такое намерение? Возможно, тогда, когда она слышала еще совсем маленькой девочкой, как ее благочестивый отец Аверьян читал домашним книгу святых пророчеств, и там Шура услышала слова о том, что в последние времена горе будет питающим сосцами (см. Мф. 24, 19). В простоте своей детской веры Шура тогда подумала и решила: «А вот возьму и не выйду замуж». Годы общения с монахиней Фессало-никией лишь укрепили ее в этом стремлении. Казалось, матушка во всем понимала и поддерживала ее, а тут – такой разговор. «Дурная ты, Шурка, дурная, – в сердцах начала опять матушка, – я ж как лучше хочу все устроить. Не за колхозника же тебя выдавать. А в какой монастырь ты пойдешь, когда все кругом закрыто?» И давай опять уговаривать до глубокой ночи. Шура только отнекивалась, защищаясь последним, как ей казалось, наиболее убедительным аргументом: «Матушка, вот Вы сами монашкой стали, а мне жениха ищете». На том и разошлись. Однако на следующий день начавшийся разговор про замужество получил свое неожиданное продолжение. Сидя у раскрытого окна, Шура вдруг услышала, как во двор пришли сваты и стали договариваться с родителями о будущей свадьбе. Выросла же Шура в очень богобоязненной семье, где перечить родителям, противиться их воле считалось большим грехом. «Царица Небесная! – со слезами взмолилась девушка перед образом Иверской Божией Матери, что висел у них в хате. – Отведи от меня такую напасть, пошли мне болезнь – все, что Тебе будет угодно, только спаси от замужества». Шура истово молилась, обливаясь слезами и думая: «Я бы согласилась жить с мужем, как брат с сестрой. Так кто ж пойдет на такое замужество?» Сваты вскоре ушли вполне довольные состоявшимся разговором, а там наступил вечер, за ним и ночь.

Утром, как обычно, Шура пришла на почту взять письма и газеты. Внезапно она почувствовала нарастающее недомогание, которое видимо отразилось на ее лице. Начальник почты, посмотрев на Шуру, отпустил ее домой, чтобы она немного отлежалась – он поступил по-человечески в надежде, что ее недомогание пустячное, ведь в то время получить больничный лист было делом непростым. Отец Шуры Аверьян очень удивился, когда увидел свою дочь, возвратившуюся так рано и лежащую в постели. Он подошел к ней и взял за руку. Нестерпимая боль пронзила все тело девушки, и она закричала. От больницы она категорически отказалась и пролежала недвижимой дома с температурой 40 почти целый месяц. Встать с постели здоровыми

ногами она уже не могла и продолжала обессиленной лежать дома. Целый год ее кормили с ложечки, ибо внезапный паралич сковал не только ноги, но и все тело. На Пасху Шуру поздравил отец Симеон: Батюшка служил на тот час уже далеко от Ипатово – в городе Спасске, а потому прислал своей воспитаннице красочную иерусалимскую открытку. В это мгновение Шура отчетливо почувствовала, что Господь обязательно воздвигнет ее по святым молитвам духовного отца «из нездоровия во здравие». Так и случилось. На Троицу в дом Шуры принесли освященную траву, которой украшали царские врата в храме. Нагрели бочку воды, запарили эту траву, отвар слили в бочку и бережно опустили туда немощную Шуру. Выйдя оттуда, она смогла впервые за все долгое время болезни перейти комнату на костылях, а на второй день попросила родительского благословения отпустить ее с паломниками в Киев и Почаев. Повезли Шуру две вдовы из их села. В Киеве она приложилась к чудотворным мощам Печерских угодников, окатилась святой водой из колодца, что на территории Лавры, а в Почаеве слезно припала к чудотворным образам Божией Матери. После этого она, бросив костыли, поднялась там на «Божью Горку», пройдя пешком без посторонней помощи 12 километров.

Шура возвратилась домой полностью исцелившейся. Ее глубоко верующие родители увидели в этом чуде особый знак Промысла Божиего над их дочерью и больше не навязывали ей свою родительскую волю. Вскоре Шура вновь встретилась с молодым Петром Сухоносковым – теперь уже выпускником семинарии. Он открыл ей тайну, что ему хотят посвятить другую девушку, только он думает остаться безбрачным.

«Не знаю, – поделился он сомнениями, – под силу ли мне будет такой подвиг?..» «Зато на небесах потом хорошо будет», – ответила ему Шура. Так отец Петр Сухо-носков стал священником-целибатом: он сделал свой жизненный выбор. А Шура, в 20 лет взяв благословение у своих родителей, тоже ушла туда, к чему давно стремилась ее душа – в монашество. Сегодня это уже почтенная старица – ныне здравствующая монахиня Анастасия (в миру Александра Аверьяновна Шикера), насельница Свято-Покровского монастыря в Киеве. Духовно близкими – как брат с сестрой – они останутся навсегда, сохранив верность своей детской дружбе. Этому духовному родству не в силах помешать смерть Батюшки...

В родном Ставрополье

Некоторое время отец Петр служил в главном храме

Ставропольской епархии – кафедральном соборе святого апостола Андрея Первозванного. Прихожане быстро полюбили молодого батюшку за его усердие, незлобие, кротость и старались попасть на исповедь именно к нему, из-за чего служба затягивалась дольше обычного. Возможно, это в какой-то мере уязвляло самолюбие некоторых его собратьев, как бы умаляло их. А возможно, не слишком выразительный и музыкальный голос вчерашнего семинариста не очень гармонировал с торжественной обстановкой кафедрального собора.

Как бы там ни было, отца Петра переводят приходским священником в станицу Малые Ягуры. Батюшка вовсе не скорбел об этом, но даже был рад новому назначению, ибо, воспитанный в простой крестьянской семье, он искренно считал себя недостойным братья за духовное наставничество высокообразованной городской интеллигенции. Одновременно ему предписывалось обслуживать и соседние станицы. За короткий срок он сумел переоборудовать для совершения богослужений хатку и даже увенчал ее крышу небольшим куполком с крестом, что по тем временам было мужественным поступком: власти не прощали священникам инициативы и старались всячески притеснить ревностных пастырей. Так стал «неудобным» местному уполномоченному по делам религий и молодой настоятель Петр Сухоносков. Вскоре для расправы с ним нашелся формальный повод.

В одном из соседних с Малыми Ягурами сел – Камбулате – верующие решили сделать богоугодное дело: они купили маленькую хату, откуда к детям уехали старики, снесли туда иконы и стали собираться там по воскресным дням и праздникам. Решили, что так будет лучше и для людей, и для самого Батюшки: теперь ему не надо ездить по домам причащать больных или служить молебен – все можно совершать в одном месте. Но кому-то из враждебно настроенных атеистов такая инициатива показалась неслыханной дерзостью – и в органы внутренних дел был отправлен грязный донос. Во всем обвинили не инициаторов, а прежде всего отца Петра Сухоноскова, который, якобы, совершил самоуправство, открыв в селе новую церковь. Уполномоченный обратился на имя правящего архиерея Владыки Антония и в вышестоящие инстанции государственной власти с предложением принять незамедлительные меры в отношении настоятеля. Сохранилось одно из таких секретных донесений председателю Совета по делам Русской Православной Церкви. В этом документе, датированном 10 января 1959 года, в частности, сказано: «Имел место случай нарушения закона об открытии церквей. В с. Камбулат Петровского района, в доме сирот

Леляковых, с разрешения их дяди Лелякова И. М. группой верующих был оборудован молитвенный дом (в дом было внесено 22 иконы, сделан аналой). Священник Сухонос П. П. из села Малые Ягуры приезжал в с. Камбулат по требованию верующих, проводил службы и совершал требы... Несмотря на предупреждение Петровского райисполкома о незаконности этих действий, священник Сухонос продолжал посещать Камбулат и 4 ноября 1958 года совершил в доме Леляковых церковную службу с большим стечением верующих... Организованный самовольно молитвенный дом в с. Камбулат закрыт, а священник Сухонос П. П. снят мною с регистрации...»

Несколько месяцев после скандала – с марта по июль 1959 года – Батюшка служит настоятелем Покровской церкви в соседнем селе Дивное, а затем получает архиерейский указ ехать почти на самую окраину Ставропольского края, к калмыцким степям – в село Рагули, чтобы сменить там настоятеля местного Михайло-Архангельского храма. Но у этого назначения тоже есть своя небольшая предыстория.

«Мамаша Феодосия»

В те далекие годы в Рагулях жила известная старица Феодосия. Она была, без преувеличения, настоящей подвижницей с многоскорбной судьбой. Ее отца Устима еще в 1937 году репрессировали. Позже она потеряла мужа и старшего сына Василия, а затем и другого сына – Григория, который возвратясь с войны с 21 боевым ранением, вскоре умер. Несмотря на тяжелую болезнь, – у старицы было сильное повреждение позвоночника в результате травмы, полученной еще в 20-е годы, – она никогда не теряла присутствия духа, непрестанно подвизалась в молитве и посте, сохраняла ясную мысль и чувство справедливости. У нее было много духовных детей, которых она нежно любила, а те, в свою очередь, ласково называли ее своей «мамашей». Старица была наделена от Господа даром прозорливости и духовной мудрости. К ней шло много молодежи, которая тянулась к свету веры и жаждала духовного общения.

Из-за тяжелой физической травмы старица вынуждена была лежать на животе практически недвижимой. Пока была рядом ее родная мама, она постоянно ухаживала за своей немощной дочерью. Позже попечительство над старицей взяли близкие ей люди. Четыре незамужних женщины из соседних станиц постоянно ухаживали за ней. Одной из этих благочестивых жен была родная тетя отца Петра по маминой линии Татьяна Прокопьевна. Она неотлучно несла подвиг милосердия возле одра

болящей на протяжении 27 лет.

О том, насколько строгой и аскетической была жизнь подвижницы «мамаши Феодосии», свидетельствуют сохранившиеся воспоминания. Комната, где лежала старица, никогда не отапливалась – даже в зимнее время года. Мало того, зимой и летом обе оконные рамы оставались не застекленными и закрывались ставнями на болты лишь ночью и при наступлении ненастной погоды. Когда на дворе было холодно, старицу укутывали пуховым одеялом и подкладывали грелки, а подушки грели на русской печи, и ими тоже обкладывали немощное тело страждущей. Сами послушницы одевались также тепло, ибо от холода на стенах комнаты искрился морозный иней. В этом же помещении для молитвы и духовного утешения старицы был устроен прекрасный иконостас с двумя неугасимыми лампадами. В такой обстановке старица Феодосия подвизалась 40 лет своей жизни, всецело предав себя в руки милосердия Божиего.

Будущего батюшку Петра она знала еще с того времени, когда тот отроком вместе с мамой приезжал в Рагу-ли проводить немощную «мамашу Феодосию» и повидаться со своей родной тетей. Как-то Феодосия подарила мальчику Пете открытку: на ней был изображен корабль, несущийся по морской стихии. Это был вовсе не случайный подарок: блаженная старица, надо полагать, прозорливо видела судьбу юного отрока, которая будет связана с великим Кораблем нашего спасения – Христовой Церковью. Позже, будучи уже семинаристом, Петр Сухоносков в аккуратном темном подряснике сам неоднократно навещался в Рагули проводить подвижницу и тетю. А когда он стал священником и жители села узнали, что его собираются переводить из Дивного на новое место, то духовные чада старицы сильно возжелали, чтобы отец Петр служил непременно у них. И добились своего: Батюшка получил архиерейское назначение быть настоятелем небольшого храма в Рагули.

Рагули

Как мы уже отметили, в Дивном служение Батюшки было очень непродолжительным: всего несколько месяцев. Но даже за такой короткий срок его там успели полюбить, и поэтому, как вспоминают старожилы, «дивненцы отпускали отца Петра с великой скорбью». Уже в те годы обнаружилась благодатная сила молитв молодого пастыря. Рассказывают, что когда отец Петр Сухоносков служил в Дивном, к нему в храм приехала девушка по имени Лида из города Светлогорода. Она временно жила в Армавире и находилась на послушании у монахинь

ликвидированного там женского монастыря. Лида сильно страдала от нечистых духов: во время богослужения кричала, падала на пол, теряла сознание. Где только ни была – ничто не могло ей помочь. Кто-то посоветовал поехать в Дивное: там, сказали, Батюшка хоть и молодой, но большой молитвенник. Девушка приехала и со слезами отчаяния стала просить о помощи. Отец Петр стал усердно молиться вместе с несчастной, и та вскоре почувствовала в себе необычайное облегчение. От радости она упала настоятелю в ноги и сказала: «Батюшка, где будете Вы – там буду и я. Благословите». Но родные отца Петра – мама и сестра - Татьяна Петровна – встретили такую радость довольно сдержанно: ведь Батюшка был целибатом, и его надлежало беречь от ненужных соблазнов и искушений. Лида пошла своей жизненной дорогой, но, по ее признанию, прежние страдания к ней больше не возвращались.

Предшественник отца Петра в Рагулях, как говорят, не смог прижиться там. Причиной всему была одна его слабость, ставшая для многих искушением. Верующие терпели около двух лет, но в конце концов вынуждены были обратиться к архиерею с горячей просьбой поменять настоятеля и направить к ним молодого священника из соседнего села – отца Петра Сухоносова. Владыка пригласил к себе обоих: батюшку Петра и настоятеля храма в Рагулях. Доподлинно известно, что Владыка Антоний, зная про высокую личную порядочность, скромность, ревностное служение своего ученика – священника Петра Сухоносова – думал поступить с ним несколько иначе: поставить его благочинным. Но, вняв горячим просьбам жителей села и самого Батюшки, направил его настоятелем в село Рагули.

Казалось, теперь ничто не предвещало беды. Рядом были люди, которые отца Петра давно знали, понимали и во всем поддерживали. Вместе с ним сюда переехала его старшая сестра с матерью. Батюшка стал меньше простужаться и болеть, как это с ним часто случалось в Малых Ягурах: то село находилось в низине с промозглыми туманами и вечной сыростью. Жители села Рагули встретили отца Петра с ликованием. Однако и тут его пастырское служение оказалось недолгим. Приехав сюда на служение в 1959 году вскоре после Пасхи, он уже накануне Великого поста следующего 1960 года вынужден был оставить приход и покинуть Рагули. Причины этому были разные. Кое-кто из прихожан возроптал: дескать, прежний настоятель был такой «голосистый», а этого «еле слышно». Но, главное, на него неожиданно восстал директор местной школы.

Как ни странно, формальной причиной этому послужило худощавое лицо молодого Батюшки (!). Действительно, полным

он никогда не был, потому что много и постоянно постился, не сидел, сложа руки, мало спал. Видя, что молодежь потянулась к отцу Петру, к его проповедям, стала активно посещать не сельский клуб, а церковь, директор школы оклеветал батюшку, разослав во все инстанции письма-кляузы, в которых сообщалось, что настоятель храма, дескать, болен туберкулезом и заражает людей через Чашу Причастия. Конечно, такие письма не могли остаться незамеченными. Власти искали малейшего повода, чтобы оболгать любого православного священника, а то и просто изолировать от паствы. И теперь им подвернулся удобный случай расправиться наконец с пастырем, который давно находился в поле неусыпного контроля со стороны уполномоченного по делам религий и так называемых «компетентных органов». Отец Петр никогда не любил «смаковать» свое прошлое, но очевидцы рассказывали, как оперативные работники, занимавшиеся вербовкой доносчиков среди мирян и духовенства, еще задолго до служения Батюшки в Рагулях увозили его в лесопосадку, там привязывали к дереву и кусками, медленно, доставляя себе, видимо, таким образом какое-то садистское «удовольствие», вырывали у него бороду, принуждая к сотрудничеству. Но их старания оставались безуспешными.

1950-е годы так называемой «хрущевской оттепели» вошли в нашу церковную историю как годы гонений на Православие. В своей ненависти к Христовой Церкви и ее пастырям «великий реформатор», видимо, решил превзойти всех своих предшественников-богоборцев. Каждый, кто решался тогда стать православным священником, тотчас же оказывался под неусыпной опекой властей и постоянно рисковал навлечь на себя жесточайшие преследования лишь за одно неосторожное слово. Поощрялась клевета и доносы на пастырей, официальная пропаганда не гнушалась ничем, лишь бы заронить в души людей сомнение в том, что предлагала Церковь. Так, в частности, несведущим людям подбрасывалась идея о «негигиеничности» церковных обрядов и таинств. И когда поступила информация о «туберкулезном» священнике, который служил в Рагулях и якобы заражал малолетних детей и школьников, официальные власти даже не стали разбираться, насколько все это соответствовало правде. Отцу Петру предписывалось покинуть приход.

Весной 1960 года Батюшка официально был вызван к уполномоченному по делам религий. «За что вы переводите меня?» – беззлобно спросил отец Петр, будучи не в силах сдержать слез. «Ты сам об этом хорошо знаешь...» – последовал ответ чиновника. Молодой священник принял на себя гнев властей кротко и безропотно. Как вспоминает о тех скорбных

днях потомственный житель села Рагули Федор Тимофеевич Гриценко – близкий друг и сподвижник Батюшки, трудившийся рядом с ним псаломщиком многие годы, отец Петр осуждал себя за непослушание Владыке Антонию, когда тот хотел назначить его благочинным, а выпросил у него исполнить свою волю. «Так и мы, – говорит Федор Тимофеевич, – по примеру отца Петра находили себе утешение в самоосуждении...» Умение во всем полагаться на волю Божию, ни на кого не роптать, никого не обвинять в скорбных обстоятельствах своей судьбы всегда было одной из наиболее отличительных черт веры и характера Батюшки. Ибо написано: «Мне отмщение, и Аз воздам, говорит Господь» (Рим. 12, 19).

По этому непреложному слову директор школы, оболгавший отца Петра, вскоре сам заболел туберкулезом и был отстранен от занимаемой должности.

Владыка Антоний, надо полагать, просто решил укрыть отца Петра от новых преследований. Он направил его вообще за пределы Ставрополя настоятелем храма в станицу Орджоникидзевскую. В те годы туда после многолетней депортации возвращалось чеченское и ингушское население, и власти просто не решались действовать там против верующих так бесцеремонно и нагло, как в других местах. В этой станице Батюшка останется до своей мученической смерти.

Часть III. Возле гор седых

«Именовань Слепцовской»

Станица Орджоникидзе́вская находится на административной границе Чечни и Ингушетии. Граница эта сама по себе очень условная: русские, чеченцы, ингуши, украинцы, осетины, армяне, дагестанцы – десятки наций и народностей с давних времен смешались тут в большую многонациональную семью. Жить же в ней всегда было непросто. Время от времени шаткий мир взрывался межнациональными конфликтами, находившими подпитку в старых обидах, взаимных территориальных претензиях и просто бытовом национализме. В начале 1990-х годов этот край полыхнет огнем настоящей братоубийственной войны.

Значительную часть местного населения станицы когда-то составляли коренные казаки: они прочно поселились вдоль Терека и Сунжи еще с середины прошлого столетия – с тех времен, когда царская православная империя закончила войну на Северном Кавказе.

Старое и вместе с тем более привычное название станицы Орджоникидзе́вской – Слепцовская – воскрешает память о бесстрашном царском генерале Николае Павловиче Слепцове, участвовавшем в боевых действиях на Кавказе. С 1845 года он командовал 1-м Сунженским казачьим полком, который был грозой непокорных горцев и неоднократно разбивал Шамиля и его наибов. В декабре 1851 года драгунский отряд под командованием генерала Слепцова во время неравного боя в Гехинском ущелье попал в окружение горцев, и тогда русский генерал предпочел героическую смерть позорному плену. Сами чеченцы высоко оценили этот подвиг, а император Николай 29 декабря 1851 года повелел: «В память генерал-майора Слепцова, сформировавшего Сунженский казачий полк и постоянно водившего его к победам, станицу Сунженскую именовать Слепцовской». Так она и именовалась до той поры, пока не наступили новые времена, в которые наши города и села стали переименовывать в честь «партийных вождей».

Станица расположена в живописном месте: устремленные к небу стволы реликтового леса на крутых каменистых склонах, хрустально чистая вода, которая буквально кишит форелью, упоительные ароматы восточного леса. По ярким цветным коврам альпийских лугов протянулись многочисленные дорожки, тропы и

вовсе незаметные тропинки в самое сердце седого Кавказа: в ясную солнечную погоду его сияющие снежные вершины видны как на ладони. На фоне этих вершин величественно смотрятся вековые каменные башни горцев: они похожи на часовых, охраняющих край от всего, что может нарушить здешнюю гармонию и тишину. Не случайно эта чарующая краса навсегда сделала «кавказскими пленниками» Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Льва Толстого и многих других известных миру писателей, поэтов, художников, путешественников.

Когда в крае поостыл воинственный дух, казаки построили в своей станице величественный православный собор. В советское время он был полностью разрушен. Но тогда же, в середине 30-х годов, верующие добились от властей разрешения возобновить богослужения в небольшой домовой церкви, освятив ее в честь своей Небесной Заступницы – в честь Покрова Божией Матери. Для того чтобы лучше понять, что ожидало молодого настоятеля этого храма Петра Сухоносова, с чем ему довелось столкнуться, важно вспомнить некоторые исторические факты.

О чем молчали архивы

Чечено-Ингушетия (раньше она называлась Горская Республика) всегда была краем не только многонациональным, но и многоконфессиональным. Старожилы помнят, как в центре Грозного – главном городе этого края – рядом с русским православным собором мирно соседствовали мусульманская мечеть, армянская церковь, польский костел и еврейская синагога.

Разбросанные вокруг города православные казачьи станицы гордились своими храмами. Да и сами названия многих этих поселений шли от православных праздников: так возникли станицы Троицкая, Вознесенская, Петропавловская, Воздвиженская и другие.

Казачество было глубоко верующим; вера этих свободолюбивых людей передавалась от деда к внуку, от отца к сыну. Казаки свято хранили не только освященные полковые знамена, но и полковые иконы, которые заказывались на щедрые пожертвования в лучших иконописных мастерских царской России. В каждой казацкой хате был святой угол с образами, были святая Псалтирь, Евангелие, другие священные книги. Казак без молитвы не садился за стол, не начинал никакого домашнего дела.

Когда в России настала ночь десятилетий удушающего безбожия, возведенного в ранг государственной политики, власти

приложили много усилий к тому, чтобы разрушить и уничтожить не только казачьи храмы, но и ту веру, которая жила в сердцах людей. Там, где безбожникам-активистам не помогали топоры, чтобы развалить церковь, шла в ход взрывчатка. В дьявольских кострах горели порубленные на куски старинные иконы, конфискованные старопечатные книги. За пару бутылок водки находились желающие сорвать кресты с куполов, осквернить святой алтарь, поглумиться над чувствами верующих. Острые борьбы идеологов-атеистов было направлено против православных пастырей, которые даже в этих условиях совершали богослужения, призывали свою паству к смирению и терпению. Власти все делали для того, чтобы скомпрометировать личность священника, ошельмовать его, унижить в глазах общества. Не гнушались ничем: в ход шли агентурные доносы, сплетни, дешевые листовки, карикатуры в газетах и на уличных плакатах, откровенные провокации...

В конце 1980-х годов нам, сотрудникам русской редакции республиканского радиовещания в Грозном, удалось получить доступ к закрытым архивным фондам областной партийной организации. Впервые по благословению митрофорного протоиерея Петра Нецветаева, бывшего в то время благочинным православных церквей Чечено-Ингушетии и настоятелем Михайло-Архангельского храма в Грозном, началась большая работа по изучению церковной истории края. Пожилые прихожане-старожилы приносили отцу Петру дореволюционные фотографии с видами православных храмов, сообщали многие исторические свидетельства. Но основная работа развернулась тогда, когда открылся доступ к секретным партийным архивам. Долгие годы они оставались абсолютно недоступными. Интересовавшие нас папки выдавались крайне ограниченному кругу лиц – в основном тем, кто изучал, занимался сам и обогащал своим опытом практику «воинствующего атеизма» правящей в тот период коммунистической партии.

К сожалению, широкомасштабная военная операция по ликвидации чеченских бандформирований, начавшаяся в Чечне в 1990-х годах, полностью остановила архивную работу. Но даже то, что тогда удалось с Божией помощью узнать, поражает размахом и злодейской изощренностью атеистической политики компартии. Впрочем, все это не открывает, а лишь приоткрывает завесу над правдой богоборчества на Северном Кавказе, над атмосферой, душившей православную веру и другие вероисповедания.

В этих документах часто упоминается станица Слепцовская (Орджоникидзевская): власти не могли примириться с высокой

активностью верующих в ней. «У большинства колхозников за плечами большой груз суеверий и предрассудков, на которых играют попы, муллы, – читаем мы в стенограмме 2-й областной партконференции от 25 мая 1937 года. – Вот возьмите, пожалуйста, станицу Слепцовскую, где постоянно работает молитвенный дом с двумя служителями и который посещает 800 человек... Все эти враги сейчас благодаря тому, что мы ротозейничаем и не ведем работы, обактивились и ведут свою подрывную работу». Обращает внимание стиль и, конечно, дата этого документа: 1937 год. Время жесточайших репрессий против православного духовенства и верующих, когда любой, кто не боялся назвать себя православным, рисковал очутиться в застенках НКВД, а затем и в лагерях смерти. Казаки остаются верными своей вере и своим обычаям. Они пишут и стучатся в двери различных инстанций, чтобы им дали возможность слушать слово Божие. 1937 год стал, согласно архивным документам, годом возобновления церковной молитвы в станице Слепцовской. Теперь казаки молятся в домово́й церкви или, как ее называют власти, «молитвенном доме», который через 23 года станет домом для протоиерея Петра Сухоносова.

«Наиболее резким является факт предоставления трибуны служителям культа в Сунженском районе. Здесь во время праздника Победы на многолюдном митинге после выступления партийных и советских работников держал речь священник Добровольский», – с негодованием звучит выступление на 13-м пленуме Грозненского обкома ВКП(б). Пленум проходит 5 июня 1945 года, в обстановке всенародного ликования по поводу Победы над фашизмом. Но не до ликования большевикам, когда рядом с ними «враг» куда более страшный – Христова Церковь! Уже предано забвению все: как Церковь денно и нощно молилась за победу над оккупантами, как грозненский храм святого Архистратига Михаила был превращен в госпиталь для раненых красноармейцев, как простые верующие женщины ходили собирать милостыню для фронтовиков, как перевязывали им больные раны... Все это уже забыто.

Сунженская казачка Александра Дорошенко поведала историю о том, как местные власти расправлялись с верующими: «Объявили общее собрание жителей всей станицы. А где собрать народ – и сами не знают, потому что несколько тысяч народу не вместит никакая площадь. Поэтому вызвали в открытую степь, за станичной околицей. Пришли туда парторги, местные активисты и поставили в поле огромную доску, метров пять высотой, чтобы там составить список верующих и неверующих. Всех наших священников и многих певчих к тому времени уже сослали в

заклучение. Над верующими издевались страшно: в воскресенье заставляли работать, а отдыхать предлагали нам самим в любой другой день недели. Церковь закрыли и намеревались вообще сломать ее. Стали нас агитировать отречься от Бога и своей веры. Для начала прочитали нам лекцию – часа на три, о том, что царь Николай, дескать, потакал религии, делал людей рабами, а теперь новая власть, установленная Лениным, хочет, напротив, всех людей сделать свободными от предрассудков. Убеждали нас долго, но никто открыто от веры не вышел отречься. Все ждали, кто же это сделает первым. И вдруг парторг объявляет: «Слово предоставляется нашей стахановке товарищ Дорошенко!» Я действительно была молодой стахановкой, работала в местном колхозе. Парторг спустился с трибуны взял меня под руку и провел на сцену. Власти были уверены, что я первой запишусь в безбожники, тогда другим будет легче отречься от Бога. Иду я, а сама прошу Бога: «Господи, да уразумишь Ты меня, что нужно сказать!...»

Стою на трибуне и вижу перед собой целое море народа. Впереди – мужчины, старики с седыми бородами, много старообрядцев. Все на меня смотрят и ждут моего слова. И тогда я ко всем обращаюсь так: «Вот, дорогие мои, когда человека крестят в церкви, то поют: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Алилуйя». Это мы даем клятву, что никогда не изменим нашей православной вере и крест с себя не снимем, который нам надевают при крещении. Вот и рубите мне голову! Пусть моя голова отлетит, а крест святой на шее останется! Кто как хочет, а я записываюсь в список верующих...» При всех перекрестилась, спустилась вниз и поставила свою подпись там, где должны были быть верующие. Не было у меня почему-то в это мгновение никакого страха, что меня могут посадить. И вот верите? После этого все как один записались там же, где и я. Никто не отрекся от веры! Как меня после этого власти ругали! Но большего зла не сделали...»

«Кто служит в этих церквях и молитвенных домах, – на очередном антирелигиозном митинге гневно бросает в зал слово один из ораторов, – кто является учредителями религиозной общины, из кого состоят ее исполнительные органы, для каких целей используются помещения религиозными общинами, какая часть населения составляет верующих, как община выполняет налоговую систему – председатели исполкомов не знают... Партийно-советские работники должны иметь ввиду, что религиозные общины являются удобной формой не только для совершения религиозных потребностей, но и для использования врагами в целях антисоветской, контрреволюционной

пропаганды. Это нас обязывает повысить большевистскую бдительность и максимально усилить надзор за деятельностью церковников и религиозных общин».

И повышали, и усиливали до полного маразма, черпая «вдохновение» в лозунгах и призывах сталинско-бериевских лет, захлебываясь от восторга собственным же пустозвонством и словоблудием, нагнетая истерию вокруг Церкви и ее пастырей.

«Многочисленные факты активизации церковников у нас в области, зачастую их безнаказанные «путешествия» по районам, нарушения ими советских законов говорят о том, что люди чуждой нам идеологии, а порой прямые агенты иностранных разведок – активные церковники не встречают в своей деятельности почти никакого сопротивления со стороны советских органов на местах, со стороны коммунистов, которые, как известно, обязаны быть воинствующими атеистами. Мы слишком мало, позорно мало разоблачаем лицемерие, ханжество и антинародную сущность церковных деятелей в глазах народа» – это строки из протокола собрания Грозненского партактива от 4 сентября 1948 года. И дальше в унисон этого «обличения» звучит: «Нам, большевикам, ни на минуту нельзя забывать той простой истины, что под религиозной проповедью скрывается глубоко враждебная идеология врагов нашей партии, нашего государства. Чтобы убедиться в этом, достаточно поглубже вникнуть в содержание проповедей, исходящих от церковников, а также поглубже познакомиться с деятельностью главарей церковных сект и общин, являющихся, как правило, отъявленными врагами Советского государства».

Чтобы «поглубже вникнуть» в суть проблемы, не дававшей покоя партийному активу области, использовались совершенно неожиданные приемы и сравнения. В том же протоколе собрания от 4 сентября 1948 года мы читаем поразительные строки: «Наибольшую посещаемость имеют молитвенный дом станицы Орджоникидзевской в Сунженском районе и православная церковь в г. Грозном. Несмотря на то, что церковь в Грозном расположена рядом с кинотеатром «Родина» и напротив ресторана «Прогресс», в большие праздники эту церковь посещают по 5–7 тысяч человек, в то время как ресторан такое количество может обслужить лишь за 1,5 года». Вот она, настоящая правда!

«Совершенно недопустимо, когда на квартирах у коммунистов имеются иконы. Это распространено в Шелковском, Сунженском, Каргалинском, Наурском и других районах (все названные районы до начала боевых действий в середине 1990-х годов были исконно казачьими – А. Г.)». И снова достается и

казакам, и святым иконам: «Церковники всячески пытаются и будут пытаться использовать в своих интересах живучесть религиозных предрассудков верующих. Примером такого использования религиозных предрассудков являются случаи так называемого «обновления» икон... Обновление икон имеет под собой антисоветскую пропаганду» (протокол 5 июня 1945 года).

Итак, отец Петр Сухоносов направлялся именно в эту, наполненную, по словам партийцев, «агентами иностранных разведок», «отъявленными врагами Советского государства», «контрреволюционерами» и «церковниками» станицу: Орджоникидзевскую. А станица ждала своего пастыря. Простые верующие люди слезно обращались с письменной просьбой на имя вышеупомянутого Владыки Антония в Ставрополь: «Просим Вас, нельзя ли ускорить нам посылку священника на праздник Святой Пасхи. За дорогу мы уплатим, дом у нас готов, иконы тоже набрали, сторож нанят. Только одно горе: нет священника и всего необходимого для литургии и святых Таинств Причастия...» (из того же протокола).

Отец Петр ехал «в Слепцовку». Перед ним открывалась станица, покрытая зеленым ковром виноградников и фруктовых деревьев. В их густой тени словно растворились казачьи хаты-мазанки, в которых зимой всегда тепло, а в летний зной прохладно. Где-то в голубой дымке виднелись очертания снежных кавказских вершин. В воздухе пахло ароматом акации и яблоневого цвета. Стояла весна: самое красивое время года в этом крае. Вместе с православным священником в автобусе ехало много мусульман-ингушей: они возвращались к родным очагам после долгих лет страданий на чужбине, связанных с насильственной сталинской депортацией.

«Я, приехав сюда, был смущен, – так вспоминал потом Батюшка, – в автобусе с ингушами ехал, они возвращались из ссылки, да как на их территорию въехали, так запели – заунывно, скорбно... Страшно мне стало: куда еду?..»

Молодой настоятель ехал к своей будущей пастве и навстречу грядущим страданиям...

Часть IV. «Слепцовка»

«Люди пришли, напитанные скорбями»

Свою первую службу на новом месте отец Петр отслужил вскоре после Пасхи – 21 мая 1960 года, в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Когда он прибыл к месту своего нового назначения, Свято-Покровская церковь была единственным приходом на пять больших казачьих станиц. Православные храмы там были к этому времени полностью уничтожены, а в станице Ассинской церковь в честь святителя Николая Чудотворца органы местной власти переоборудовали сначала под помещение для шоферских курсов, а потом под магазин, где торговали водкой. Поэтому каждое воскресенье и на большие праздники верующие ехали в Орджоникидзевскую, или, как ее называют по сей день местные старожилы, в «Слепцовку», а для многих это не близкий путь. Вторым – и последним – действующим православным храмом на всю Чечено-Ингушетию была церковь святого Архистратига Михаила в самой столице автономной республики – городе Грозном.

Прихожане поначалу встретили отца Петра настороженно. Люди присматривались, как поведет себя новый настоятель, как он будет служить. Опасения эти были в какой-то мере оправданы, ибо к моменту его назначения в здешний храм, в нем сменилось несколько настоятелей. Ни один из них не задерживался, потому что каждый совершал богослужения с отступлением от церковного устава в угоду реформаторским «новациям», чинимым властями для дальнейшего «обезбоживания» народа. Казаки же, прочно стоявшие в своей вере, восставали всякий раз, когда видели искажение или упрощение вековых традиций, заповеданных святыми отцами Церкви. Особенно ревновали о чистоте и непогрешимости службы две здешние старицы – Дорофея и Феофания. Они были монахинями, доживавшими свой земной век при церковном дворе, поскольку их родная обитель была на тот час разорена и ликвидирована.

«Пошатнулись столпы, – сокрушенно говорили подвижницы, глядя на то, как стали совершаться богослужения. – Не Богу угодяем, а властям. Служим не по-апостольски».

Вот почему с такой осторожностью и в то же время надеждой прихожане встретили отца Петра Сухоносова.

«Люди пришли, напитанные скорбями, – вспоминает Евдокия Евдокимовна Афонина, проработавшая церковным кассиром

вместе с отцом Петром более тридцати лет. – Все устали от того, что творилось, всем хотелось, чтобы закончились наконец раздоры и нестроения». И когда молодой настоятель совершил тут свое первое богослужение, народ облегченно вздохнул, воздав благодарение Богу, пославшему им ревностного пастыря. Так отец Петр стал духовным кормчим для весьма многочисленной паствы: он не уединялся в своем храме, а постоянно ездил по соседним станицам, совершая там требы – крестил, отпевал, венчал, соборовал, причащал. В дни многодневных постов он собирал больных, старых, немощных людей из других станиц, которые не могли по состоянию здоровья приехать в «Слепцовку», в чьей-то одной хате, и там их соборовал и причащал. А всех местных Батюшка старался соборовать только в храме в установленный им день. Люди шли потоком, особенно в дни больших праздников и поминальных суббот. Обычно служба начиналась уже в 5 часов утра, но казаки собирались в храме еще раньше – с 4 часов утра, когда на дворе было совершенно темно.

«Идти в церковь по темным улицам было страшно, особенно зимой, – вспоминает далее Евдокия Афонина. – К этому времени после высылки в Казахстан на родину возвратились чеченцы и ингуши, и их отношения с местными казаками складывались непросто. Бывало, иду в храм на службу, глухая ночь вокруг, и вдруг слышу неприветливый голос кавказца: «Кто идет?» Отвечаю: «Человек идет». А сама молюсь, чтобы Господь спас от беды. «Ну, иди», – слышу тот же голос. Многие шли пешком 8–10 километров, чтобы попасть на службу. Вот какие ревностные люди были!»

Когда настоятель входил в храм и приступал к богослужению, там уже находилось много прихожан. Благочестивые православные казаки старались придерживаться дедовских традиций: мужчины стояли по правую сторону, в рубашках с длинными рукавами, все пуговицы до подбородка застегнуты, сама ж рубашка навывпуск, ремень поверх ее; женщины стояли слева, платья и кофточки тоже с длинными рукавами, все – от девочек до старушек – в белых косыночках или платочках. Центральный проход всегда свободен. Батюшка установил порядок: совершать каждую субботу заупокойное богослужение, чтобы все желающие могли поминать своих усопших родных и близких. В этот день после литургии совершалась панихида: стол выносили на середину храма, свечи на приношения ставились большие, чтобы горели долго. Батюшка без спешки, четко произносил каждое имя, которое поминалось, кадил с прилежанием и любовью. Он не просто молился, а вымаливал души усопших. Если же отец Петр отпевал покойника, то

обязательно в храме, после чего усопшего несли через всю станицу 3 километра на православное кладбище в сопровождении священника и певчих, под колокольный звон и погребальное пение: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас», что в других местах властями было категорически запрещено. Так же трогательно и свято проходили родительские субботы: Батюшка выходил на кладбище, служил на могилках. Не забывал он отслужить литию на могиле царского генерала Николая Слепцова, упокоенного тут же, на старом казачьем погосте. (Вандалы-националисты позже осквернили его склеп.) Не пропускал Батюшка также ни одного так называемого «малого» праздника церковного календаря, неопустительно отмечая память всех православных святых.

В дни Великого поста отец Петр обязательно объезжал все вверенные ему станицы, навещая тяжело больных прихожан, не имевших возможности из-за болезни прийти или приехать в храм. Таких людей Батюшка на месте исповедывал, приобщал Святых Христовых Тайн, соборовал, беседовал с ними, утешая их скорбь своим пастырским словом.

Сама атмосфера, царившая на богослужениях в этой небольшой сельской церквушке, была поистине неземной – об этом вспоминают все, кто лично знал протоиерея Петра Сухоносова и постоянно посещал Покровский храм в «Слепцовке». Но, пожалуй, наиболее сильные и яркие впечатления от увиденного и прочувствованного сохранили люди, которые делали тут первые шаги к святой православной вере с детских и юношеских лет. Вот что вспоминает Анна Федоровна Купкина, выросшая под благотворным духовным опекуном Батюшки Петра: «Все праздники, особенно двенадесятые, отец Петр служил величественно, торжественно и очень трогательно.

Рождество Христово было настоящим праздником Детей. Служили ночью. Тетя Таня – сестра Батюшки – выводила нас во двор и показывала на ночном небосклоне самую яркую звезду и говорила: «Вот, дети, это та самая звездочка, что указала путь волхвам ко Христу». Она начинала рассказывать нам эту удивительную библейскую историю, а у нас сердце замирало от радости, что и мы, дети, тоже видим эту звезду. А накануне самого Рождества после вечерни выносили кутью. Первым долгом несли к батюшке. Как же он радостно принимал нас! Он пробовал приготовленную праздничную кутью, прихваливал, всем видом подчеркивая важность происходящего события, а потом щедро одаривал нас, как волхвы Младенца-Христа. А после говорил: «Идите в сторожку и храм, там осталось много людей на ночь, на службу – порадуйте их». Все это было необычайно радостно и

трепетно.

А после Божественной литургии, немного отдохнув с ночи, мы гурьбой шли к батюшке колядовать. Он нас уже ждал. Когда мы начинали петь и читать рождественские стихи, то Батюшка включал магнитофон и записывал все на пленку. А затем одаривал нас рождественскими подарками. Описать нашу детскую радость просто невозможно словами! При этом Батюшка всех напутствовал: «Вы ж не забудьте навестить больных прихожан, которые не смогли прийти на службу – им тоже радость будет».

В течение трех-четырёх дней мы ходили по домам, навещали больных и немощных, знакомых и незнакомых, пели рождественские колядки, оставались совершенно без голоса, но с огромной радостью в сердце. На Крещение запомнились голуби с красными ленточками, которых выпускали во время освящения воды.

Когда приближался Великий пост, то к нему готовились особенно тщательно и благоговейно. В неделю о блудном сыне всем храмом пели трогательный псалом, все плакали. На масленицу обязательно шли к батюшке: там нас ждали русские блины, вареники и теплое молоко. На вечерне Прощеного воскресенья Батюшка переоблачался в постовые черные ризы и опускался на колени: «Господи и Владыко живота моего...» Наступал чин самого прощения. Батюшка стоял перед переполненным храмом, рассказывал о Великом посте, а потом смиренно, с глубоким сокрушением сердечным, слезно, кланяясь до земли, просил у людей прощения. Люди тоже плакали и в слезах покаяния просили прощения у своего настоятеля. По очереди подходили ко кресту: Батюшка теперь у каждого прихожанина лично просил прощения, а каждый прихожанин просил лично о том же отца Петра. Не были исключением и дети, что нам казалось особенно удивительным: ведь Батюшка нас никогда не обижал, был с нами всегда ласков – за что же ему просить у нас прощения?..

Первую неделю поста служба шла ежедневно. Меня и младшую сестренку мама научила петь: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...» И мы втроем становились перед святым алтарем и пели эти величественные и в то же время необычайно трогательные слова. Вместе со взрослыми дети делали много земных поклонов, но это совершенно не было нам в тягость, потому что все совершалось свято, благоговейно, осмысленно, а не механически. Батюшка каждый раз служил так, как будто все делал впервые: с внутренним трепетом, благоговением, без спешки. В Вербное воскресенье мы, дети,

ликовали, получая из Батюшкиных рук нежные весенние вербочки: для детей он специально выбирал из огромного пучка самые лучшие и радостно вручал их нам. Обращаясь к людям в этот день с проповедью, Батюшка рассказывал о великом духовном значении того, что происходит в этот день в храме. При этом говорил: «Да, сегодня праздник, радость, но к чему она приуготовляла Господа? Для нас, верующих, завершается 40-дневный пост, установленный Уставом Церкви, но начинается пост особый, который связан с воспоминанием страданий нашего Спасителя и Его крестной смерти. Кто из нас думает о еде и развлечениях, когда в нашем доме стоит гроб с телом близкого и дорогого нам человека? Никто. И вот все мы будем на этой неделе подходить ко Гробу Того, Кто открыл нам двери спасения. Ближе и роднее Христа-Спасителя у нас, христиан, нет никого...»

Каждая служба Страстной Седмицы была наполнена глубоким сопереживанием страданий Господа. Службы этих дней шли очень долго, по многу часов без перерыва и отдыха, но не было чувства какой-то физической усталости: все мы словно присутствовали там, где шел Своими Пречистыми Стопами на крестные мучения и смерть Сам Христос. Вся неделя проходила в строгом посте, молитве, в слезах и поклонах. Уже позже я узнала, что Батюшка всю эту неделю питался лишь просфорой и водой. Рассказывают, что один пост он провел вообще на воде...

Плащаница выносилась бережно, нежно, полагалась благоговейно на заранее приготовленное место, благовоние разносилось по всему храму. А Страстная суббота запомнилась постепенным переходом из поста к Светлому Воскресению Христову – Пасхе. Этот радостный день мы ждали с огромным нетерпением. На Пасху детям дарили обновки, в храме и дома царила идеальная чистота и порядок. Мы то и дело бегали из дома в храм смотреть, как переоблачают образа и все готовят к торжеству. И вот вечер. Мы все нарядные, взволнованные идем к службе. В храме полумрак, горят лишь свечи, слышно негромкое чтение «Деяний Апостолов». Прикладываемся к Святой Плащанице. Батюшка тихо ходит в алтаре и кадит. Начинается полунощница, Плащаница вносится в алтарь и вскоре оттуда слышится тихое пение: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех...» Затем громче, громче. Начиная с алтаря, постепенно по всему храму зажигается свет, открываются царские врата – и торжественно появляется Батюшка в пасхальном облачении с трехсвечником и кадилом. Крестный ход – во дворе храма негде яблоку упасть, море людей! С пением «Христос воскрес из мертвых...» все входят в храм, где сквозь дымку клубящегося ладана людей встречает изображение Воскресшего

Господа: Он будто Сам стоит посередине храма в сиянии лампад и свечей. Все залито ярким светом, ликование и радости нет предела! Христос Воскрес! Когда после службы начиналось освящение пасок и куличей, Батюшка не жалел воды.

Запомнилось, что в этот день приходило много местных цыган: они приносили с собой невероятно огромные – размером с целое ведро – пасхи, много крашеных яиц, колбас. И обязательно приносили с собой жареного поросенка. Когда отец Петр приближался к ним, то они радостно и громко начинали кричать: «Батюшка, Батюшка, окропите нас! Еще, еще!» Потом все принесенное с собой завязывали в красивую цыганскую шаль, вешали на длинную палку, мужчины с двух сторон поднимали ее и выходили со двора.

Такой радостью и святостью была окружена вся наша Детская жизнь. Мы росли и воспитывались в такое время, когда верующему человеку было трудно открыто исповедывать Бога, но благодаря помощи Божией и правильному духовному воспитанию мы сумели сохранить свою веру и не поддаваться искушениям, которые ожидали всех советских детей того страшного безбожного периода».

Не было такого дома, где бы не знали имя отца Петра. Ни одно мало-мальски серьезное дело – строить ли дом, куда-то ехать, решать семейные проблемы – ничто не начиналось без Батюшкиного благословения. Прихожане ехали сюда днем и ночью, совершенно не оставляя ему времени на отдых.

«Я хорошо помню это время, – рассказывает духовная дочь отца Петра Евдокия Евдокимовна. – За два с небольшим года у нас сменилось четыре настоятеля. Отец Петр был пятым на моей памяти. Сама я мало разбиралась в церковной службе, но старалась не пропускать ни одного воскресного дня и праздника. У родителей моих было 8 детей, и все мы ходили в храм: кто-то из старших оставался дома готовить еду, а все остальные шли на службу. Мама моя, покойница, была неграмотной, а отец, наоборот, был начитан. У него хранилось много книг с житиями святых, он свободно читал акафисты, каноны. Мы видели, что в храме не прекращались раздоры. Каждый новый настоятель пытался служить не так, как того требовал устав, а как говорило начальство. Утренняя служба совершалась вечером, все было как-то перепутано и перемешано».

Действительно, так оно и было на самом деле. Но когда из Рагулей в «Слепцовку» приехал новый Батюшка – отец Петр – страсти тоже улеглись не сразу. Настроенные местными властями и уполномоченным, на молодого настоятеля восстали певчие: «Пусть сам служит, как хочет!» А там и та, что продавала при

церкви свечи и иконы, принесла батюшке ключи от свечной лавки: дескать, торгуйте сами, а меня увольте. «А Батюшка был молодой, новый в наших местах, – рассказывает далее Евдокия Евдокимовна, – и он, глядя на все, не знал, «кого слушать», кому отдать ключи, чтобы вести торговлю и всю церковную бухгалтерию. И тут неожиданно вызвал к себе меня».

Валентина Николаевна Алейникова, бывшая в духовном послушании у отца Петра 20 лет, вспоминает: «Однажды к батюшке прибежала расстроенная женщина из нашей станицы, вся в слезах. Глубокая ночь на дворе, 2 часа. Батюшка вышел из своей келлии на тревожный стук в ставни. Едва сдерживая свои рыдания, женщина рассказала о беде, что стряслась в ее доме: маленькая дочка нечаянно проглотила монетку и она застряла у нее в горле.

«Батюшка Петр! – взмолилась несчастная мать. – Пока врачи приедут, девочка может умереть, а она у меня некрещеная». Отец Петр, несмотря на столь поздний и небезопасный в этих краях час и большую усталость, немедленно собрался и пошел с женщиной, взяв все необходимое для крещения. На месте он совершил срочное крещение, и в это время подоспела «неотложка», сумевшая освободить дыхание девочки от попавшей туда монетки».

«Был еще случай, – вспоминает далее Валентина Николаевна. – Как-то прямо во время службы к нашему храму подъехала машина, и оттуда выбежала заплаканная женщина, умоляя немедленно встретиться с батюшкой. Отец Петр вышел к ней, и она рассказала, что умирает ее младший сын. Перед смертью он, никогда ранее не посещавший церковь, сам попросил пригласить священника, чтобы исповедать свои грехи. Батюшка поручил псаломщику читать, чтобы люди не отвлекались от шедшей службы, а сам тут же поехал с женщиной, взяв запасные Дары. По дороге он торопил водителя, чтобы успеть исповедать и напутствовать умиравшего. И каково же было удивление всех, когда этот больной после чистосердечной исповеди и причастия вдруг стал поправляться, смерть совершенно отступила от него, и он жив, и в добром здравии по сей день. А Батюшка, причастив лежавшего на смертном одре, возвратился в храм и продолжил прерванную таким событием службу...»

«К нему ехали люди со всего нашего района, со всех станиц, – рассказывает казачка Татьяна Ивановна Скутарева, – люди любили его за доброе и милое сердце. Случалось так, что Батюшка совершал в день по несколько отпеваний, очень уставал, но все равно никому не отказывал, ни с кого не требовал денег за требы. Кто сколько даст, то все отдавал больным, немощным,

обездоленным. А если у людей не было чем заплатить батюшке за службу, то он никогда не обижался. Мы крестили и венчали у него всех своих детей и внуков, постоянно приглашали к себе домой соборовать тяжело больных, освящать наши жилища».

К этому надо добавить, что всех, кто шел к нему креститься – и детей, и взрослых – Батюшка крестил всегда только полным погружением в воду. Взрослым для этих целей в специальной комнате была приготовлена большая бочка. К тому же, ни одно крещение не обходилось без предварительной пастырской беседы с восприемниками.

Прослышав о том, что в «Слепцовке» появился новый настоятель – ревностный в служении, всегда готовый откликнуться на любую беду, люди потянулись в храм. А кто-то шел поначалу просто посмотреть на нового приезжего священника, послушать его проповеди.

В молодости и зрелые годы Батюшка имел красивую внешность: высокий, стройный, темные курчавые волосы, правильные черты лица, обаятельная улыбка. На фотографиях разных лет лицо отца Петра всюду благообразно, просветлено. Оно сохранило детскость и непосредственность, чистоту и застенчивость. Нет и тени лукавства. У Батюшки был тот редкий тип лица, который иногда называют иконописным. Такие лица есть лишь у людей, отмеченных высшей Божественной благодатью.

У Батюшки были удивительно выразительные глаза и проникновенный взгляд. Одна из духовных воспитанниц, часто навещавшая отца Петра и бывшая у него в послушании, вспоминает: «Моя приятельница после встречи с отцом Петром рассказывала: «Ты знаешь, меня такой Батюшка благословил! Брови черные, глаза черные. Мне стало так плохо, что я такая плохая, а рядом со мной такой человек стоит». Я ей говорю: «Неправда, что у него черные глаза». Она говорит: «А какие?» Я растерялась, потому что не знала, какие у него глаза. В последний мой приезд в Слепцовку у меня хватило смелости рассказать про этот случай отцу Петру. С ним ведь очень просто было. «Я ей так и ответила, а какие у вас глаза – я до сих пор не знаю». Он как ребенок просто посмотрел на меня. Его глаза были голубого, даже какого-то василькового цвета. И я тогда поняла, что так нельзя расспрашивать батюшку. Кто я такая?..»

От своих предков Батюшка унаследовал широкие крестьянские ладони и хозяйскую смекалку во всем, что касалось обустройства на земле. Постоянная жизнь в молитвенных поклонах и болезнях с годами сделала его сутулым, но время не изменило внутреннего обаяния отца Петра – его улыбку,

ласковую манеру разговаривать с людьми, необыкновенную душевную теплоту.

Вместе с отцом Петром переехала и поселилась в «Слепцовке» его мама и родная сестра Татьяна, которая после смерти матери ухаживала за родным братом. Когда скончалась Мария Прокопьевна Сухоносова, отец Петр в течение сорока дней в ее память совершал Божественную литургию. Татьяна Петровна, как и брат, тоже не имела семьи и детей, прожила девицей, много постилась и молилась, была милосердного характера, открытого на помощь людям. В конце 80-х годов она заболела неизлечимой болезнью, но отказалась от услуг врачей и мирно отошла к Богу, когда ее брат читал над нею канон на исход души.

Семья Сухоносовых купила в Слепцовской неболь- , кирпичный домик в считанных шагах от храма. Сама же церковь стоит в окружении хаток, которые оставили в дар благочестивые казаки. Тот, кто впервые приходит сюда, невольно теряется в лабиринте двориков, домиков, каких-то пристроек, навесов, сарайчиков, связанных между собою хитроумными переходами. При этом все имеет свое конкретное назначение, все укрыто от непогоды и посторонних глаз. Тут же хранится запас угля и дров, сложенных аккуратно в штабеля под навесами. В дальнем конце церковного двора поставлена звонница, представляющая собой обрезки газовых баллонов и сохранившиеся небольшие колокола. А рядом со звонницей растет старая верба, с которой ежегодно срезают молодые ветви накануне вербного воскресенья. Отец Петр считал, что освященная верба должна расти в каждом дворе, где живут православные люди. За изгородью начинается церковный сад: там растут фруктовые деревья и две раскидистые шелковицы – белая и черная. Когда шелковицы созревали, под деревьями аккуратно расстилали брезент, приглашали детей и отец Петр, который стоял рядом и внимательно следил за приготовлениями, давал команду: «Ну, детвора, залазьте на дерево и трусите!» Дети с радостью лезли на ветки и принимались за дело, а Батюшка поднимал крупные сочные ягоды и с восхищением говорил: «Ой, сколько много, да какая сладкая!» Он радовался щедрости природы, как ребенок.

Батюшка мало пользовался своим собственным домом: тут он держал одну-единственную светлую комнатку, в которой оборудовал переплетную мастерскую. Остальную же площадь отдавал бескорыстно людям, которые нуждались в приюте: в последние годы здесь проживала русская семья беженцев из соседнего курортного городка Серноводск. Сам Батюшка жил преимущественно в небольшой комнатке-келии в церковном дворе: в ней не было ничего, кроме самодельного шкафа,

закрытого ширмой, металлической кровати с деревянным настилом, печки у левой стены, большого круглого стола, старых стульев и лавки. На стенах висело много икон, а в отдельном месте он поместил фотографии своих родных и близких. В этой маленькой комнатке Батюшка проводил многие часы молитвенного уединения и сюда редко кого пускал, оберегая свою келлию от постороннего взгляда. «В его кабинет мы редко заходили, – вспоминает одна из прихожанок. – Помню, как однажды Батюшка и вся наша семья служили молебен за брата: его сильно напугали чеченцы, вследствие чего он кричал по ночам. После молебна брат совершенно выздоровел. Еще раз помню, когда Батюшка болел, то нам, малышам, разрешили войти туда провести его. А еще был случай: мы зашли туда, Батюшка встал, отодвинул ширму на левой стене и показал на большой портрет, который висел там. Это был святой праведный Иоанн Кронштадтский. Потом взял аккуратно сложенную в углу епитрахиль и сказал нам: «По очереди подходите, кланяйтесь и прикладывайтесь к епитрахили: в ней служил сам Иоанн Кронштадтский».

Как великую святыню он сберегал также еще одну старенькую епитрахиль: это был подарок его духовной наставницы монахини Фессалоникии. Она сшила ее, когда отец Петр был рукоположен во священники, и вышила на обратной стороне свою дарственную надпись. Батюшка часто служил именно в этой епитрахили.

«Однажды отец Петр сильно заболел, требовалось поставить банки, а сделать это было некому, – вспоминает Елена Михайловна Турина, давняя прихожанка Покровской церкви. – И когда я по благословению зашла в келлию, чтобы поухаживать за батюшкой, то увидела, что он спал почти на голом твердом топчане, а вся обстановка была необычайно простой и скромной».

Ко всякого рода роскоши Батюшка относился крайне отрывительно, считая, что все лишнее, вычурное, комфортное препятствует молитвенной работе и разнеживает, расслабляет не только тело, но и дух. С молодости и до конца дней своих отец Петр всегда ходил в длинном подряснике и не снимал его с себя даже ночью, когда ложился спать. А из подрясника можно было увидеть лишь обувь: сапоги, которые Батюшка менял на теплые валенки в зимнее время года. Если кто-то удивлялся этому, то он не уставал повторять: «Высшая мода – не по моде одеваться, а быть здоровым». И людей учил одеваться по погоде, не следовать модным веяниям, которые наносят непоправимый вред здоровью человека. Отец Петр даже написал свой отзыв о моде, сказав, что она «коварна, жестока, соблазнительна, губит людей, их здоровье, а человек, следуя моде – без головы». Носил одежду он очень

аккуратно, был всегда опрятен. Если от времени и длительного ношения одежда в каком-то месте рвалась или протиралась, то сюда пришивалась аккуратная латочка, но ничего из одежды не выбрасывалось. «Добротная ткань, – говорил отец Петр, показывая старенький подрясник. – Тридцать лет ношу его, а все как новый. Пусть меня в нем и похоронят». Одежда его всегда была чистой, выстиранной, выглаженной. Летом, когда на дворе было солнечно и жарко, Батюшка носил легкое шелковое облачение, осенью же и зимой – из более плотного материала. В праздники облачался и в парчовые ризы. О ношении священниками подрясника он писал так: «Дай Бог носить почаще, на здоровье и спасение. Если уже невозможно постоянно в Вашем окружении. Патриарх Сергей говорил: «Форма дух бережет»; к этому же призывал и Патриарх Пимен».

В пище – впрочем, как и во всем остальном, – отец Петр был абсолютно непритязателен. Часто его едва ли не силой усаживали за стол, чтобы он хоть что-нибудь перекусил, после чего он снова возвращался к людям, которые его ждали во дворе или храме. Мяса, по свидетельству близких, Батюшка вообще не ел. Лишь в присутствии других позволял себе проглотить маленький кусочек. Конечно, люди, которые ухаживали за батюшкой и готовили ему кушать, всячески старались ему угодить, подавая на стол все свежее и вкусное. Видя же такое старание, он нарочито говорил, приступая к трапезе: «Пересолено», «жирного много положили», «пережарили» или еще что-либо в этом же духе. Люди совершенно не обижались и не оправдывались, уже зная, что таким образом Батюшка хвалит их усердие и труды. Он говорил, что пища не должна быть слишком вкусной, ибо от этого разгорается аппетит и человек переедает во вред своему здоровью. Часто случалось так, что отец Петр едва успевал сесть за стол, как тут же входил кто-то посторонний и извинялся: «Простите, что перебили аппетит». «А вин йому трэба, цей апэтыт? Дайтэ ж йому хоч трохи поийсты», – заступалась за брата на привычном ей украинском наречии Татьяна Петровна, понимая, что и на сей раз он встанет из-за стола, оставшись голодным.

В первое блюдо – борщ или суп – отец Петр обычно добавлял холодной кипяченой воды. «Кусок хлеба да вода, но с молитвою, принесут пользы больше, чем кусок мяса», – наставлял он своих прихожан. Постоянно забывая про еду сам, отец Петр, однако, не отпускал без угощения никого, кто к нему приезжал. Если не было поста, то Батюшка и его сестра предлагали гостю печеные яйца, и обязательно – тарелку горячего супа или борща. Во время же постов, когда в храме заканчивалось богослужение, гостей и говеющих, причастившихся Святых Христовых Тайн, потчевали

скромным, но вкусным угощением: под навесом возле церкви накрывали стол, где выставляли горячую картошку «в мундире», соленые огурцы, бочковые квашеные помидоры и капусту, а к чаю подавали нарезанные ломтики серого хлеба с повидлом. Когда позволял устав, Батюшка предлагал гостям немного домашнего виноградного вина: казаки в этих местах издавна славились своим виноделием. Сам же отец Петр лишь пригубливал вино, обязательно разбавляя его водой. Иных спиртных напитков он никогда не употреблял. Когда гостей приглашали к столу на трапезу, то всем раздавали простенькие домашние фартуки, чтобы по неосторожности не выпачкать одежду. Таково было заведенное тут правило.

Не все разделяли некоторые из привычек отца Петра. Например, он собирал по желобу дождевую воду с церковной крыши в специально оборудованные подземные резервуары: на этой воде Батюшка просил варить ему еду, и этой же водой он мылся. На все возражения близких людей отказаться от такой привычки – ведь теперь это была экологически загрязненная вода – Батюшка лишь отмахивался. Ему странно было слышать от верующих такие разговоры: вода с крыши храма Божиего – что в ней может быть вредного для здоровья? И продолжал настаивать на своем.

«Соборик»

Храм, настоятелем которого был протоиерей Петр Сухонос, тесноватый. Он достался православной общине «Слепцовки» еще от старообрядцев, когда-то владевших этим помещением. Раньше оно было еще теснее и скорее напоминало обычный жилой дом: только крест над крышей свидетельствовал о его церковном назначении. Когда верующие обнесли свой храм светлой верандой, народ смог помещаться уже и в боковых коридорах, откуда хорошо слушать службу. За три года до трагедии веранду обложили красным кирпичом на средства, выделенные Президентом Ингушетии Русланом Аушевым, а саму церковь тоже немного расширили со стороны алтаря. Одновременно на президентские средства был построен небольшой церковный дом гостиничного типа. После реконструкции Батюшка ласково называл свою церковь «собориком», в нем стало больше света и воздуха.

Когда с конца 1980-х годов в этом крае началось восстановление разрушенных храмов, некоторые молодые священники недоумевали, почему их старший наставник и опекун протоиерей Петр Сухонос продолжает ютиться в своей тесноте.

Вроде средства на строительство нового храма в Слепцовской были, власти не возражали, местное казачество тоже обещало поддержку, а отец Петр не спешил разворачивать стройку. Почему? Кто знает... Может быть, он уже тогда предвидел духом, что близко, слишком близко время, про которое сам Батюшка будет с болью писать своим чадам, оказавшимся в изгнании: «Лед тронулся, и теперь его не остановишь...» Возможно, отец Петр прозорливо чувствовал, что начался необратимый отток верующего православного населения из Чечено-Ингушетии, и скоро в храмы просто некому будет ходить. Уже в 1992 году под покровом ночи группа вооруженных чеченских бандитов ворвется в новый храм Святителя Николая Чудотворца в станице Ассинской и откроет стрельбу из автоматов по алтарю и святым образам, а молодой настоятель чудом останется жив. Протоиерей Петр Сухоносков как опытный и прозорливый пастырь сознавал, что перед лицом надвигавшихся грозных испытаний важно было уберечь оставшуюся в станице паству, укрепить ее духовно. Возможно, знал он и то, что на строительство нового храма у него просто не хватит ни сил, ни здоровья, ни времени... Поэтому продолжал служить в своем стареньком «соборике», приютившемся в тихом проулке недалеко от центра станицы.

Несмотря на реконструкцию и некоторое увеличение церковной площади, в большие праздники люди по-прежнему не могли вместиться в храм, поэтому часть молящихся оставалась во дворе. Однако порядок здесь царил всегда: люди знали, где купить свечи, куда поставить воду или куличи для освящения, куда передать записочки. Никто не входил в храм в грязной обуви: для ее чистки во дворе стоял кран с желобком, где заранее были приготовлены тряпочки и веник.

Порядок и чистота царили и в самом храме. На иконах – ни паутины, ни пыли; окна, двери, пол и кровля всегда выкрашены. Чаша, кресты начищены до блеска. Напрестольное Евангелие тоже в идеальной чистоте. С правой стороны от главного входа стоит большое Распятие Спасителя, над которым немного в сторонке находится старинная икона святой великой благоверной княгини-инокини Анны Кашинской: Батюшка глубоко почитал эту многоскорбную русскую подвижницу. Слева – место для клироса и чтецов. Стены церкви украшают многочисленные иконы, а на веранде разместилось великое множество репродукций и фотографий. Среди них – дореволюционные снимки уничтоженных в 20–30-е годы кавказских храмов, фотографии церковных событий давних лет. Все находится в рамках, под стеклом, и содержится в чистоте. Вдоль стен веранды лавки, покрытые самодельными ковриками: сюда люди могли присесть,

ожида батюшку, или же давая отдых немощным ногам.

Отец Петр любил церковную живопись, глубоко почитал святые иконы. Не только в храме, но во всех церковных помещениях можно видеть огромное количество в ° самых разнообразных икон: рядом с древними образами в сверкающих окладах стоят цветные литографии и совсем скромные иконки, написанные любительской кистью. Батюшка искренно восхищался старинными образами и гравюрами, приготовленными у него в пономарке практически ко всем праздникам. Показывая их близким, с восторгом говорил: «Посмотрите, какие живые лики, какие краски!» В Киеве у своего знакомого иконописца и реставратора он поновлял потемневшие образа, заказывал новые иконы.

Один из близких духовных чад Батюшки вспоминает: «Однажды я приехал к батюшке с ночевкой вместе со своим товарищем, чтобы с утра поисповедоваться и причаститься. Батюшка нас ласково принял, а вечером вдруг заходит и просит помочь переместить несколько больших образов с изображениями Пресвятой Богородицы и святых Андрея и Епифания. Все это находится на высоте примерно 5–6 метров. Принесли длинную деревянную лестницу, и он обращается ко мне с просьбой залезть под купол. Честно сказать, как-то стыдно было признаться, что даже на малой высоте у меня кружится голова. Но раз Батюшка благословил, то, значит, так тому и быть. Словно прочитав мои мысли, отец Петр улыбнулся и говорит: «Дальше земли еще никто не упал. Полезайте с Богом!» Я стал подниматься почти по вертикально стоящей лестнице. Случись что – и ухватиться не за что будет. В ногах противная дрожь, руки вспотели, вниз посмотреть страшно. А Батюшка внизу стоит, наблюдает, и с моим товарищем ведет разговор. Кое-как на маленьком карнизе я разместил клещи, молоток и гвозди и принялся за работу. Пробыл там больше получаса. Как оттуда не свалился – до сих пор не знаю. В другой ситуации со мною точно случилась бы беда, а тут меня словно невидимая сила сзади поддерживала. Наверное, это были молитвы Батюшки».

Отец Петр любил современную каноническую, понятную ему и людям иконопись, и в то же время скептически относился к тому, что некоторые молодые иконописцы стали без всякой меры и разума подражать древнерусской живописи. Помню, впервые я приехал в гости к батюшке в начале января, когда наша Православная Церковь совершала память только что канонизированного Кронштадтского старца Иоанна. На аналое слева от алтаря был установлен дореволюционный фотографический портрет праведника под стеклом в рамке.

Трудно сказать, как он оказался у Батюшки в то время? Отец Петр подвел меня к нему, благоговейно приложился и произнес: «Мне больше понятна такая икона – с живым человеческим лицом».

Книги

Предметом особой заботы отца Петра Сухоносова всегда были церковные книги, которые он считал своим «главным богатством». Их он собирал на протяжении всей жизни: вместе с богатейшей духовной литературой, в частности очень редкими экземплярами, тут были словари, энциклопедии, различные справочники, а также историческая и художественная классическая литература. Батюшка любил разные по содержанию книги, если в них, конечно, не было соблазна. Здесь же можно было видеть подшивки церковных газет и журналов за много лет: все они аккуратно переплетены и « пронумерованы. Отдельно хранились письма от близких людей. На каждое из полученных им писем отец Петр обязательно давал ответ, приучая к тому же самому и близких. «Не отвечать на письма людей или долго молчать, когда тебе пишут – тоже грех», – наставлял он.

Каждую книжку, которая шла в продажу, Батюшка собственными руками оборачивал целлофаном (позднее, в преклонные годы, он просил это делать своих помощников). Если же замечал, что приобретенные на складе книги имели ненадежный переплет, то каждая такая книга непременно попадала в переплетную мастерскую и оттуда шла в продажу в обновленном виде.

«Спаси, Господи, календарей не было, но теперь хватит, плохо, когда их не берут – время уходит, – пишет Батюшка своему воспитаннику, ставропольскому диакону Димитрию, который всегда привозил в «Слепцовку» новинки религиозной литературы и церковную периодику. – Журналы дорогие, почта здесь приносит. Какие новые книги, брошюры можно брать. Отца Арсения есть две книги. Но у них переплет – отрезан корень и клейком помазано, и если до букв поля 1 см, то сшить невозможно. Таких не бери, попробуй разломать их, и если поддаются ломке – значит, на ветер их пускать, хотя они и хорошие по содержанию. А люди-то не знают, что их обманывают. Прости, Господи. Гарантия их на месяц...»

На книгах с твердым переплетом острые углы обычно обрезались и делались немного закругленными. Рассказывают, что однажды родная сестра Батюшки Татьяна Петровна случайно поранила руку острым углом книги, и с тех пор отец Петр во избежание подобного с другими людьми аккуратно закруглял

углы и оборачивал их специальной бумагой – так, что казалось, будто книга не претерпела вовсе никакого «косметического» ремонта. Тот, кто знаком с переплетным делом, знает, что оно требует немалых физических усилий. Себя же Батюшка никогда не жалел, и от постоянных работ в своей переплетной мастерской у него развилось, можно сказать, профессиональное заболевание – двусторонняя грыжа, от которой отец Петр сильно страдал, находя некоторое облегчение в постоянном ношении бандажа. Каждая книжка, которая выходила из рук протоиерея Петра Сухоносова, сопровождалась листовкой, содержащей советы, которые он составил сам и отпечатал типографским способом:

«Как обращаться с книгой? -

1. Руки должны быть чисто вымыты.
2. Книга обернута бумагой или заклеена целлофаном.
3. Нельзя мочить пальцы, ломать листы.
4. Переворачивать надо за правый верхний угол листа, указательным пальцем правой руки.

БЛАГОГОВЕЙ ПЕРЕД РЕЛИГИОЗНОЙ КНИГОЙ – ОНА СВЯТЫНЯ!

Ее очень трудно найти – береги ее!

Читай почаще книгу эту,

Она ведет тебя ко Свету,

Она научит тебя жить,

Трудиться, верить и любить».

В конце книжки тоже была листовка: «Кто такие чародеи? Это ОБМАНЩИКИ, вводящие в заблуждение и заблуждающиеся сами... Все верящие чародеям и боящиеся их, пребывают в обмане. Верить же обману неразумно и грешно». Часто отец Петр вкладывал в книги листовки, содержащие краткие сведения о необходимости срочного крещения.

«Книги – как дети, – говорил он, бережно беря в руки церковную книгу, – они ведь тоже просят и тепла, и заботы, и любви нашей». Искусству переплета и ремонта книг отец Петр посвятил даже специальную книгу, которую написал сам, отпечатал собственноручно на машинке и давал читать людям, в которых видел такую же любовь к переплетному делу.

Батюшка любил дарить близким людям духовные книги, иногда подписывая их своими словами. Вот, например, дарственные надписи в книгах, хранящихся у Елены Михайловны Гуриной, которая ныне проживает в Краснодарском крае: «На незабвенную молитвенную память рабе Божией А., детям, внукам и правнукам с Родины от настоятеля Слепцовского храма Покрова Божией Матери», «А. и Елене, Жене и Максиму на все годы и в память посещения нами ст. Ильской 10 марта 1994 года. Просим

святых молитв ваших. Недостойный протоиерей Петр».

Духовных чад смущало то, что это были очень дорогие по цене церковные книги, на приобретение которых они сами не решались потратить свои деньги: «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, прекрасные издания Святого Евангелия, произведения святых отцов Церкви и русских духовных писателей. Кое-кто пробовал скромно отказаться от такого дорогого подарка, на что Батюшка отвечал: «Вы мне тоже очень дороги...» Он печалился, когда видел или узнавал, что кто-то пользовался церковной книгой или газетой неаккуратно, без должного благоговения, не считая их носителями живого слова Божия.

«Газета святая и равна Священному Писанию и тем не менее она погибнет, да еще кощунственно! После первого прочтения, полежав даже недолгое время, она идет в расход в непредвиденные, не лучшие места. А в ней иконы, Святое Писание! Почему так бывает? Можно отвечать на это в десяти листах, но нет времени. Ведь что такое газета? Периодика? На злобу дня? А в церковной газете - «ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ». Даже вчера, возвращаясь с престола Святителя Николая, вижу, как в храме продавец заворачивает иконы в газету ЦЕРКОВНУЮ! Она помялась и, значит, будет выброшена. А она ж равна той самой иконе! Да, советское время осквернило газету безбожием, и это потянется на многие годы», – с горечью пишет Батюшка про современное отношение к церковной газете.

«Ночью вскрыл Ваше письмо, и скорей писать Вам. Тороплюсь к поездке в Пятигорск на конференцию церковную и проверку здоровья. Прочел только утреннюю молитву, – отвечает Батюшка своему воспитаннику, занимающемуся изданием православной газеты. – Письмо ваше чрезвычайное, подобное взрыву бомбы. Дело в том, что нужно срочно спасти Вашу газету. Надо же... Вот и тороплюсь».

Что же так взволновало батюшку? Что побудило его незамедлительно сесть за ответное письмо? Отец Петр исходит не только из целесообразности и полноты содержания новой православной газеты, но и ее формата.

«Надо поменять его! – убежденно пишет отец Петр. – И это не трудное дело, но спасется газета. Ваша газета форматом 30 x 40 см напечатана, а это очень неудобно для чтения и хранения. А вы сделайте 30 x 20 см один лист – промерьте, это будет как журнал. Сейчас в Вашей газете два листа, а то будет 4 – и все тут. Посередине скрепочка хоть одна, если две жалко. Такие примеры уже есть. В Ставрополе выходит «Провинциальная мысль», очень хорошо. Газеты формата 30 x 40 см подшиваются только в

организациях, а не дома. А формат 30 х 20 см хорошо сохранять среди журналов. Кланяюсь в ножки Владыке Софронию, отцу Петру, редактору, и прошу простить меня за дерзость...»

«Неужели слесари-механики и сами не в силах повернуть шрифт в станках на 90 градусов? – озабоченно делает Батюшка приписку в другом своем письме. – Простите, наверное, это действительно не просто. Только сейчас нашел и прочел с удовольствием русскую газету «Непобедимая и непостижимая». Но как ее сохранить – не придумаю...»

«Как рад, что души и мысли наши сошлись полностью! – радуется отец Петр, узнав наконец о том, что формат церковной газеты по его доброму совету издатели все-таки изменили. – Господь все открыл Вам. Спаси, Господи, и отца Петра, а то получается: урожай вырастили, а о сохранности и не подумали. Да, Вашу газету практически уже назовут «журнальчиком», хотя теоретически (я в этом не разбираюсь) и технически пусть называется газета. Факты, дела выше теории. Наши советские газеты многие так и считали – это на ветер бумага. Дай Господи, чтобы никто не смог переубедить Вас. Надо конструкцию изменить наборщикам. Да, будут или уже есть препятствия Вам, но «кожа выделки стоит». Ведь какая всем будет радость, что труды Ваши и печатающих не погибнут. Помогите, Господи! Думаю, если дело пойдет на лад, то и два раза в месяц будут рады получать. Еще. Ваши «журнальчики» – они почти книжицы, поэтому будут более популярны чем те, которые стоят на прилавках. За теми надо пойти, думать, выбирать, а что выбрать – порой и сами не знают. Посмотрят – да и уходят ни с чем. А Ваши до-ставятся почтой прямо на дом, всегда свежие, а свежее всегда и все любят. Пусть знают все, что СЛОВО БОЖИЕ НЕ СТАРЕЕТ, оно всегда свежо и ново вовеки!»

Отец Петр стремился использовать каждый кусочек чистой бумаги, для того чтобы написать на нем что-нибудь поучительное или полезное. Из-за бережного, экономного отношения к бумаге он посылал письма в уже использованных конвертах, вывернутых чистой стороной наружу. Даже свои письма близким он писал иногда на каких-то служебных бланках, которые каким-то образом попадали к нему и были пригодны разве что для чисто хозяйских целей.

«Простите, что пишу на таком листе, – обращается Батюшка к одному из своих духовных чад, – и не подумайте, что нету бумаги. Просто жаль не использовать ее: хотите верьте – хотите нет. Одному старцу, почти слепому, пишу: «Вы пишете на клочках, когда под руками есть столько листов чистой бумаги». А он, глухой, на мой письменный вопрос отвечает: «Бумага – вещь

безразличная, но напиши на ней – и она заговорит». Подумайте, как много говорят слова! И он каждый листик подбирал и писал на нем слово Божие. Такая жалость и любовь к слову!..»

Когда кто-нибудь из близких или знакомых привозил батюшке духовные книги, он принимал их с великим благоговением и благодарностью. Он не скрывал своей радости, оттого что люди наконец-то получили свободный доступ к огромному духовному богатству, что теперь они имеют возможность приобрести такие книги, о которых в прежние времена можно было разве что помечтать. Но в то же время он очень осторожно относился к тем книгам, авторы которых брались писать на духовные темы без глубокого понимания сути проблемы. Отец Петр не одобрял разного рода дешевых брошюр с рассказами о невероятных чудесах, где было много надуманного и не отвечающего высшей Божественной правде. Батюшку сильно огорчало появление в церковной торговле сомнительных изданий, рассчитанных главным образом на сенсацию и популизм. Он с досадой говорил про авторов таких брошюр: «Сами с ума посходили и нас хотят свести». Еще более категоричным протоиерей Петр был в отношении еретической сектантской «макулатуры», завозимой к нам в огромных количествах из-за рубежа и распространяемой бесплатно среди православных. Единственное, что он считал достойным нашего внимания и самого скрупулезного изучения – так это творения святых отцов Церкви, оставивших нам незамутненное толкование христианства.

Архаичным отца Петра никак нельзя было назвать. Он был большим книголюбом и книгочеем. Часто по вечерам Батюшка надевал очки и с удовольствием открывал исторические книги, любил «покопаться» в словарях, особенно если задумывался над происхождением того или иного слова. Живо интересовался он и современной жизнью, просматривал газеты и журналы, был в курсе многих внутренних и международных событий, следил за новостями. В оценках, выводах и прогнозах Батюшка имел взвешенный подход, пронизанный его глубокой верой в Промысл Божий о народах, сохранивших верность Богу и Православной Матери-Церкви. Эта тема слышна была людям во многих проповедях отца Петра.

«Много постоянных бед испытывала наша русская земля. Одни беды проходили, другие начинались, – звучит в середине 90-х годов на праздник Казанской иконы Божией Матери живое слово Батюшки на единственной уцелевшей видеозаписи, которая сегодня как великая святыня хранится в Ростовской области у раб Божиих Ольги и Валентины Алейниковых, бывших близкими отцу

Петру. – Все получалось по одной причине – по грехам наших сынов российских. Мы ведь такие: когда все хорошо, благополучно, то сразу Бога забываем, грешить начинаем, пить, гулять, кутить. Нам уже ничего не страшно, проводим веселую жизнь, а эта жизнь, как и распутство, ведет к тяжким грехам. Вот и опять посылается нам бедствие, чтобы мы остановились, задумались...

Мы не знаем, что ожидает нас завтра. Может быть, еще большие беды и скорби. А мы начинаем винить кого-то, искать виновных: дескать, кто-то там виноват. На самом деле мы сами виновны. Это все попущение Божие – попущение, которое бывает нам, сынам российским, за наши грехи, за наши беззакония, за наше удаление от Бога. Мы начинаем уже себя считать богами и не знаем, Кто же насылает на нас такие беды. Да, это попущение Божие, но этим самым единственным средством Господь приводит нас к смирению. Так вот, надо нам каяться, надо обращаться к Богу, усердно просить, чтобы Он остановил Свой праведный гнев на нас. Конечно, если будут обращаться к Богу, к Матери Божией и всем святым, то они опять будут помилованы Господом. А то ведь страна уже и выхода найти не может. Нельзя доходить до отчаянья. А некоторые дошли уже... Надо непрестанно стоять на правильном пути, не падать духом. Каяться нужно.

Вот почитаю вам слова архиепископа Херсонского, ровно сто лет назад сказанные им в ответ на вопрос, почему Господь постоянно испытывает нас скорбями и бедами: «Чтобы никогда не терять нам веры к спасению Отечества, каким бы искушениям и бедствиям, судьбам Всевышнего не угодно было подвергнуть нас. Премудрость Божия любит народы, ей угодные, равно как и людей, ей любезные, искушать бедствиями, чтобы тем более очистить, укрепить и возвысить их...»

Народ российский, как показывает история его, один из таковых народов. Сколько раз приближался он к концу своего существования, полного разложения! Так было перед Куликовской битвой, так было во времена нашествия поляков, когда некому было управлять Российской державой, так было во времена Наполеона... Но сколько бы ни продолжался этот страшный час, всегда являлись спасители земли Русской. Так явился Преподобный Сергей Радонежский, так недавно снова явился нам Серафим Саровский, который умоляет за нашу землю Русскую. Являлась и Сама Матерь Божия. После всего этого можем ли мы терять надежду ко спасению нашего Отечества? Так что с помощью Божией, Матери Божией, святых угодников будем надеяться, что при нашем покаянии еще наступят лучшие

времена для русского народа...»

Однажды кто-то из знакомых принес отцу Петру только вышедший журнал «Наш современник» с пророчествами святых старцев о грядущих судьбах России. Батюшка взял его в глубокой задумчивости и после долгого молчания лишь обронил: «Страшно-то как!..»

Болезни

Здоровьем отец Петр никогда не отличался: простуда, грипп, воспаление легких были его постоянными «спутниками». Часто даже в летнюю жару Батюшка надевал телогрейку и обувал сапоги или валенки, а едва становилось прохладно или сыро, то кутал горло шерстяным шарфом, но все равно постоянно кашлял и температурил. К врачам он не спешил обращаться – только в случаях крайней необходимости и только после настоятельных просьб его близких, а так всецело полагался на волю и милость Божию.

«Однажды, – вспоминал Батюшка, – когда я был еще подростком, мне стало совсем плохо. Случилось это как раз под Успение. Пришел доктор и сообщил моей маме, что я уже не жилец на этом свете. А я и сам чувствовал, что смерть моя на пороге, и тогда попросил, чтобы меня причастил наш священник. Так и сделали. И вот верите? Не прошло и полчаса, как в моем больном организме появилось какое-то облегчение. Много дней я на еду и смотреть не мог, а тут мне вдруг захотелось покушать. Так милостью Божией и поправился. Матерь Божия отвела от меня смерть...»

За два года до трагедии, накануне престольного праздника Покрова Пресвятой Богородицы, отец Петр очутился в больнице: ему поставили страшный диагноз, требовавший немедленного хирургического вмешательства. Батюшку полуживого привезли в одну из клиник Пятигорска. Проведать и поддержать его люди приезжали отовсюду. «Без присмотра и заботы отец Петр не был, – пишет ставропольский священник протоиерей Ф. Устименко, – старались все: и местные и приезжие, Батюшки и миряне. Приезжали со Ставрополя, из Слепцовки, из Грозного и даже из Волгограда. Врачи и медперсонал относились очень хорошо. Лежал он в отдельной палате, никем и ничем не стесненный. Он остался доволен и благодарен». «Посетители, как паломники, шли к отцу Петру непрерывным потоком, – вспоминает в своем письме супруга бывшего благочинного церковей Чечено-Ингушетии матушка Людмила Нецветаева, – Таких батюшек-праведников в нашей Ставропольской епархии немного!

Находился он в скромной, но, главное, в одноместной палате, на окне стояла икона и лампада, был он всегда в подряснике – и днем и ночью. Любезно провожал нас до лифта, а был он еще очень слабый».

Священники, которые давно знали и уважали отца Петра, приехали к нему сразу на нескольких машинах – из ставропольского села Рагули, из Одессы, из-под Киева. Приехали Соборовать своего духовного наставника. Заходят в палату – а отца Петра там нет. Все растерялись, не зная, что же делать и где искать его.

«Мы поднялись наверх на лифте, – рассказывает матушка Зиновия Афонина, приехавшая с Украины вместе со всей родней провести отца Петра, – а много людей не поместилось в лифт и поэтому остались ждать внизу. И в это время смотрят: Батюшка в больничном халате, накинутом поверх подрясника, спускается по лестнице прямо навстречу. «Батюшка, куда Вы шли?» – спросили мы его, изумленные от такой неожиданности. «Вас хотел встретить», – ответил отец Петр. Откуда он мог знать, когда, в какой день и час мы приедем к нему? У нас было огромное взаимное желание встретиться, и Батюшка прозорливо почувствовал, что мы наконец приехали!

Слетелись мои любимые детки», – со слезами радости сказал он, благословляя и целуя всех. Это были очень трогательные минуты». Прослезились и гости.

«Ну что ж, – улыбнулся отец Петр, – сорок лет я соборовал больных, а теперь, видно, пришел час соборовать меня. Пусть Бог благословит вас». И в больничной палате зазвучал могучий церковный запев. Три священника, диакон, певчие – более 20 человек гостей – приступили к совершению святого таинства. Собрались пациенты клиники, медицинский персонал. Люди плакали: ведь все они понимали, что Батюшка, которого они так успели полюбить, стоял перед лицом смерти.

«После соборования, – рассказывает далее матушка Зиновия, – мы все подходили под благословение отца Петра. Он расспрашивал про каждого из наших детей, зная всех поименно. А внуков у наших родителей 30, и отец Петр не забыл никого, потому что за всех постоянно молился. Наша сестра Анна сказала отцу Петру теплое благодарственное слово, стоя на коленях. Люди плакали навзрыд. Это прощание трудно описать словами. Мы все чувствовали и осознавали, что прощаемся со своим духовным отцом навсегда в этой земной жизни. И, действительно, нам больше не суждено было встретиться».

«Ну что вы плачете?», – ласково утешал Батюшка каждого, кто подходил к нему под благословение, будучи сам не в силах

сдержать своих слез...

После соборования и двух тяжелых операций отец Петр возвратился домой с единственной почкой, но продолжал свое пастырское служение. Служить ему становилось все труднее и труднее. Часто он был вынужден прерывать ненадолго службу, чтобы дать передышку больному сердцу. Кое-кого из церковных он просил тогда почитать проповедь святых отцов – особенно он любил проповеди Иоанна Кронштадтского. А нередко давал людям возможность послушать полезную и поучительную информацию из церковных газет.

«У нас тут свой Иерусалим»

Покидал отец Петр свой родной храм редко. В молодые годы он вместе с мамой и сестрой совершил несколько паломнических поездок по святым местам: бывал в Киеве и Почаеве, поклонился многим святыням Руси. Бывал он и на земле древней Иверии – Грузии. На обратной стороне фотографии, сделанной во время посещения вместе с матерью и сестрой Троице-Сергиевой Лавры, Батюшка собственноручно написал: «Фотография в память посещения святой Сергиевой Лавры 31.05.1967 г. Находился на земле, истоптанной святыми стопами преподобного Сергия Радонежского, против дверей храма Покрова Пресвятой Богородицы Московской Духовной академии. На молитвенную память боголюбивейшей монахине Анастасии о нашем посещении. Всегда просящие святых молитв». Но куда бы Батюшка ни уезжал, к воскресной службе в своем родном храме всегда возвращался. Поэтому все его поездки занимали, как правило, не больше недели.

Вспоминают, что однажды отец Петр вместе с близкими ему людьми посетил древний грузинский монастырь Мцхету, что недалеко от Тбилиси. По случайности в это же самое время туда прибыл Святейший Патриарх Грузии Илия I. Все, кто был в монастыре, стали брать у него святое благословение. Подошел к Предстоятелю Грузинской Православной Церкви и отец Петр. Патриарх посмотрел на него и неожиданно спросил: «Откуда?» «С Кавказа», – кротко ответил Батюшка. «Кавказ великий, – видимо, не удовлетворился таким ответом Святейший. – Откуда именно?» «Из Слепцовки», – последовал ответ. Седовласый Патриарх ткнул молодого батюшку Петра пальцем в лоб и в упор спросил: «Из Слепцовки, говоришь? А кто служил в твоём храме в прошлое воскресенье?» «Я служил по милости Божией», – тихо ответил Батюшка. «А кто будет служить в это воскресенье?» – продолжал Патриарх. «Если Богу будет угодно, то снова я», – отвечал

Батюшка под пристальным взглядом Патриарха. «Молодец!» – похвалил Святейший и с радостью благословил его.

С огромным удовольствием отец Петр выезжал на природу. Он очень любил Кавказ. Посадив близких в небольшой автобус и прихватив с собой нехитрую еду, он любил проехать десяток-другой километров в сторону ближайших гор, где не уставал умиляться и восхищаться местной красотой. «А ну-ка начинайте: «Хвалите Имя Господне...» – просил он всех, кто приехал с ним, и сам умиленно начинал петь эти величавые глаголы. Люди вспоминают, что Батюшка умел радоваться природе с неподдельной детской радостью, прославляя Создателя этой великой гармонии и красоты. Он с восхищением прикасался к ярким цветам, расстелившимся пестрым ковром у его ног, с восторгом слушал звонкое щебетание птиц и тихое журчание прохладного горного ручья. А дома мог часами рассказывать о том, как пахнет полынь в степи, про аромат свежескошенного сена... Когда в церковном саду созревали абрикосы, Батюшка брал детей, подводил их к дереву, срывал спелые сочные плоды, всех угощал, а сам говорил с детским восхищением: «Ну посмотрите, какая красота! И кто же их так разрисовал? А пахнут как!» Откусит кусочек: «А сладкие, сладкие какие! А ну-ка рвите себе полные карманы!» Дети рады стараться, а с ними и Батюшка не может нарадоваться.

Отец Петр благословлял своих прихожан, желавших поехать по святым местам. Когда они возвращались из паломничества, то первым долгом шли к своему настоятелю, ибо уже знали: он ждет их самого обстоятельного рассказа о путешествии. Иногда, по прошествии какого-то времени, отец Петр вновь просил рассказать об увиденном и пережитом. Батюшка считал, что когда человек так несколько раз расскажет, то лучше запомнит свои впечатления и сохранит их на многие годы.

«Ну, поездили, посмотрели святыньки, помолились? – приветливо улыбался возвратившимся паломникам отец Петр. – Вот и слава Богу, что посмотрели, помолились и вернулись благополучно. А ведь дома как хорошо! У нас тут свой «Иерусалим».

Действительно, тот, кто хотя бы один раз побывал в «Слепцовке», стремился непременно возвратиться сюда вновь и вновь. «Слепцовская была для нас как свет в конце тоннеля, – делится воспоминаниями матушка Зиновия Федоровна Афонина. – Я была студенткой, училась в Калмыкии, а родители мои с четырьмя младшими детьми жили вместе с батюшкой. И всякий раз мы мчались в «Слепцовку» словно на крыльях. Нигде так мы не могли свободно и легко чувствовать себя православными

христианами, как тут. Здесь меньше процветал атеизм, верующий человек мог перекреститься, не озираясь по сторонам. А в самом храме нас встречала такая благодать, что мы забывали обо всем земном».

Когда пришел час возрождения православных храмов в других станицах Сунженского района, где проживало преимущественно русскоязычное казачье население, люди пошли туда, освященные благодатным словом своего пастыря – отца Петра Сухоносова. Люди шли с верой – искренней, горячей. Кто из них мог тогда предположить, что беда уже стояла на пороге? Страшная, непонятная, необъяснимая война поднимет людей с мест, насиженных веками, и разметет их, словно осенние листья, по всей земле. Когда и станица Орджоникидзевская наполнилась страдальцами, беженцами, вооруженными боевиками и работоторговцами, отцу Петру предложили переехать в безопасное место. Кроме того, он нуждался в отдыхе, постоянном врачебном наблюдении и лечении. Но Батюшка смиренно ответил: «А что скажут овцы, когда останутся без своего пастыря? Будь что будет...»

Часть V. И снова скорби...

Новые гонения

Шестидесятые годы и особенно их вторая половина ознаменовалась для Батюшки новыми гонениями и травлей. Этому способствовала вся внутривластная обстановка: страна готовилась торжественно и помпезно отметить 50-летие Октябрьской революции. Машина идеологического «оболванивания» народа работала на полную мощь, стараясь внушить людям, что в советском обществе наступило полное и бесповоротное торжество атеизма. А для подкрепления этой лжи властям нужны были факты: о закрытых храмах, о дискредитированных священниках... И такие «факты» создавались искусственно.

Надо сказать, партийным властям бывшей Чечено-Ингушетии давно «мозолил» глаза единственный в Грозном православный храм, уцелевший от разрушения большевистскими вандалами в 20–30-е годы. Стоял он на центральной улице города. Облик «светлого коммунистического города» никак не сочетался с церковью, Двери которой всегда, даже в годы страшной войны с немецко-фашистскими оккупантами, были открыты для прихожан. Но в Грозном располагалось благочиние Республики, и ликвидировать или даже «временно» закрыть здешний Михайло-Архангельский храм означало вызвать бурю негодования со стороны верующих. Поэтому власти решили для начала расправиться с храмом в «Слепцовке», чтобы тем самым существенно ограничить влияние Церкви на население края.

И они стали искать для этого подходящий повод, применив проверенную тактику славливания людей, сплетен, доносов и клеветы. Расчет был очень прост: настоятель, по мысли организаторов беззакония, не сможет угодить всем, рано или поздно он обязательно займет позицию одной из конфликтующих сторон и тем самым станет неудобным другой. Но Батюшка занял иную позицию – Правды, всецело предав себя в руки милосердия Божиего. Полагаться на чью-либо иную помощь – простых людей или власть имущих – означало погубить себя и свою паству. Отец Петр это хорошо осознавал.

К тому времени Ставропольскую епархию возглавлял уже не Владыка Антоний, а другой архиерей. Властям удалось принудить его написать указ, согласно которому настоятель Свято-Покровского храма станицы Орджоникидзево́й священник Петр

Сухоносов выводился за штат. Официально причина была сформулирована так: «по болезни». Выведенный за штат священник отныне волен был сам определять свою дальнейшую судьбу: ехать куда-то или оставаться на месте. Поступи правящий архиерей по-иному – например, подпиши он указ о переводе отца Петра на другой приход – и Батюшка обязан был бы исполнить волю Владыки. Годы служения в «Слепцовке» сроднили отца Петра Сухоносова с этим казачьим краем и его людьми. Тут батюшку уже хорошо знали, любили, духовно он сблизился со многими прихожанами. Неплохим для него оказался и климат с сухим жарким летом и умеренными холодами зимой. Здесь же у него был свой небольшой домик с надворными постройками. Поэтому отец Петр, имея на руках архиерейское распоряжение, решил остаться в «Слепцовке».

Чтобы укротить страсти, разгоревшиеся вокруг Батюшки, Владыка направил сюда нового настоятеля. Но прихожане отказались принять его, решительно сказав: «Мы будем хлопотать за своего». Так же поступили и со вторым священником – архимандритом, приехавшим для служения в «Слепцовку».

Страсти так и не улеглись. Более того, в церкви продолжали совершаться богослужения, только без возгласа священника. Отец Петр по настойчивым просьбам людей, на свой страх и риск оставался в алтаре, совершал священнодействия, а верующие усердно молились в храме под слаженное пение клироса. Немного позже Мы объясним читателям, почему так поступил отец Петр...

Все это, естественно, долго не могло продолжаться незамеченным. Кто-то обо всем донес властям, и те обрушили на непокорного настоятеля всю свою ярость.

В один печальный день к церковным воротам подъехали четыре милицеских машины. Прибыли и представители администрации – чтобы закрыть храм и опечатать двери. А поскольку в храм людям можно было зайти через два входа – западный и южный – то верующие разделились, блокировав подходы к храму, и начали истово молить Господа, Его Пречистую Матерь, Архистратига Михаила и всех святых, чтобы они помогли выстоять перед безбожными властями. Сразу в нескольких местах церковного двора люди с усердием читали акафисты. Одна из пожилых прихожанок, ревностная в благочестии и вере, работавшая при храме дневным сторожем – 80-летняя раба Божия Екатерина – не оробев перед милицией, с размаху ударила шваброй одного из них, направлявшегося к церковной калитке: «Кто вы такие, кто вас сюда звал? Я сторож, мне люди доверили охранять храм от всех посторонних.

Убирайтесь отсюда!» Такого отпора никто не ожидал. Работники милиции в нерешительности остановились, не зная, что делать дальше с этими людьми. И тогда кто-то из прибывших на расправу выкрикнул: «Чего вы на них смотрите? Хватайте и выводите по одному!» Двух женщин, которые упали на пути милиционеров, волоком потащили по земле и силой затолкали в машину. Работников милиции не остановило то, что на дворе было сыро и грязно, и что перед ними были в основном женщины. Многих грубо хватали за руки, за локти и так же волокли к служебной милицейской машине. Когда представители властей добрались-таки до дверей храма, замкнули его своим замком и наложили гербовую печать, то прихожане тут же отодвинули железный засов и снова сделали вход свободным. А одна из прихожанок сорвала с дверей печать и бросила ее прямо в лицо начальнику милиции, приехавшему сюда в штатском: «Заберите свою печать! Вы одну уже получили от нас – шваброй по голове!» Ее тут же схватили под руки и тоже затолкали к арестованным.

Наконец власти повесили на храм еще один замок, но опечатывать двери уже не стали. Милиция уехала и увезла с собой прихожанок, наиболее ревностно защищавших свою церковь. Когда их определили в камеру, то они не растерялись там и дружно запели: «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся!».

«Вы что себе позволяете? – возмутились работники милиции. – Забыли, куда вас привезли? Это вам не храм Божий, тут нельзя петь ваши молитвы». «Ничего, – смело ответили им женщины, – мы верующие, нам можно». И продолжали молиться. Работники милиции с кем-то немного посоветовались, а потом открыли камеру: «Уходите отсюда все, будете нам тут глаза мозолить!» И всех выпустили на волю.

Уже смеркалось, когда радостные прихожанки возвратились к храму, где об их спасении молились односельчане и плакали. Увидев их свободными, все возрадовались и возблагодарили Господа и Его Пречистую Матерь за Их милость и небесное заступничество.

Но на этом гонения не прекратились. Батюшку стали вызывать в государственные учреждения, где его уже никто не мог защитить от произвола и насилия местных властей. Он вынужден был покидать свой храм, преодолевать огромные расстояния, чтобы давать пояснения в разных кабинетах, выслушивать нелепые обвинения в свой адрес, а затем, за их безосновательностью, возвращаться в «Слепцовку». Но даже тогда, когда батюшке открыто угрожали расправой, он старался найти оправдание обидчикам, покрыть их своей любовью, привести к раскаянию и примирению. Отец Петр твердо уповал на Господа,

веря в то, что все эти испытания Он посылал ему для укрепления веры в Бога и любви к людям. Не теряли упования на милость Божию и те, кто оставался преданным батюшке, кто не разделял грязных разговоров и сплетен. Вместе с отцом Петром они ездили в вышестоящие церковные и государственные инстанции, поддерживая и подбадривая своего настоятеля, разделяя с ним все обвинения и угрозы.

Весь этот страшный период Батюшка находился в своей келлии: он встал на подвиг безропотного терпения скорбей и молитвы. Никто не может припомнить, когда он ложился отдыхать – всю ночь до утра в его комнатке горел свет. Люди знали: настоятель горячо и слезно молится вместе с ними о будущности храма. На его лице никто не видел следов отчаяния, страха, чувства какой-то безысходности. Выходя из келлии навстречу ожидавшим прихожанам, он поражал всех своим спокойствием, молитвенным настроением, внутренней собранностью. Это его духовное состояние передавалось и людям. «Будем терпеть и молиться, – успокаивал их Батюшка, – Господь не оставит нас...»

Вскоре к храму снова подъехала милицейская машина. Видя, что сломить волю большинства прихожан не удастся, власти решили поступить с настоятелем по-иному: выписать его из домово́й книги, вывезти на вокзал, посадить в ближайший поезд и, как говорят, отправить «на все четыре стороны». Для формальности представители власти привезли с собой бланк выписки, печать и все остальное необходимое. Но первой работников милиции увидела сестра Батюшки Татьяна Петровна. Она немедленно подняла прихожан, которые неотлучно находились в церковном дворе. Люди окружили непрошенных гостей и снова стали взывать к их совести и милосердию. Сам Батюшка в это время находился в своей келии: прихожане закрыли его снаружи на замок, а ключи спрятали. «Когда я услышал, что толкуют про домовую книгу, то понял, что мое дело совсем плохо, – вспоминал позже отец Петр, – поэтому я куда-то механически сунул ее, чтобы никто не смог найти. А сам в слезах мольбы припал к святым образам, всецело предав себя в руки милосердия Божиего».

Пригрозив людям, милиция так и уехала ни с чем. Прихожане по-прежнему не оставляли без присмотра свой храм, теперь закрытый милицейским замком, чтобы туда не проникли посторонние. А у Батюшки между тем нашлись недоброжелатели и завистники даже среди духовенства.

«Чего это они в Слепцовку рвутся? Что там такого нашли?», – недовольно говорили некоторые, видя, как люди отовсюду шли и

ехали к отцу Петру, чтобы поддержать его в трудный час.

«Чего вы все заступаетесь за этого блудника и разбойника?», – говорили гневно другие, не в силах понять любовь простых прихожан к своему настоятелю.

Надо признать: не было единодушия и среди прихожан. Часть верующих, видимо, поддавшись увещаниям и угрозам местных властей, восстала на своего настоятеля, оболгав его и тоже назвав «разбойником». Но большинство людей все же не разделяло клеветы и грязи, выливаемой на отца Петра. Раздоры не прекращались. Одни ездили кляузничать в епархию и в Грозный уполномоченному, а другие неустанно молились Спасителю, Небесной Заступнице, Архистратигу Божиему Михаилу и всем святым за избавление отца Петра от наветов вражьих. Почти целый год церковь была на замке. Лишь на Страстной и Светлой седмицах власти разрешили совершить богослужения, чтобы дать людям возможность встретить Христову Пасху и освятить пасхальные куличи.

«200 человек день и ночь молились в ограде нашего храма, – вспоминает о том смутном периоде Евдокия Евдокимовна Афонина. – Одни уходили по домам, чтобы немного отдохнуть, другие приходили им на смену. Полный двор людей был! Каждому хотелось почитать, помолиться вместе со всеми, а двор не мог вместить сразу всех желающих».

Под нажимом безбожных властей отец Петр теперь подвергся открытым гонениям со стороны правящего в тот период архиерея. Рассказывают очевидцы, бывшие у него на приеме в Ставрополе вместе с отцом Петром, что Владыка, вызвав батюшку к себе, неожиданно обратился к нему с предложением: «Я тебе любой приход дам. Только уйди оттуда». Отец Петр смиренно поклонился архиерею и попросил его оставить на месте. «Почему не уходишь? – вспылил Владыка. – На каком основании?!» «На основании старцев», – так же смиренно и кротко ответил ему Батюшка, кланяясь в ноги...

Есть основания полагать, что отец Петр сослался на грузинского старца иеросхимонаха Херувима, которого он давно лично знал и доверял ему все откровения своей души. Незадолго до гонений Батюшка приехал в горное грузинское село Ахкперти, где подвизались 20 сестер вместе с игуменьей Марией. Все они жили в небольших домиках, днем вместе с другими трудились на землях здешнего колхоза, а по ночам и в праздники совершали тайные богослужения. Там же подвизался и почтенный схимник отец Херувим. Когда приехали гости из «Слепцовки», старец предложил им совершить небольшой поход к одному из чудотворных горных источников, но сам шел с отцом Петром на

некотором расстоянии от всех, творя молитву и слушая то, о чем ему говорил Батюшка. И в этой беседе старец прозорливо открыл ему, что все гонения, которые отцу Петру предстояло вскоре претерпеть, суть от врага нашего спасения, и покидать «Слепцовку» он своего святого благословения не дает...

Это благословение православного старца и было причиной того, что отец Петр, будучи за штатом, продолжал священнодействовать в Слепцовке...

И вот теперь отец Петр стоял в кабинете Владыки, испрашивая его милости.

«На основании старцев? – воскликнул архиерей, услышав от своего клирика такой ответ. – А я кто для тебя?! Не старец?!»

Отец Петр смиренно молчал, склонившись до самой земли. Владыка встал из-за стола, гневно посмотрел на священника и широким шагом молча прошел мимо него.

У Святейшего Патриарха Алексия I

Кто-то посоветовал прихожанам ехать в Москву и там добиваться справедливости, ибо вконец разуверились найти ее на месте. Группа верующих – сразу восемь человек – выехали на прием к Святейшему Пат-Риарху Алексию I, чтобы заступиться за своего настоятеля. Поехали зимой, в январе, когда на дворе стояли лютые морозы и стужа. Устроились временно на квартиру и сразу же стали, как говорят, обивать пороги патриаршей резиденции. Прошло много томительных дней, прежде чем получили долгожданное разрешение на встречу. Да и получили они его совершенно неожиданно, уже потеряв, казалось, всякую надежду. Однажды они увидели, как к главному входу патриаршей резиденции подъехала служебная машина и из нее вышел предстоятель нашей Православной Церкви. Подойти к нему было совершенно невозможно, так как чиновники едва не силой затолкали всех посторонних в какую-то тесную подсобку. Тогда одна из женщин, вырвавшись вперед, в полном отчаянии громко закричала: «Святейший, примите нас!»

Патриарх между тем давно заметил группу продрогших на морозе, голодных людей, каждый день стоявших с раннего утра до позднего вечера под окнами его канцелярии, и сжалился над ними. Зашли они в патриарший кабинет и упали на колени, не в силах вымолвить слова от горьких рыданий.

«Рабы Божий, в чем дело? Что случилось?» – попытался утешить Патриарх. Но все лишь навзрыд плакали. Наконец, выслушав их объяснение, он немедленно обратился с личным письмом к местным властям дать разрешение на возобновление

богослужений в закрытом храме. Вспоминают, что Патриарх произнес при этом: «Я не могу видеть, как страдают эти несчастные люди...» И одарил всех на прощанье иконками и просфорами...

Отметим, что окончательное восстановление отца Петра Сухоносова в служении связано с именем нынешнего Главы Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, бывшего в те годы в сане митрополита и занимавшего должность Управляющего делами Московской Патриархии. Именно он добился от местных властей полной справедливости, сняв с Батюшки все обвинения...

Посланцы возвратились из Москвы домой, где их ждали с великой надеждой. Валентина Герасимовна Дгибалова, возглавлявшая поездку в Москву, сообщила собравшимся станичникам радостную весть. Ликованию верующих не было конца. Люди не могли сдержать радостных слез.

«Успокойтесь, братья и сестры, – обратился к ним отец Петр, сам весь в слезах радости. – Теперь все будет хорошо. Давайте благодарить Господа за Его милость к нам».

С молитвой открыли двери храма, чтобы отслужить благодарственный молебен. Последний раз тут служба была ранней весной на Пасху. Теперь же на дворе стояло жаркое кавказское лето. Станичники вошли под сень родного храма – и в слезах благодарности упали перед Воскресшим Спасителем, Который стоял посреди церкви и победоносно встречал «люди Своя».

Вспоминают также, что перед этим радостным событием сестре отца Петра Татьяне Петровне Сухоносовой во сне было откровение. Она увидела бесконечно длинные ряды столов, накрытые в церковном дворе для поминального обеда. Народу же, сидевшего за этими столами и шедших в храм на поминальную трапезу, было еще больше – несметное число. Этот сон дал ясно понять, что за батюшку молились не только живые. Его вымаливали и покойные, которых он всегда поминал с особым благоговением и любовью.

Так отец Петр Сухоносов снова возвратился к служению Богу и своей слепцовой пастве. 18 апреля 1965 года Ставропольским архиепископом Михаилом отец Петр был поставлен в сан протоиерея. Почти через 30 лет после этого – ко дню Пасхи 1993 года от Рождества Христова – новый архиерей наградил его святой митрой, а в 1998 году, незадолго до смерти – орденом святого равноапостольного князя Владимира III степени.

Интересно, что распоряжением Святейшего Патриарха батюшке повелевалось служить настоятелем Покровского храма в

«Слепцовке» пожизненно. Промысл Божий укоренил отца Петра в станице до последней Божественной литургии, которую он совершит, прежде чем кротко предать себя в руки палачей-христоненавистников. В последние годы Батюшка даже на почтовых конвертах и в письмах, адресованных близким, подписывался так: «Протоиерей Петр Слепцовский».

В один из тех драматических дней, когда Покровская церковь в «Слепцовке» была закрыта, а ее настоятель ожидал решения относительно своей дальнейшей судьбы, произошел дивный случай, о котором вспоминает ночной церковный сторож, потомственная казачка Меланья Воронкова. Сохранилась магнитофонная запись этого разговора, которую мы приводим с незначительным литературным редактированием. Датирована она 4 апреля 1991 года.

«Я вам не смогу назвать точно ни года, ни месяца, когда все это произошло. Помню только, что наша церковь была закрыта 9 месяцев. Батюшку мы не видели, он не служил, его постоянно вызывали куда-то, а тут была милиция и творилось невообразимое. Я работала ночным сторожем, а со мной вместе Катя – Катерина Алексиевская, она уже умерла. И вот мы с ней как-то дежури́м ночью. Дежу́рим, а холодно! Церковь закрыта на замок, все кругом тоже закрыто и опечатано. А мы сидим под дверями возле сторожки, только брезентом сверху накрыто от дождя. Катя закуталась в тулуп, а я в шубу. И вот вдруг на меня напала дремота. Я говорю: «Катя, я подремлю немного. Хорошо?» А она мне в ответ: «Ну разве можно?» И сама сидит, усердно читает молитвы, просит Архистратига Михаила защитить нас. А я не могу ничего с собой поделать, сплю – и все тут. Катя видит такое дело и говорит: «Ну ладно, подремли немножко». Я и задремала. Сколько я так дремала – не знаю. Только вдруг я открываю глаза и вижу, как из боковых дверей церкви выходит святой Иоанн Воин – точь-в-точь такой, как он там изображен у нас на иконе. Вышел во всем военном снаряжении, с копьём в руках. Все расправил на себе, подтянулся по-военному и спускается прямо к нам со ступенек из коридора. Подходит и говорит: «Я сейчас пойду до Ионы и вам помогу». Повернулся и пошел на Федоров двор. Там и исчез. Я кричу: «Катерина, вон Иоанн Воин пошел!» Она смотрит и ничего не видит. Я ей снова кричу: «Да ты что, ослепла? Я вижу, а ты не видишь». Я его действительно видела не во сне, а живого, а Катя не видела. Потом она говорит: «Подожди, Меланья, это хорошо, что ты его видела». А Иона был в то время нашим епископом в Ставрополе. Там находился и Батюшка, поехал за разрешением. А вместе с ним много людей наших поехали. И вот ночью это случилось, а

утром приезжает староста Семен Степанович и привозит ключи от церкви. Батюшка тоже приехал и сразу в райисполком пошел. Оттуда приходит и говорит радостно: «Федоровна, скорее открывайте ворота! Вот они, ключи!» И показывает их нам. Так Иоанн Воин святой все устроил, как пообещал».

«Мне отмщение, Аз воздам»

Жизнь и пастырский труд отца Петра никогда не были безоблачными. За свое добро Батюшка много страдал от врага нашего спасения: время от времени он настраивал против настоятеля людей психически неуравновешенных, горделивых, обидчивых, амбициозных, кичливых, которым казалось, что они заслуживают от Батюшки большего внимания и ласки. Они жаловались один другому, писали письма-кляузы, обращались в различные органы церковной и административной государственной власти, обвиняя пастыря в самых нелепых поступках.

Когда-то, в тех краях, где родился отец Петр Сухонос, в годы его юности, жила некая «тетя Мария», как ее все называли. Она вела себя как блаженная, хотя на самом деле была просто слабоумной. Едва увидев в храме молодого пономаря Петра Сухоносова, она начинала приговаривать: «Ой, Петрусь ты, Петрусь, як до тэбэ доберушь! А не доберушь, то бабу пидставлю...» К сожалению, эти бредни, как и многие другие грязные наговоры на батюшку некоторые люди воспринимала всерьез и зубоскалили по их поводу, но большинство мирян нелицемерно любили своего настоятеля, зная его высоко праведную, чистую жизнь. Бывало, посмотреть на молодого celibата приезжали прихожанки из других храмов за 50 с лишним километров. Враг использовал самые изощренные способы, чтобы нарушить душевное равновесие, осквернить, отравить молитву пастыря. Батюшка искренно сокрушался о таких людях, видя, чью волю они творят на самом деле, и с кроткой улыбкой говорил: «Слава Богу, что хоть так идут в храм Божий. Ничего, потом покаются и будут жить мирно».

Случалось, что от Батюшки отворачивались даже те, кто не видел от него ничего, кроме тепла и отеческой ласки. Едва став на ноги, они забывали дорогу к своему духовному наставнику, а если и приходили, то нередко для того, чтобы доставить ему еще больше душевных огорчений. Иногда близкие не могли понять и принять Батюшкиной любви к людям с явными пороками, и тогда они начинали судить отца Петра своим судом, с высоты собственных представлений о добре и зле. А между тем ему было

искренне жаль всех без исключения, а в первую очередь тех, кто страдал пороками. К таким людям Батюшка являл особую милость и сострадание, пытаясь силою своей любви и терпения вразумить и отвернуть их от дальнейшего грехопадения. Некоторым такая любовь была просто непостижимой, и они отшатывались, уходили, оправдывая свой поступок благими намерениями. Уходили, но потом все равно возвращались к своему духовному отцу, ибо нигде больше не могли найти столь обильный источник любви и утешения.

Незадолго до мученической кончины Господь попустит отцу Петру еще одну духовную брань: он примет Душевные страдания за близкого человека, о котором перед тем с отеческой любовью пишет как «о рожденном в моей душе». Пройдет немного времени, и Батюшка с горечью признается: «Сейчас главная трагедия – А. Поверил, а не проверил временем. А он требует от Меня смирения и послушания и всего, чего ему захочется. Четвертый раз ездил к Владыке: себя оправдывает, а меня порочит... Вот так и живем...»

Батюшка пишет об этой юной, духовно неопытной душе с глубоким состраданием и болью. Отец Петр винит, укоряет прежде всего себя, что не дал ей времени окрепнуть, очиститься от плевел, защититься от духовного прельщения. Он пойдет на радикальные меры, чтобы привести этого человека к глубокому раскаянию. Возможно, отец Петр уже чувствовал, что по-другому он просто не успеет воздействовать на него. Возможно, он знал о своем воспитаннике больше, чем знали другие...

Не все поймут мотивов поступка духовника по отношению к своему воспитаннику и поэтому возьмут на себя право быть судьями. Тайну же этой духовной брани знал до конца только сам Батюшка. И эту тайну он унесет с собою, сам никого не осудив и никого не обидев...

Часть VI. Пастырство

Проповедник

Слова, которыми, отец Петр проповедовал Христову веру, были чрезвычайно простыми, понятными людям, лишенными каких бы то ни было искусственных украшений и чрезмерной риторики. Главный смысл его жизни и всех проповедей был сведен до слов Христа Спасителя: Да любите друг друга (Ин. 13, 34). Эти слова, казалось, были написаны в самом сердце Батюшки и озаряли своим благодатным сиянием души всех, кого Господь сподобил близко знать его и общаться с ним. В жизненности этих слов – не как абстрактной догмы, а глубоко личностного, прочувствованного, выстраданного, ставшего неотъемлемой частью души – надо искать духовные корни подвижничества отца Петра Сухоносова, его самопожертвования и, наконец, самой мученической смерти.

О богатстве души, чистоте и святости любви Батюшки можно писать и рассказывать бесконечно. Даже те, кто не был с ним знаком лично, а лишь слышал про него от своих друзей или близких, оставался под неизгладимым впечатлением от услышанного. Исповедаться у него или пообщаться в Слепцовскую ехали не только простые люди из самых отдаленных уголков Северного Кавказа, но и многие священники. Сюда приезжали те, кто мучительно искал и не мог найти Христа, кто в силу разных обстоятельств не хотел уверовать в Него и принять нашего Спасителя в свое сердце. Они несли и везли с собой свои слезы, беды, сомнения, отчаянье, скорби, раздумья... Батюшка вмещал в сердце всех страждущих, покрывая их щедрой любовью и состраданием.

Отец Петр считал себя человеком малограмотным: он всячески избегал общения с журналистами, стеснялся своего не слишком разборчивого почерка, чувствовал себя как-то неловко рядом с теми, кто, наоборот, старался блеснуть ораторским талантом, эрудицией и знаниями. Как-то к отцу Петру, зная о его праведной жизни, захотел приехать православный священник с Украины. Со свойственной скромностью Батюшка отвечает: «Нет у меня ничего удивительного, замечательного, и если бы он (то есть тот священник – А. Г.) приехал, то у него ничего не было бы, кроме разочарования. Нет у меня ни дара слова, ни служения прекрасного, ни молитвы, ни понятия. Только одно могу сказать: простите меня за все. Грешный, бездушный, ленивый,

непотребный...» В другом письме он добавляет: «Прошу простить меня за дерзость такую – ведь я самый никудышный человек».

К большому сожалению, не удалось сохранить в записи Батюшкины проповеди. Однако, они сохранились в памяти многих людей, слышавших живое слово слепцовского пастыря с церковного амвона. Все его проповеди были пронизаны духом глубокого покаяния и смирения. Иногда он выходил на амвон среди службы и обращался к людям, чтобы они смогли глубже понять духовный смысл происходящего в храме священнодействия, его величие и святость.

«Вот сейчас вы будете подходить к Святой Чаше с Телом и Кровью нашего Спасителя, – обращается Батюшка к людям, завершив евхаристический канон. – Кто из нас может сказать, стоя перед этой величайшей Святыней, что он достойно подготовился к Ее принятию? Наверное, никто. Тогда как же мы, недостойные, дерзнем приступить к страшным Тайнам? С чем мы подойдем к Святой Чаше? А с тем и надо подходить: осознавая искренно, покаянно свое недостойнство, свою греховность. Нужно подходить с молитвой мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Тогда наше причащение не будет нам ни в суд, ни во осуждение...»

Тот, кто слушал слово отца Петра, невольно проникался его покаянным духом, оставался пораженным той внутренней силой, которая исходила от Батюшки. Его слово звучало всегда неподкупно правдиво, в нем не было ничего лишнего, оно устремлялось в самое сердце человека – и в такие минуты каждый чувствовал, что проповедь была адресована именно ему. Лицо отца Петра, несмотря на годы, словно молодело, излучая благодатный внутренний свет.

Проповеди он говорил тихим, мягким голосом, немного наклонив голову и опустив глаза. Казалось, что Батюшка внутренним взором читает какую-то великую вдохновенную книгу, глаголы которой были открыты только ему. Чтобы прихожане не догадались об этой тайне, отец Петр действительно клал перед собой раскрытую церковную книгу и делал вид, что читает по ней. Но от близких людей все равно невозможно было скрыть того, что Батюшка делал это из-за скромности, дабы избежать ненужной ему людской похвалы и славы. Во время проповедей в храме стояла абсолютная тишина. Но для того чтобы хорошо было слышно даже тем, кто стоял сзади у входа, один из духовных чад поставил два микрофона с усилением звука: в алтаре и перед Царскими Вратами, откуда Батюшка обращался к людям с пастырским словом. К самим же проповедям отец Петр готовился всегда очень обстоятельно. С годами у него

выработалась своя система: он делал специальные выписки цитат из святых отцов, готовил сжатые планы проповеди, использовал много дополнительной литературы. Он не стеснялся все время учиться, постоянно обогащая память новыми и новыми знаниями, радуясь малейшей возможности почитать или послушать проповеди своих собратьев.

«Вчера были во Владикавказе, – пишет отец Петр в письме, – отмечали память преподобного Серафима Саровского. С проповедью обратился наш Владыка. Слово архиерея очень мощное». В одном из своих последних писем Батюшка обращается к Высокопреосвященному митрополиту Гedeону: «Почему так получается, что я не вижу изданных книг проповедей современных проповедников слова Божия, первым долгом Ваших, святей Владыка? Как река, лилось и льется оно из уст Ваших, неужели все потеряно? Сколько записано проповедей XIX, XVIII и предшествующих веков, а где же XX век? И это при такой высокой технике звукозаписи, при свободе слова. Разве нет у нас теперь отцов, равных по красноречию протоиерею Иоанну Восторгову? Есть! Это Вы, святей Владыка, отец Павел и многие другие. Люблю читать с амвона проповеди других больше, чем свои».

В дни Великого поста, когда читается покаянный канон преподобного Андрея Критского, отец Петр раскрывал людям его глубочайший смысл и внутреннюю красоту, приводя много ярких поучительных примеров из Ветхого и Нового Заветов. Часто он обращался к примерам из современной жизни, разворачивая перед людьми их глубокий духовный смысл. Обращался он и к новейшей истории христианства, рассказывая о подвигах святых новомучеников и страстотерпцев, от безбожной власти пострадавших. А иногда в проповедях Батюшки звучала духовная поэзия, которую он очень любил и с удовольствием читал. Это и были произведения классиков, и скромные сочинения прихожан и близких друзей.

«Стихи ваши какие-то уникальны и всеобщие, – пишет отец Петр одному из своих духовных воспитанников. – Очень мне они по душе. Читал с амвона, потом говорил на их тему: что вся природа, каждый цветок, каждая звездочка – все говорит о Боге, своем Создателе. А после литургии говорил, почему тоска у А., а так-же и у меня, да и у многих... Все прекрасное наводит тоску, прямо говорит о том, что есть Наивысшая Красота – красота райская, а вот ее отблески, ее отголоски на земле дают радость и тоску каждому по первичной Красоте». Так батюшку тронули несколько скромных поэтических строчек:

Отчего так бывает? Не знаю

Только сердце сожмется в тоске, и

Облака когда вдаль провожаю
По безбрежной густой синеве;
Или полем иду колосистым
По умытой росой траве,
Или месяц струится лучистый;
Серебром на раскрытом окне.
Отчего средь весеннего буйства,
Когда к жизни природа встает,
Вдруг на сердце становится грустно,
И душа в умиленьи вздохнет?
Может, сердцу открылась нечаяно
В той природе без края-конца
Необъятная вечная тайна
Созидателя Бога-Творца?
Может, сердцу откликнулся ясно;
Этой тайны несложный ответ:
С Богом свято все, тихо, прекрасно,
А без Бога прекрасного нет?

Батюшка любил читать прихожанам и стихи своего бывшего сокурсника протоиерея Илии Воронина. Его стихи отличаются особым гражданским мужеством, верою и патриотизмом. В прошлом фронтовик, отец Илия пишет огненные строчки, пронизанные выстраданной любовью ко всем людям – живым и мертвым. Отец Петр высоко ценил поэтический дар своего собрата, а потому настаивал и по-дружески не устал советовать ему: «Мы ведь с Вами не вечны! Пишите под копирку, оставляйте на память своим потомкам». А сам отец Илия признается, что все письма отца Петра к нему были глубокими, обстоятельными и «всегда вызывали меня на поэтические ответы». По настоятельным просьбам своего друга отец Илия стал собирать написанные им стихи, которые со временем вышли авторским поэтическим сборником «Перезвоны сердца».

«Душа сама подскажет вам правило»

Батюшка много наставлял свою паству в понимании тайн церковного богослужения и строго запрещал любые посторонние разговоры в храме. Во время службы отец Петр требовал от всех внутренней сосредоточенности и молитвы. И когда сердце человека озарялось Божией благодатью, Батюшка этому искренне радовался.

«Описанное вами о Страстях и Пасхе Христовой, ваше переживание очень радует меня, – пишет он в одном из своих писем. – Так и должно все быть. Мы не только вспоминаем, но и

переживаем все то, что совершилось ради нашего спасения. Так должно бы быть во все дни жизни нашей, но увы... Остается только одно: неизменно, неотступно быть преданным Господу».

В другом письме он разъясняет недоразумение по поводу того, что в некоторых храмах верующие встают под благословение Святой Чашей на Великом Входе: «Ваш вопрос очень простой и вы уже, наверное, сами нашли ответ на него. О Чаше освященной и не освященной вы сказали верно. Но поклоняться и благословляться ею в том и другом случае верно и полезно, и смущаться в этом случае не нужно совершенно. Вот такой пример: священнику мы целуем благословляющую руку, но если вместо руки мы поцелуем ему ноги – тоже не худо. Думаю, что это тоже правильно. У Господа ТАК все велико, что наше усердие никогда не лишне».

Все православное и церковное для него было чрезвычайно святым и высоким и не вызывало сомнений и недоразумений. Священники, совершавшие с протоиереем Петром Сухоносковым Божественную литургию, вспоминают, что Батюшка подходил ко Святой Чаше и Агнцу с необычайным благоговением и трепетом. Он истово молился, будучи не в силах сдержать своих слез и испрашивая прощения за свое недостойство, и принимал святое Причастие именно так, как исповедывал Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: «яко сие есть Самое Пречистое Тело Твое, и сия есть Самая Пречистая Кровь Твоя». Перед святым престолом он горел духом, его необычайное внутреннее сосредоточение во время совершения Божественной литургии доходило даже до тех, кто стоял в коридоре.

Федор Тимофеевич Гриценко вспоминает такой случай. Однажды Батюшка во время совершения Божественной литургии пригласил его в алтарь и благословил там читать поминальные записочки прихожан. «Я стоял справа от него, – рассказывает он. – Прочитав, и, чтобы не беспокоить батюшку, я легонечко кинул, подтолкнул их на Престол, так как сам к нему не имел права прикасаться – это я знал. Записочки аккуратно легли на Престоле, Батюшка увидел – и я тут же «схлопотал» десять поклонов за такую дерзость. Благо, что в те годы был еще молод, и тут же отбил эти поклоны».

Когда отец Петр начинал читать Евангельское зачало, то читал его всегда внятно, четко, выразительно, с глубоким осознанием того, о чем оно благовествует. Он не комкал и не «глотал» евангельских «глаголов», при этом хорошо выговаривая букву О. Если написано «Господь» или «Богородице», то из уст отца Петра никогда не звучало «Гасподь», «Багародице». Он трудился не только над каждым евангельским словом, но и над

каждой буквой этой Великой Книги.

Все богослужения совершались строго по уставу. Когда пели «Милость мира», Батюшка воздевал руки к небу в таком трепетном молении, что люди от умиления не могли сдержать слез. Слезно молился и сам отец Петр.

Крестным знамением он осенял себя и людей всегда не спеша, строго и величественно. И в то же время в его движениях было необычайно много смирения, кротости и любви. Рассказывают, что однажды в начале 70-х годов, когда в стране начался обмен советских паспортов старого образца на новые, многие люди приезжали к отцу Петру с сомнениями: не есть ли это антихристова печать? Как-то окружили его прихожанки, приехавшие из Грозного, и с тревогой в голосе стали просить разрешить их страхи и недоумения. Отец Петр, вспоминая, вдруг распрямил свои сутулые плечи и из-под густых бровей посмотрел на женщин: «И это говорят православные? Мы, христиане, должны знать только одну Печать и верить в ее силу!» При этих словах Батюшка широко перекрестился, каждым движением крестного знамения действительно словно впечатывая в себя непобедимую креста. Когда он благословлял в храме напрестольным крестом прихожан, то люди чувствовали необычайную силу этого благословения, которая покрывала всех присутствующих. При этом Батюшка немного наклонял голову и прищуривал глаза, словно всматриваясь туда, что было скрыто от простого людского взора.

Особо надо рассказать о том, как отец Петр исповедывал людей. Совершал он исповедь глубоко смиренно, кротко, осознавая себя недостойным свидетелем великого присутствия во святом таинстве Самого Бога. Отец Петр никогда не торопил человека, желавшего очистить свою душу от греховной скверны, не подгонял его и не ограничивал во времени. А желающих исповедаться у него было всегда много. Если люди приезжали издалека и останавливались ночевать, то исповедь начиналась с вечера и продолжалась допоздна, что давало возможность человеку спокойно, собранно открыть все, что тяготило душу.

Рассказывают, что однажды, когда Батюшка недолго гостил на родине, к нему обратились с просьбой исповедать его родственника, обреченного на смерть тяжелой формой раковой болезни. Сам больной долгое время не решался открыть пред Богом свою душу, а когда согласился, то просил сделать это в присутствии протоиерея Петра Сухоносца. Рано утром к батюшке приехали на легковой машине. Отец Петр был безмерно рад помочь облегчить душевные и физические страдания несчастного и немедленно собрался к нему.

Вскоре прибыли на место. Батюшка зашел в комнату к больному, затворив за собой дверь, а остальные родственники остались в соседней комнате. Попросили подождать и хозяина машины: все почему-то подумали, что исповедь будет недолгой, и священника скоро надо будет везти назад. Но прошел час, другой, третий... Батюшка не выходил. Из-за плотно прикрытой двери слышалась лишь приглушенная беседа двух человек. Не дождавшись, когда все завершится, водитель уехал. А исповедь все продолжалась. Лишь через 7 часов из комнаты вышел отец Петр, а за ним его родственник, который до этого лежал на своем одре, не находя себе Места от невыносимых болей. Оба предстали перед родней в состоянии духовной радости и умиротворения.

«Ну вот, – широко улыбнулся отец Петр, – а мне говорили, что он уже мертвец. А мертвец-то воскрес!»

И, не увидев в комнате водителя, спросил: «А кто же меня повезет назад?» «Да я отвезу сам», – к еще большему удивлению всех бодро сказал больной. И, действительно, сев за руль своей машины, он сам отвез батюшку в соседнее село, где его ждали. Через некоторое время этот поднятый молитвами Батюшки больной мирно отошел ко Господу.

Те, кто исповедывался у отца Петра, знают, что это была не просто исповедь, а глубокое сокрушение сердца о грехах перед Богом. Батюшка старался помочь человеку увидеть всю мерзость того, чем была запачкана душа. Если она была огрубелой и нечувственной, отец Петр пытался размягчить ее своим участием и слезами.

«Неужели вы сделали это?... – глаза того, кто стоял под епитрахилью, встречались с умоляющим взглядом Батюшки. – Неужели все это – правда? Не верю... Может, вы наговариваете на себя или вам что-то кажется? Нет? Как же это все случилось?..»

И человек начинал раскрывать тайники души, оплакивая совершенный грех вместе с пастырем.

«Вы искренно раскаиваетесь в том, что произошло? – тихо спрашивал Батюшка своего собеседника. – И так же искренно хотите, чтобы грех не повторился? Тогда молитесь Спасителю и Божией Матери. Давайте вместе будем молиться – и Господь простит...»

На исповедь к отцу Петру шло много детей. Благочестивые богобоязненные родители непременно стремились, чтобы их чад исповедал именно этот священник. «Когда мои младшие братья и сестры в чем-то проказничали, – вспоминает матушка Зиновия Афонина, получившая духовное окормление у протоиерея Петра Сухоносова, – папа их не наказывал, а отсылал к отцу Петру на исповедь. А рассказывать батюшке о своих шалостях было очень

стыдно, потому что все мы знали, как сильно нас Батюшка всех любил».

Детскую исповедь отец Петр всегда начинал с вопроса: «Как тебя зовут?» Он задавал этот вопрос даже тогда, когда наверняка знал имя стоявшего перед ним. Ребенок должен был почувствовать святость своего православного имени, которое он получил во святом крещении.

«А ты знаешь, зачем пришел сюда?»

Следовал примерно одинаковый ответ: «Просить у Боженьки прощения». Если ребенок медлил с ответом, то Батюшка помогал найти его наводящими вопросами.

«Вот и хорошо, что ты хочешь попросить у Бога прощения, – подбадривал отец Петр и продолжал, – а ты, наверное, знаешь, что прощения просят тогда, когда сделают что-то плохое? Знаешь? А что же ты сделал плохого?»

Часто отец Петр возбуждал в детской душе покаянные чувства такой беседой: «Ты знаешь молитву «Отче наш»? А помнишь, какие там есть слова: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим»? Значит, если мы хотим, чтобы Бог простил нас, надо научиться самим просить прощения и прощать других. А у кого мы должны в первую очередь просить прощения? У родителей, которых обидели своим непослушанием, у друзей, близких. А ты попросил у них прощения, когда шел сюда?..»

Так начинался откровенный разговор, оставлявший в детской душе неизгладимые впечатления, которые с годами прорастут в благодатные плоды веры, покаяния и смирения.

Отец Петр строго запрещал входить в святой алтарь посторонним людям или находиться там без всякой нуж-Ды. Сам он никогда не входил туда без подрясника и не говорил там ничего лишнего – только самое необходимейшее. Если во время совершения Божественной литургии требовалось дать какое-либо распоряжение, то Батюшка выходил в маленькую пономарку, куда приглашал нужного человека. Но даже в этом помещении разговор был очень коротким, лишь в несколько слов. «Служба идет», – смиренно, но твердо говорил он, прекращая все лишние разговоры. И этим все было сказано.

Отец Петр не требовал от людей духовных подвигов, которые им были просто не под силу. Он учитывал их немощи, болезни, семейные обстоятельства, часто повторяя: «Все правила написаны для здоровых людей, а у болезни свои законы». Однако это вовсе не означало, что Батюшка давал поблажку, освобождая паству от необходимого молитвенного труда. Напротив, он требовал неукоснительного выполнения того, что предписывала Церковь,

но всячески оберегал своих чад от того, что могло привести их в уныние, отчаянье, ропот или даже к утрате веры в Бога. «Дается вам легко молитва – молитесь, любите читать духовные книги – читайте, есть силы и здоровье встать ночью и делать поклоны – делайте. Но во всем должна быть рассудительность. Душа вам сама подскажет свое стремление и свое правило».

«Читайте Библию с конца, – многим советовал отец Петр. – Для нашего спасения достаточно знать книги Нового Завета и жить в покаянии, смиренно, придерживаясь того, чему учил Иисус Христос. Если человек духовно грамотный, пусть читает и Ветхий Завет, но и там необходимо смиреномудрие».

Учитывая духовное состояние человека, Батюшка благословлял на чтение Псалтири, творений святых отцов: к каждому из своих чад у него был свой, сугубо индивидуальный подход. «Одному вера дается по милости Божией легко, а другому с великими трудами. Один человек грамотный, а другой с трудом все постигает. Но Господь ждет к Себе всех», – наставлял свою паству отец Петр. Случалось, что кто-то не соблюдал его наставлений, выполнял послушание не так, как того требовал духовник. «Ах, турки, – незлобно вырывалось из сердца пастыря, жалевшего людей. – Настоящие турки непонимающие». И тут же добавлял: «А Господу и такие нужны...»

Как-то я гостил у Батюшки несколько дней. В первый же вечер он сказал мне, что нужно читать. В этом правиле, между прочим, была и Полунощница. Как это нередко бывает со всяким, лень взяла верх, и я упростил Батюшкино правило. Время пролетело незаметно, пришел час нашего расставания. «Вот и слава Богу, погостили, нас повидали, а мы вас, вместе помолились», – обнял меня отец Петр и, улыбаясь, вдруг спросил: «Ну а Полунощницу не забывали читать?» Спросил он это без всякого укора и не для того, чтобы на прощанье смутить меня. Он задал этот вопрос с любовью – так, как нежно любящий отец спрашивает своего дитя: «Сынок, ты покушал, что я тебе приготовил?..»

«В детстве я мечтала быть врачом, – вспоминает Анна Купкина, – но когда пришло время, решила просить совета у своего духовного наставника отца Петра. Он выслушал, помолчал, потом внимательно посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, в этом году в Ленинграде при семинарии открываются регентские курсы – поступай туда, Бог благословит». Я не ожидала такого ответа и резко ответила: «Батюшка, я ходила и всегда буду ходить в храм, но не думала работать в нем».

Батюшка с большим недоумением и огорчением посмотрел на меня. Прошло какое-то время – и я снова иду просить

Батюшкиного совета и благословения в надежде, что он понял мое желание. Но он вновь благословил учиться на церковного регента. Повторилось то же самое и в третий раз. Я послушалась и поступила в техникум, где меня постигли большие скорби. Теперь, спустя 20 лет, я осознаю, что Господь через Своего служителя, моего духовного отца, открыл мне Свою волю, Указал путь, по которому я должна была следовать, но я пошла не по Божией, а по своей собственной воле, за что сильно пострадала. Но Господь милостив ко всем, кто призывает с покаянием Его на помощь. Через полтора года своего послушания я стояла в слезах покаяния в кельии известного старца и подвижника отца Серафима (Тяпочкина) и произнесла то, от чего раньше отказалась: «Хочу быть постоянно в храме Божиим!» Пройдя свой скорбный отрезок жизненного пути, я стала в конце концов регентом-псаломщиком, только без специального образования».

Батюшка старался удерживать людей от необдуманного «подвижничества», от соблазна взять на себя непосильные подвиги, к которым их душа была еще совершенно не подготовлена. Еще более осторожным он призывал быть с не до конца взвешенными советами, которые шли от неопытных духовников, любивших окружать себя многочисленными духовными чадами, беспрекословно подчинять их своей воле. Сегодня это распространенное явление даже получило собственное название: «младостарчество». К отцу Петру шли и ехали люди, мучаясь от того, чего не могла понять, впитать и принять их неокрепшая душа. Приняв к исполнению советы и наставления некоторых скороспелых «старцев», они теряли семьи, внутренний мир, не могли понять, что с ними происходит. И тогда ехали за помощью в «Слепцовку», обретая в близком общении с отцом Петром утраченный мир, молитву, веру. Сам же отец Петр решительно прекращал разговоры близких и знакомых, когда те начинали говорить про него с восторгом или умилением. Он опасался дешевой людской молвы, которая, как известно, всегда ищет чудотворцев и прозорливцев. Еще более он не любил и не допускал всякой лести и подобоострастия.

«Спаси, Господи, что хотите приехать, – пишет Батюшка духовному чаду, – но я же грешный, недостойный Вашего понятия о мне, самый рядовой и еще похуже, нет ничего, что бы хотели найти во мне. То болезнь-простуда, да и сердце, и еще лень большая в постель меня много укладывают».

«Простите за долгое молчание, – пишет он в другом письме, – виноват. Ваши два письма получены, но писать некогда, не умею быстро писать, а что напишу – то и сам не могу прочитать. С меня толку мало, ведь сколько написано богомудрыми отцами учений,

только успевай читать. А что не ясно, то [для этого] есть у вас рядом местные священники, которые все пояснят».

«Бывает так, что человек молится молится, просит о чем-то Бога, а его молитва остается не услышанной, – наставлял Батюшка. – Причиной этому является чаще всего грех гордыни, который сидит в душе. Бог любит смиренных, им Он дает благодать, а гордым, как известно, противится. Человек должен это осознать и смириться. Есть грехи, которые являются проявлением нашей человеческой телесной немощи, а есть грехи, которые имеют прямое дьявольское происхождение. Гордость – это как раз тот самый грех. Когда человек горд, то это является прямым свидетельством того, что им правят страсти, и их-то и надо искоренять в себе самым решительным и беспощадным образом».

«Будьте осторожными с людьми, которые учат вас христианской жизни, не зная самой этой жизни, – говорил отец Петр. – Найти опытного духовника сегодня трудно даже в монастырях. Чтобы учить кого-то христианству, на это надо иметь право, нужно самому быть настоящим христианином. Искренне верьте в Бога, молитесь Ему, просите у Него помощи и прощения за свои грехи, живите скромно, смиренно, помогайте по возможности другим, ни на кого не обижайтесь, терпите друг друга – и Господь вас никогда не оставит, Он Сам откроет вам все, что необходимо, и подаст для вашего спасения».

Протоиерей Петр Сухоносков особенно старался оградить свою паству от влияния сектантов и местных неформальных проповедников, поддавшихся влиянию ваххабизма. И те, и другие вели среди православных активную работу. Под этим натиском не все умели устоять.

Из соседнего села к батюшке привезли женщину средних лет. Войдя в храм, она закричала таким страшным голосом, что даже пожилым людям стало не по себе. За ее криком не было слышно певчих. Возвращаясь из храма домой, она срывала с себя одежду и закапывала в землю. «Опять вся заваялась ладаном», – злобно «вещал» в ней нечистый дух. Когда он отступал, то эта женщина рассказывала причину своих страданий. Сельский парикмахер-чеченец (судя по рассказам, ваххабит по убеждениям, крайне враждебно настроенный к иноверцам и даже мусульманам-ортодоксам) стал склонять ее к принятию его убеждений. Потом он, по ее же словам, совершил над головой какие-то странные движения руками и стал с еще большей силой убеждать принять мусульманскую веру. «Иначе, – пригрозил он, – мы вас, христиан, скоро всех перережем». В сердце женщины вошло невыносимое отчаяние, она потеряла покой, а затем начались страшные

видения и припадки.

«Не надо верить обманщикам», – вразумлял ее Батюшка. Однажды, когда служба уже кончилась и отец Петр стоял во дворе в окружении людей, эта женщина в возбуждении вплотную подошла к нему, растолкав всех: «Батюшка, скажите мне честно: Бог простит меня?» «Конечно, простит», – ласково ответил ей отец Петр, прижал к своей старческой груди и ... заплакал. «Конечно, простит, – повторил он, – только надо верить Богу, а не обманщикам». Женщина тоже разрыдалась на груди у Батюшки и, по ее словам, с этого момента все страхи и отчаянье, терзавшие душу, оставили ее.

Часть VII. С людьми и среди людей

«Ищите тех, кто нуждается в помощи вашей...»

Дух протоиерея Петра Сухоносова в полной мере отвечал его любвеобильной жизни. Вокруг него всегда царил какой-то особый благодатный мир и покой. Он никогда и ни в чем не показывал своего превосходства. Напротив, своим отношением к человеку Батюшка всегда старался подбодрить его, покрыть грех, утолить боль и скорбь, первым подойти и попросить прощения. Эта любовь не знала преград: ни в возрасте человека, ни в его положении. Рядом с ним постоянно жили или находились люди, которые нуждались в помощи, поддержке, утешении. Через руки настоятеля проходили немалые суммы денег: люди щедро жертвовали их на храм, и отец Петр был рад возможности помочь нуждающимся. Он много благотворил бедным монастырям, жертвовал большие суммы для поддержания психиатрических лечебниц, постоянно помогал малоимущим, заключенным.

«Не надо ждать, пока к тебе подойдет человек и попросит помощи: таких людей следует самим искать и помогать им», – наставлял Батюшка своих духовных воспитанников. Он никогда не отпускал без помощи обездоленных, больных, немощных. Тем же, кто приезжал ему издалека – а таких людей было немало – Батюшка давал с собой на дорогу, невзирая на их самые категорические возражения. Когда в эти края придет война, Свято-Покровский храм в станице Орджоникидзевской станет настоящим домом милосердия, где будут находить приют и утешение обезумевшие от горя родители, приехавшие в поисках своих пропавших без вести сынов; молодые солдаты, которые тут будут искать утешения и успокоения среди кошмара кровавой военной бойни...

Уже первые минуты знакомства и общения с протоиереем Петром Сухоносовым очаровывали гостей, располагали к самой непринужденной и чистосердечной беседе. Никто не чувствовал себя рядом с этим священником скованно, стесненно. Батюшка встречал каждого мягкой улыбкой и теплым взглядом, и от этого взгляда исчезали всякие страхи, лукавые мысли, а на душе воцарялся мир и тишина. Люди, близко и давно знавшие протоиерея Петра Сухоносова, не припомнят случая, чтобы он на кого-нибудь накричал или кому-то сказал грубость, дерзко ответил. Случалось обратное: другие могли нагрубить ему, даже накричать, укорить, на что Батюшка с большим терпением

говорил, что «гневные люди несчастны и слабы, ибо их одолевают искушения, и за них надо неустанно молиться».

Вспоминаю, как произошло мое первое знакомство с отцом Петром. Произошло это еще в конце 80-х годов, в самый канун Рождества Христова. С газетных полос, телевизионных и радиопрограмм к тому времени уже были полностью сняты все запретные ранее темы. Наша редакция готовила рождественскую праздничную передачу для православных радиослушателей Чечено-Ингушетии. Появился хороший повод поехать в «Слепцовку». От своих верующих знакомых я уже давно слышал о почтенном батюшке, который служил там много лет и охотно встречал всех «заблудших и нераскаянных». Желание встретиться с таким человеком и открыть ему свою зачерствевшую в грехах и пороках душу во мне зрело давно.

«Поеду, – твердо решил я. – А заодно возьму у него интервью для нашей программы». По телефону я набрал «Слепцовку» и попросил соединить с православным храмом. На другом конце провода послышался простуженный старческий голос.

«Мне бы с отцом Петром поговорить», – попросил я невидимого собеседника.

«А отец Петр и слушает вас», – ответил мне тот же голос. Начался наш разговор. Батюшка поначалу отнекивался, ссылаясь на то, что он «малограмотный и боится корреспондентов», но все же назначил день встречи, и я поехал к нему обычным пригородным автобусом из Грозного. Через час с небольшим уже шел от автостанции «Слепцовки» через мостик к храму. Но вот странно! Чем ближе я подходил, тем сильнее и настойчивее во мне зазвучали какие-то неведомые голоса и страхи, которые требовали не идти туда. Перед моим внутренним взором открылись мерзкие картины прежней жизни, и те же голоса угрожали, что за такую «исповедь» священник, дескать, с позором выгонит из храма и не станет разговаривать. Признаюсь: в какой-то момент я решил было возвратиться на автовокзал.

«В конце концов, – подумалось мне, – обойдусь и без этого интервью». Но что-то подсказало не останавливаться. У металлической ограды появилась пожилая женщина-сторож и сказала, что «Батюшка уже ждут». Открыла калитку. И едва я ступил на церковный двор, как все эти странные голоса умолкли, исчезли, оставшись за церковной оградой, словно их отрезали ножом. В душе наступила полная тишина. Через несколько минут вышел отец Петр: он был в стареньком подряснике, а поверх наброшена такая же старенькая телогрейка. Мы прошли в небольшую теплую комнатку, где висело много икон, перед ними мерцали огоньки лампад. Отец Петр перекрестился и присел к

столу, меня же Усадил напротив. Я достал репортерский магнитофон и приготовился брать интервью. Но тут Батюшка, сняв старенькую скуфейку и откинув рукой назад прядь седых волос, ласково посмотрел, улыбнулся и неожиданно начал первым: «Когда вы последний раз исповедались и причащались?» Этот вопрос настолько обезоружил все мои журналистские «хитрости», что я тут же признался, что, по большому счету, приехал не столько ради интервью, сколько для того, чтобы встретиться с духовным лицом и открыть ему свою душу, ибо сам ничего не знаю и ничего не умею.

«Вот тут вы узнаете обо всем, что нужно», – сказал отец Петр и рукой пододвинул ко мне аккуратно упакованную стопку книг: это был «Закон Божий», двухтомник «Училища благочестия» и еще несколько православных книг. А после этого вместо интервью начал со мной духовную беседу, продлившуюся почти три часа. Нельзя сказать, что вся она от начала и до конца была на религиозную тему. Батюшка рассказывал о своей жизни, близких людях, то и дело переводя разговор с духовных тем на чисто бытовые, житейские. Но все было настолько переплетено – духовное и мирское, что трудно было определить, где заканчивалось одно и начиналось другое. Потом отец Петр пригласил меня в храм, позвав с собой еще несколько женщин. Как выяснилось, это были певчие с клироса. Они принесли старые листочки с написанными от руки словами, и только тогда я наконец-то включил свой репортерский магнитофон:

В Рождество Христово Ангел прилетел,
Он летел по небу, людям песню пел:
«Все люди, вставайте,
Младенца встречайте
Нового Рожденного!»

Негромко подпевал и Батюшка. Было видно, что ему очень нравилась эта простонародная рождественская песня-колядка.

Через два месяца после нашего знакомства отец Петр принял в своем храме мою первую исповедь и с тех пор стал моим духовным отцом и наставником.

Открытый, мягкий и незлобный характер протоиерея Петра Сухоносова притягивал к нему очень многих и зачастую разных по своему характеру и темпераменту людей. Но особенно к нему тянулись дети. Наверное, потому, что инстинктивно чувствовали в нем такой же непосредственный детский дух и простоту.

Из воспоминаний Анны Купкиной: «Вместе с родителями мы часто приходили по вечерам к батюшке. Родители за столом, тетя Таня – родная сестра Батюшки – сидела на топчане, а мы, дети, мостились на маленьких стульчиках. Батюшка что-то

рассказывал, слегка наклонив голову, а на нас смотрел из-под густых бровей ласковыми теплыми глазами. Нам казалось, что он нас насквозь видит. Это не давало нам полностью по-детски расслабиться и начинать шалить. Такие тихие вечера в обществе нашего Батюшки приучали нас прежде всего к дисциплине, порядку, уважению: ведь разговаривали старшие!

Меня всегда удивляли длинные Батюшкины волосы. Как же это сделать? – думалось мне, когда я была еще совсем маленькой девочкой. Однажды я не выдержала и говорю: «Батюшка, а можно мне расчесать Ваши волосы?» Он улыбнулся и отвечает: «Ну, расчеши, только не больно». Я быстренько взяла расческу и принялась за дело. Увлеклась, нечаянно потянула, а Батюшка, как маленький ребенок, без всякого раздражения: «Ой-ой-ой, мне больно!» Мне стало так досадно, что я причинила батюшке боль из-за своей неосторожности...

Когда взрослые заканчивали свою беседу, для нас наступал долгожданный момент. Батюшка обращался к своей сестре: «Таня, ну что там у нас есть, давай на стол». У Батюшки для детей всегда было припасено то, чего у нас не было. Например, сочные ароматные яблоки зимой, золотистые апельсины, мандарины. Я помню, как тетя Таня достанет из-за ширмы яблоки, помое их разрежет на четыре части, вычистит семечки, тогда Батюшка говорит: «Давай детям. Нет, подожди, что-то они холодные. Принеси кипяточек, я погрею их, а то у меня горло болит, и у них будет болеть». У Батюшки тоже я впервые увидела и попробовала маслины. Они были для меня диковинкой какой-то: большие, сочные, похожие на нашу сливу, только соленые.

Поговорив со взрослыми, Батюшка никогда не оставлял без внимания и детей. Поговорит с нами, потом просит нас рассказать стихотворение – кто какое знает. Меня же всегда заставлял читать, при этом говорил: «Умница, хорошо читаешь, читай, читай. Я с детства любил тоже читать. Мы бедно жили, книг не было, а что попадало в руки, то вмиг прочитывал». И вообще всех детей он нацеливал на учебу, говорил: «Трудитесь, не ленитесь учиться, ведь учение – это труд, от которого польза многим». Батюшку никогда не унижало то, что он часто спрашивал совета у людей намного младше его по возрасту. Наоборот, постоянно общаясь с молодежью, он сам приободрялся, при этом ненавязчиво передавая ей свой опыт, свои знания, свою доброту и любовь. Я не припомню случая, чтобы Батюшка ругал кого-нибудь из детей, а ведь мы, чего греха таить, часто шалили, думая, что никто не узнает. Нам было тяжело выстоять большие службы, поэтому мы, случалось, убегали из храма и прятались в одну из маленьких комнаток в церковном дворе. А за нами,

детьми, была приставлена раба Божия Екатерина – девица уже в преклонном возрасте. Когда мы видели, что она идет разыскивать нас, то прятались под деревянный настил, забивались в самый угол. А Екатерина та была, хоть и в возрасте, но довольно подвижная, среднего роста, худенькая. Сразу заметит нас и говорит: «Девчата, я же знаю, что вы тут, вылезьте!» А мы молчим, сидим тихо. Тогда она говорит: «Ага, не хотите вылезать? Тогда я сама за вами полезу». Вытащит нас оттуда, накажет, поставит в угол коленками на кукурузу, а потом приведет в храм. Польза от этого воспитания для нас была, безусловно, великая. Дома же нас так никто не наказывал, но про наши детские шалости Батюшка все знал, только он помогал нам, чтобы мы сами осознали свой грех, и когда мы каялись, то Батюшкину радость невозможно было описать: ребенок раскаялся!

У нас в крестилке висела икона: Спаситель в окружении детей. Я смотрела на нее, когда Батюшка брал меня с собой помогать во время службы, и всегда думала: это наш отец Петр изображен там, ведь он так любит детей! Только когда подросла, поняла, что там изображен Господь, а отец Петр был похож на Него своей праведной жизнью и любовью к людям».

Мы уже говорили, что свой дом в последние годы жизни протоиерей Петр Сухоносков отдал беженцам из соседнего городка (когда-то курорта) Серноводска. Глава этого семейства много лет проработал учителем физики, но вынужден был покинуть разрушенный во время артиллерийского обстрела и бомбардировок дом и вместе с женой, работавшей в местном санатории медицинской сестрой, и двумя несовершеннолетними дочерьми искать нового пристанища. Промыслом Божиим он познакомился с отцом Петром, который тут же приютил его в своем доме. Батюшка не скрывал радости, видя, как вся семья – и родители и дети – стали по-настоящему церковными, православными людьми. «Посмотрите, какая милость Господня, – говорил отец Петр, – за такое короткое время они все пришли к Богу, совершенно непринужденно, легко». Он много молился за хозяйку этой семьи Нину Петровну, сильно пострадавшую от своей доверчивости местному оккультисту: она не Могла уснуть по несколько суток, мучаясь от тяжелых нервных и психических состояний.

«А мы будем молиться, – успокаивал ее Батюшка, – и все пройдет. Раз вы не спите по ночам, то молитесь, и я помолюсь ночью, потому что тоже сна нет».

Когда же становилось особенно тяжело, Батюшка вместе с Ниной в своей келлии опускался на колени перед святыми

образами Спасителя и Матери Божией и со слезами вымаливал облегчение ее душевных терзаний. И действительно, состояние несчастной заметно улучшилось. Вскоре она смогла найти работу, дети пошли в школу, а через три года старшая дочка Таня станет у Батюшки помощницей во всем, что касается делопроизводства и порядка в бумагах. Нине Петровне и ее детям отец Петр часто дарил духовные книги, которые теперь стали бесценной реликвией всей их семьи. На одной из таких книг Батюшка напечатал и собственноручно вклеил слова преподобного Исаака Сирина:

Позволь преследовать себя, но сам не преследуй. Позволь распять себя, но сам не распинай. Позволь оскорбить себя, но сам не оскорбляй. Позволь клеветать на себя, но сам не клевети. Радуйся с теми, кто радуется. Плачь с теми, кто плачет – таков закон чистоты. Страдай с болящими, скорби с грешниками, радуйся с кающимися. Но в духе твоём оставайся одинок. Набрось покрывало на впавшего в грех и прикрой его. И если не сможешь взять на себя его прегрешение и понести кару и стыд вместо него, то хотя бы не забывай его.

«Я часто открываю страницу с этими словами, говорит Нина Петровна, – и задумываюсь над тем, что каждая строчка написанная относится к батюшке. Все сказанное в них он пережил и исполнил сам».

«Мы в полной мере испытали на себе благодатную силу святых Батюшкиных молитв, – рассказывает Татьяна Гапотченко, старшая дочь Нины Петровны Сапрыкиной. – По благословению Батюшки я вышла замуж за молодого верующего человека, пономаря нашего храма. Когда пришло время рожать, то мама хотела отвезти меня в соседний Владикавказ, чтобы я была под наблюдением хороших специалистов. Но Батюшка не благословил, а настоял на том, чтобы я рожала в Слепцовке и чтобы рядом были родные. Я не дерзнула послушаться батюшку и осталась дома. Роды у меня были тяжелые. Когда меня привезли в больницу, то родовая деятельность полностью прекратилась и ребенок мог погибнуть в утробе. Что только врачи ни делали – все было неэффективно. Мама в слезах прибежала к батюшке и стала просить его святых молитв. Тогда он на всю ночь открыл Царские Врата в нашем храме и отслужил молебен. А меня тем временем в больнице положили на стол, собрались все врачи и смотрят с удивлением: «Таня, как же твой ребенок еще живет? Ведь у тебя совершенно нет вод». Но по милости Божией и молитвам нашего отца Петра все прошло благополучно, и на свет появился наш живой и здоровый сыночек-первенец. Когда меня выписывали домой, то Батюшка всех врачей одарил конфетами».

В одном из церковных домов жила еще одна несчастная семья, а рядом с ней – пожилая женщина, раба Божия Любовь, приехавшая сюда из Нальчика после тяжелой операции. Многие годы она трудилась сторожем в Михайло-Архангельском храме города Грозного и стала, пожалуй, единственным уцелевшим свидетелем варварского уничтожения одной из старейших православных Церквей на Северном Кавказе. Она вспоминала, как со стоном – будто заплакали – упали на землю тяжелые колокола, когда храм охватил пожар во время артиллерийского и ракетного обстрела, как люди под пулями и осколками стали выносить в церковный двор старинные иконы, а святые образа плавилась от нестерпимого жара... Потом ее в ногу ранил снайпер, и она уже не смогла ходить без костылей.

Отец Петр не смотрел на возраст и положение человека, нуждавшегося в его помощи. Он просто шел ему навстречу и помогал. Эта помощь была сокрытой от чужого взора: так, по заповеди Спасителя, его левая рука не знала, кому благоволит правая. Поэтому нам только сегодня открываются новые и новые свидетельства деятельного участия протоиерея Петра Сухоносова в судьбах многих людей. Мы расскажем лишь о некоторых из них.

Последние годы рядом с ним жила девочка Ангелина. У нее была страшная судьба: в неполные пять лет ее едва не убили собственные родители – горькие сельские пьяницы. «Наш ребенок: что захотим – то и сделаем», – задиристо поговаривали они, когда соседи старались хоть как-то уговорить их. И когда близкие увидели, что в любой момент эти угрозы могут перейти в кровавую трагедию, они вырвали девочку из их лап и привели ее к батюшке для временного жительства. Несмотря на угрозы лично расправиться «с попом», отец Петр решительно не отдавал им ребенка, а вскоре суд лишил их родительских прав. Ангелина так и осталась жить у Батюшки. Она была настолько запугана постоянными угрозами, пьяной бранью, драками своих родителей, что ни с кем не разговаривала: исключением был только Батюшка, который сажал ее себе на колени и учил грамоте, а девочка открывала ему свои детские «секреты». Вскоре у нее проявились заметные способности к церковному пению. Поначалу Ангелина стояла в понамарке и негромко подпевала клиросу, время от времени спрашивая стоявшую тут же для помощи батюшке пожилую женщину: «Тетя Надя, я правильно беру ноту?» Батюшка из алтаря подбадривал свою воспитанницу, а впоследствии благословил ее на клирос учиться церковному пению всерьез.

«Ангеле вручили при певчих иконочку, прочел ей все, что Вами написано, – пишет Батюшка письмо на Украину,

рассказывая о своей маленькой воспитаннице. – Стоит, блымае очима... Читает и поет по книге, но буквы не знает. Надо бы ей игрушку хорошую, а вот какую – я не знаю. Может быть, найдете?»

«Ангелине нужна игрушка, – вновь он вскоре обращается с просьбой, – только игрушка УЧЕБНАЯ, то есть азбука. Ведь были же когда-то кубики с картинками! Память у нее есть, читает трисвятое наизусть, но развитие надо подтолкнуть, вызвать желание учиться. Приходит к семи часам. Вообще, она речистая, выражается чистым русским языком. Может быть, найдете на картоне отдельные буквочки?... Постарайтесь. Нужно срочно».

«Спаси, Господи, за кубики, – благодарит Батюшка, – да, этого я и просил. Анжела алфавит почти знает, но слоги даются ей трудно или желания мало. Алле приходится покрикивать на нее. А на устную речь она грамотная. Но от строгих наказаний воздерживаемся... Ей уже 7 лет. В школу ходить опасно, а как еще – не придумаем. Иногда со службы уходит, чтобы побегать с детьми...»

Недалеко от церкви жила (а может, живет и до сих пор?) еще одна несчастная – раба Божия Евгения. От рождения тяжелая неизлечимая болезнь приковала ее к постели, однако, несмотря на это, она имела чистый, ясный ум и всегда держала в нем молитву. Ее привозили в специальном возочке в храм и ставили напротив иконостаса: там ей удобно было следить за богослужением, слушать певчих и молиться. Когда Батюшка выходил со Святой Чашей, она плакала. Не было, пожалуй, дня, чтобы Евгения не увиделась с батюшкой: она любила его духовно настолько, насколько на это способен чистый непорочный ребенок. И отец Петр отвечал ей на этой неподдельной лаской: он всегда подходил к ней, разговаривал, улыбался, часто причащал и на каждой службе давал ей обязательно приложиться к кресту. Все это было для Евгении большим утешением в ее жизни.

Когда отец Петр приезжал по делам в Грозный, где находился благочинный православных церквей бывшей Чечено-Ингушетии, к нему немедленно со всех сторон спешили люди – просить святого благословения. В Грозном его очень многие знали и тоже искренно любили, часто ездили к нему в «Слепцовку» за советом.

«Батюшка поднимался на второй этаж, где располагался кабинет отца благочинного, – вспоминает давняя прихожанка Грозненского Михайло-Архангельского храма Мария, – а за ним следовала целая вереница народу. Батюшка всех благословлял, ласково целуя в голову. Входя же в само помещение, он почтенно разувался, снимая с сапог галоши, что другие посетители, как правило, не делали – ведь это была все-таки прихожая.

«Батюшка, что вы делаете! – пыталась его остановить женщина-смотритель. – Зачем вы разуваетесь? Проходите, проходите!»

Но отец Петр все-таки разувался, всем кланялся и, почтительно указывая наверх, тихо отвечал: «Как можно? Ведь я иду туда...»

К отцу Петру обращались самые разные люди. В конце 1980-х годов, в самый разгар горбачевской «перестройки», сюда потянулись руководители: они шли, предложить свою помощь, пожертвовать что-то на храм. «Раз вы помогаете нам, значит, верите, что церковь необходима государству, – беседовал с ними отец Петр. – Тогда почему ж сами не ходите на богослужения? Вот если бы руководитель был верующим, то, глядя на него, к вере пришли и его подчиненные».

Внецерковные люди почему-то стеснялись обращаться к отцу Петру так, как принято у верующих, прося благословения, а обращались чисто по-мирски: «Петр Петрович». Но тот не обижался: «Прежде чем требовать от людей исполнения церковных правил, их нужно этому научить. А для этого нужно время». Отец Петр не склонен был заниматься специальной проповеднической работой за стенами родного храма, но когда его приглашали для встречи с людьми, он шел туда проповедовать слово Божие. Храм же считал главным центром церковной проповеди и всей христианской жизни: без него он не видел иного пути спасения человеческой души. «Сколько б человек ни говорил о том, что он якобы верующий в душе, – наставлял Батюшка, – без православной церкви он не спасется».

Случалось, что в храм, еще до военных действий, приезжали или приходили солдаты из соседнего гарнизона. Отец Петр сам подходил к ним, учтиво здоровался и живо интересовался их верой, спрашивал, откуда они прибыли на службу в эти края, кто их родители. Батюшка не скрывал радости, когда видел на шее у молодых солдат под гимнастеркой крестики на веревочке или цепочке.

«Райские времена пришли на нашу землю, – говорил он, – никого не преследуют за веру, никого не гонят, не сажают. Только иди в храм Божий и молись, спасайся!»

Шли в «Слепцовку» и коммунисты, когда исповедать Бога открыто для них было небезопасно. Шли тайно: крестить своих некрещеных детей, просить духовного совета. Батюшка никого не укорял, а лишь говорил: «Наш Господь страдал за всех людей, а поэтому ждет к Себе тоже всех. У Него нет исключения...» Отец Петр был глубоко убежден: раз люди идут в храм Божий – пусть тайно, оглядываясь по сторонам, боясь встретить кого-либо из

знакомых – то вера в народе обязательно проснется!

Митрофорный протоиерей Илия Воронин, сокурсник и близкий друг отца Петра, вспоминает: «Когда наступила оттепель и льды воинствующего атеизма стали подтаивать, он (отец Петр) писал мне: «Вот до чего дожили мы, что уже свободно заговорили о вере, без сарказма и оскорблений, а по-настоящему, по-человечески. Наверное, надо готовиться к тому, что нас будут приглашать со словом Божиим и в школы, и на городские собрания. Надо хорошенько готовиться к этому...»

Постоянными прихожанами Покровского храма в «Слепцовке» были также православные сербы: они работали в Ингушетии по контракту на строительстве ряда объектов, а в воскресные дни и большие праздники обязательно шли сюда помолиться. Увидев настоятеля, они целой группой подходили к нему, прося святого благословения. Батюшка всех благословлял, а потом вступал с ними в разговор, пытаясь подобрать наиболее понятные для общения слова. Если к этому времени в церкви закончилось богослужение, то отец Петр сам открывал гостям двери храма, давал всем свечки, по желанию гостей фотографировался с ними возле храма.

Невзирая на свое постоянное нездоровье, недомогание, слабость, огромное количество всевозможных хозяйственных вопросов, он никогда не отмахивался от человека, обращавшегося к нему. Даже те, кто забегал в храм, как говорят, «на минутку» – заказать молебен, договориться о крестинах, отпевании – не уходили без духовного общения с протоиереем Петром Сухоносным.

Вот заглядывают в сторожку молодые девчата. «Ой, Батюшка! – восклицают они, – а мы вас знаем. Вы крестили нас!» Стоят такие радостные. «А почему же я не вижу в храме? Когда были последний раз, когда исповедались?» Стоят теперь молча, сказать-то нечего. И тогда отец Петр начинает с ними разговор: простой, непринужденный. Приглашает зайти в храм, подводит к святым образам, рассказывает, крестится. Крестятся и девчата, внимательно слушая все, что говорит им старец. Так и не заметили, как пролетел добрый час, а ведь заскочили сюда тоже «на минутку» – засветить свечки.

Если на дворе стояла сырая промозглая погода или была зима, то отец Петр приглашал гостей именно в эту комнатку. В такое время здесь обычно крестят маленьких детей. Тут людям уютно для откровенного разговора со священником: двери плотно закрываются, и все знают, что батюшку отвлекать нельзя. Отец Петр садился возле старого письменного стола с выдвижными ящиками и толстым стеклом на верхней крышке, а посетителя

или посетителей усаживал напротив на такой же старый кожаный диван с «поющими» пружинами. Как и в других помещениях, над письменным столом и по стенам тут тоже было развешано огромное количество икон, старинных цветных литографий, фотоснимков дореволюционных храмов. А еще тут были специальные рисунки, выполненные по заказу Батюшки: на них изображалось в схематичном виде развитие в душе человека греховных страстей, а с другой стороны – действие в ней Божественной благодати при условии исправления человеком греховной жизни. Если люди приезжали издалека и решались задержаться у отца Петра на несколько дней, то он размещал гостей в этой же комнатке, а при нехватке места направлял в домики, которые расположены внутри церковного двора. После завершения богослужения Батюшка приглашал гостей в трапезную – небольшую хату со старинной казачьей печкой-лежанкой – и там потчевал их нехитрым обедом и угощением.

Никто из приезжавших к отцу Петру гостей не сидел, сложив руки. Батюшка каждому из них немедленно находил какое-нибудь полезное занятие, исходя из способностей человека. На безделье или скуку люди тут не жаловались. Гостям оставалось лишь совсем немного времени для совершения келейного молитвенного правила и короткого сна. Рано же утром сторож стучалась в двери помещений, где отдыхали гости, напоминая им о том, что они приехали к батюшке не спать, а молиться и трудиться. Но никто на такой строгий режим не обижался. Напротив, люди рады были помочь дорогому их сердцу батюшке: кто-то участвовал в заготовке дров на зиму, уборке церковной территории, кто-то ремонтировал ветхую одежду, иным же отец Петр доверял заниматься реставрацией старых книг. Но при этом Батюшка внимательно следил, чтобы все им порученное исполнялось точно, аккуратно. Случалось, что он, например, сам поднимался по крутой лестнице на самую крышу храма убедиться лично, как исполнили его задание – очистить сливные желоба для дождя от прошлогодних листьев. Привилегий ни для кого не было: что отец Петр благословил – то и старались сделать.

Свою радость к людям Батюшка проявлял очень сдержанно: его никогда не видели громко смеющимся, распахивающим объятия гостю. Лишь взгляд – необычайно теплый и ласковый – говорил о том, что он несказанно рад видеть человека. Когда ему докладывали, что приехал кто-то из близких, отец Петр начинал суетиться в своей скромной кельи, зажигать лампадки перед образами, поправлять фитили, отдавать распоряжения. Но во всей этой суете виделась радость, которой было переполнено его любящее сердце. Своих гостей отец Петр встречал и провожал

отеческим благословением, ласково при этом целуя в голову. Часто близкие люди – взрослые и дети – становились под Батюшкино благословение, кланяясь ему до земли.

«Однажды я шла по станице с подругами, – вспоминает Анна Купкина, – и, увидев отца Петра, подошла к нему, взяла благословение и пошла рядом. Вдруг Батюшка спрашивает: «А ты не стесняешься идти со священником перед всеми людьми?» «Да что Вы, Батюшка, – изумилась я от неожиданности, – ведь я Вас люблю»- он тогда тепло посмотрел на меня и тихо сказал: «Спаси тебя, Господи...» А уже потом как-то рассказал, как молодой парень по имени Михаил с радостью упал в ноги на станичной улице и просил благословения. «Я смутился, – говорил Батюшка, – ведь кругом полно посторонних людей, а он даже и головы не повернул в сторону, стоит и просит благословения. Вот какая смелость и в то же время какое смирение у этого молодого человека!»

Блиzkих людей отец Петр всегда называл по имени и отчеству и всегда на «Вы». Никакой фамильярности, панибратства он себе и другим не позволял. Отношение к имени родителя близкого ему человека было у отца Петра особым. Когда к нему приходил человек молодого или даже юношеского возраста, Батюшка непременно спрашивал его отчество. «Да какое там отчество, – смущался юный собеседник. – Зовите меня просто по имени». «Не скажите», – кротко возражал отец Петр и добивался, чтобы тот назвал себя и по отчеству. В этом проявлялось сокровенное почтение Батюшки к родителям воспитавшего того, кто стоял перед ним. На проскомидии и во время совершения литургии, а также на панихидах им поминались сотни имен родителей его прихожан. Почти все эти имена он знал на память.

Однажды я приехал в гости к отцу Петру после долгого времени вынужденной разлуки. Погостив немного, он собрался домой. Батюшка, как обычно, вышел прово-дять, накинув на плечи свою старенькую фуфайку. Благословив на дорогу, он сам прикрыл за мной металлические ворота и остался за оградой. Мы еще обменялись несколькими прощальными словами. Неожиданно Батюшка сказал: «Ну а родителей ваших мы поминаем». И назвал абсолютно безошибочно имена всех, кто был записан в синодике о здравии и упокоении. Это 4 было поразительно! Он действительно никого не забыл, потому что за всех молился. И сколько таких имен хранила его память – сотни, тысячи?

Отец Петр никого не назидал словом: вся его смиренная жизнь была проповедью православного христианства.

«Однажды Батюшка преподавал мне незабываемый урок смирения и кротости, – рассказывает М., многие годы живший рядом с отцом Петром. – Как-то я заглянул в комнатку, где он обычно трапезовал. Смотрю: стоит баночка черной паюсной икры, и он ложечкой пробует ее на вкус. Видимо, кто-то привез этот деликатес, чтобы немного полакомить отца Петра. «Батюшка, что Вы делаете?» – в изумлении воскликнул я. «Да вот пробую, что это за штука такая», – ответил он. «Да это же икра! – вырвалось опять у меня. – Ее не едят ложкой, ведь это очень дорогой деликатес. Икру мажут на хлеб с маслом и подают к столу как закуску». «Правда? – посмотрел с искренним удивлением на баночку Батюшка. – Неужели в самом деле она такая дорогая? Ну тогда пусть ее едят другие...» «Более достойные», – наверное, хотел добавить отец Петр, но не договорил и отодвинул от себя икру, прикрыв баночку крышкой. А в то время при церкви жила одна женщина. Она относилась к тому роду людей, которых Господь посылает нам для нашего же смирения и вразумления. Когда кто-то опаздывал на службу, вел себя в храме или возле него неподобающим образом, она начинала браниться, не слишком выбирая подходящие для этого слова. Прихожане ее запомнили как вечно ворчащую и чем-то недовольную. У многих она вызывала раздражение, ее недолюбливали и сторонились. И каково же было мое изумление, когда через некоторое время я вновь заглянул в комнатку, где был отец Петр, и вместо него увидел там ту самую женщину. Она сидела за столом и ... доедала ложкой деликатесную икру. «Вы что делаете?»

«Кто вам разрешил это кушать?» – от такой неожиданности и возмущения я не мог найти слов. «Кто, кто? – проворчала она, облизывая ложку. – Батюшка – вот кто!» Так отец Петр дал мне понять, что нельзя ничем показывать перед людьми своего превосходства. Все мы – дети Божий, Его рабы и слуги».

Случилось, что родная сестра Батюшки куда-то отлучилась и попросила одну из близких женщин покормить брата обедом. Та вспоминает: «Я пришла, смотрю, а суп стоит на солнце, теплый весь. Думаю: он, наверное, уже скис. Попробовала с ложечки. Действительно, оказался кислый, нельзя подавать на стол. И тут же выплюнула с отвращением. А Батюшка заметил это, да и говорит мне: «Ничего, ничего, давайте его сюда. Мы же едим кисленький борщ. А это суп. Какая разница?» Так Батюшка указал мне на то, что нельзя брезгливо относиться к пище».

У отца Петра был особый дар чувствовать человеческую душу. И если он видел в ней что-то близкое и родное себе, то

скоро сближался с таким человеком в самом теплом и неподкупном духовном родстве. Так он сблизился духовно и с Евдокией Афониной, рассказ которой о служении отца Петра в Слепцовке в 1960-х годах мы приводили выше.

Из воспоминаний Евдокии Евдокимовны Афониной: «Я многие годы прожила со своим мужем в невенчанном браке. И детей уже нажили, но осознание того, что мы живем не по Божию закону, сильно меня тяготило. Поехала я как-то в Моздок в храм и открыла на исповеди, что живу с мужем невенчанной. «Тогда вот что, – сказал мне священник, – если вы даёте обещание повенчаться, то я допущу вас до Святого Причастия». Я, конечно, пообещала. Вышла из храма и думаю: обещать-то я обещала, а как это исполнить? Муж мой и слышать не хотел ни про какое венчание и церковь. И тогда я твердо решила: если он не согласится встать под венец, то брошу его и уйду. И ему тоже сказала: «Не хочешь венчаться – найди себе такую же безбожницу, как сам, и живи с ней». Только после этого он согласился на наше венчание. Говорит: «Ну что ж, не разводиться же нам на старости лет?» Так пришли мы к отцу Петру и просим его нас обвенчать. А муж мой плохо слышит. Батюшка ему тогда и говорит: «Вы смотрите на Евдокию: что она делает, как молится, крестится, то и вы повторяйте». Слава Богу, обвенчались мы наконец-то! Иду я домой, исполненная такой радости и благодарения Богу за Его долготерпение и милость».

Чем-то запомнилась Евдокия новому настоятелю, отцу Петру. «И вот, – продолжает она далее свой рассказ, – Батюшка через нашу сторожиху вызывает меня к себе. А я недавно перед тем вернулась из Киева, ездила вместе с нашими богомольцами по святым местам. И мне сразу подумалось, что он хочет послушать мои впечатления от этой поездки. Батюшка всегда с удовольствием слушал такие рассказы своих прихожан. Быстренько собралась и он неожиданно спрашивает, умею ли я торговать свечками. Я растерялась и отвечаю: «Батюшка, да я неграмотная. Какой с меня продавец, да еще при храме Божием?» А отец Петр улыбнулся и говорит: «Тогда как же вы на базаре торгуете? Там ведь умеете копейки считать? Не бойтесь, я вам помогу, да и староста всегда рядышком будет, тоже поможет». По правде говоря, когда-то я торговала газированной водой. Но тогда мне было 20 лет, а сейчас все 50. И потом: там была водичка, а тут и свечки, и венчики, и «гайтанчики» (так станичники называли шнурки для нательных крестиков), иконы – много всего. Страшно мне стало, стою, отнекиваюсь, говорю, что в Слепцовке не всех людей знаю.

«Да и я тоже новый, и тоже не всех знаю, – отвечает Батюшка,

– давайте тогда закроем церковь и разойдемся по домам. Так, по-вашему, лучше будет?»

Боялась я взять на себя такую ответственность, хотя всей душой мечтала быть при храме, помогать убирать, наводить чистоту. Что я умела? Петь не могу, считать деньги не могу. Лишь полы могу мыть. Только, думаю, не с моими грехами полы в храме Божием мыть, не может быть, чтобы Господь допустил ко Своей святыни такую грешницу, как я. А Господь как судил? Что человекам невозможно – Богу все возможно! По Своей великой милости Он принял меня в храм не только полы мыть, но и вести бухгалтерию. Так я проработала с батюшкой 10 лет, всему постепенно научилась.

Находились такие, что махали на меня рукой: дескать, что она там умеет, неграмотная, без образования? А после этого еще 25 лет трудилась в той же Должности. За нашей финансовой отчетностью органы власти следили очень строго. Малейшая ошибка или неточность – и за нее мог пострадать в первую очередь настоятель. Но по милости Божией все управилось. Батюшка за все эти годы ни разу не упрекнул меня ни в чем, когда я робела, делала что-то не так. Он с терпением сам учил меня, подсказывал».

Тогда же, в начале 60-х годов, Евдокия Евдокимовна приведет в храм и познакомит с отцом Петром своего 10-летнего сынишку.

«Тебя как зовут?» – ласково спросил его Батюшка, потрепав по головке. «Миша», – робко ответил тот. «А я думал, что ты девочка, – широко улыбнулся отец Петр, – хорошо, что разобрались, а то я бы тебя исповедал, как девочку».

Так состоялось первое знакомство отца Петра с Мишей, который с годами сам станет православным священником – отцом Михаилом – и одним из самых близких чад своего духовного наставника. Окончив школьную учебу и отслужив в армии два года на южной границе бывшего Советского Союза, Миша по совету Батюшки поехал в Киев, чтобы помочь монахини Анастасии. Немного побыв там, он по настоятельным советам матушки вскоре отбыл в Одессу, где выдержал вступительные экзамены в духовную семинарию – одно из немногочисленных в те годы учебных заведений, готовивших православных священников – и был зачислен на первый курс. «Компетентные органы», как тогда называли службы комитета госбезопасности, самым тщательным образом присматривались к студентам-первокурсникам, изучая всю их «подноготную», выискивая в их биографиях такие факты, которые впоследствии могли быть использованы для дискредитации или шантажа. С каждым из поступивших проводилась индивидуальная беседа «при закрытых

дверях». О чем шел разговор – никто не признавался, ибо все давали подписку о неразглашении.

«Нам давали понять, – вспоминает отец Михаил, – что каждый наш шаг, который мы уже сделали в жизни или сделаем в будущем, находится под контролем. Поэтому в тонкой форме предлагали отказаться от выбранного нами пути – быть православными священниками – и искать приложения своим силам в другой сфере. Уже годы спустя я узнал, что мною – моим поведением, политическими взглядами, убеждениями, привычками – эти «органы» интересовались всюду: в школе, где я учился, в воинской части, где проходил службу, опрашивали учителей, командиров, друзей. Но, судя по всему, там для них не было ничего интересного, ибо милостью Божией я не состоял ни в пионерах, ни в комсомольцах, ни в партии. Единственный «компромат», который они нашли против меня, состоял в том, что мне припомнили, как я еще в школьные годы иногда позволял себе ходить в рубашке, заправленной не в брюки, а завязанной узлом на животе».

В 1976 году учеба в семинарии приблизилась к завершению, и Михаил Афонин определился в семейной жизни, взяв в жены старшую дочь псаломщика и близкого друга отца Петра Федора Тимофеевича Гриценко – Зиновию. Когда Миша и Зина пришли просить Батюшкиного благословения на брак, отец Петр потечески обнял их и заплакал: «Как же я вас буду венчать? Ведь вы оба мне родные дети...»

Венчание состоялось в день памяти преподобного Серафима Саровского – 1 августа 1976 года. Поздравить молодых собралась вся большая церковная семья станицы Слепцовой, приехало много друзей из других мест. Михаилу Батюшка приготовил особый подарок: он подарил ему, будущему пастырю, иерейский крест, который был возложен на самого отца Петра в День его рукоположения Владыкой Антонием. В свою очередь, этот иерейский крест Владыка носил еще до своей архиерейской хиротонии и благословил им своего Ученика Петра Сухоносова. Аккуратно уложив святыню в скромную коробочку из-под конфет, отец Петр сделал дарственную надпись, в которой содержится глубокая мудрость каждому, кто избирает для себя путь пастырского служения Богу и людям: «Милые мои родные Миша и Зина! Мое последнее Вам напутствие на жизненную дорожку. Желаю вам скорого принятия Святой Благодати и назначения на приход, куда Бог пошлет, ведь везде все Божие. Но если принято некоторым говорить о бедном и богатом приходе, то, в частности, желаю вам «бедный приход» в материальном отношении. Желаю вам крепкого здоровья, мудрости, мужества, ревностно, смиренно

потрудиться не «на чужом основании», а на своем и сделать [приход] богатым в материальном и духовном отношении, и тогда (очевидно, в этом месте письма пропущено обращение: «Миша». – Примеч. редактора) это будут «твои люди», и будет тебе и им любовь, мир, радость и веселие на земле и на небе.

Ты сказал: богатство – это испытание. Да! – добавлю – и очень трудное! И мало кто выносит его. Поэтому, дорогие детки, еще возможно – бегите от него. Берите Крест гораздо легкий. Простите, дорогие! Вас, искренно стремящихся к Богу, целуем всегдашним целованием...» Молодые супруги выполняют это наставление своего духовного отца, начав свою самостоятельную жизнь с маленького прихода на Украине. Сегодня у них пятеро детей, а отец Михаил Афонин – митрофорный протоиерей, один из известных и уважаемых на Киевщине священников – служит настоятелем Свято-Троицкого собора в Ржищеве – небольшом городке на берегу Днепра.

В 1994 году состоится одна из последних встреч отца Михаила с его духовным отцом в «Слепцовке»: Батюшка приедет сюда, чтобы забрать к себе на Украину престарелую маму Евдокию Евдокимовну Афонину. Чечня полыхала огнем первой кавказской войны. За 50 километров – там, где шли ожесточенные бои – в вечернее и ночное время суток жители «Слепцовки» видели жуткое зарево пожаров и слышали отдаленные разрывы авиационных бомб, ракет и снарядов. С каждым днем война все ближе и ближе подбиралась к западным границам мятежной Ичкерии, откуда рукой подать до станицы Орджоникидзевской...

Прощание двух пастырей – учителя и ученика – было необычайно трогательным.

«Весь вечер накануне нашего отъезда мы сидели вместе, вспоминая прожитые годы. Было уже поздно, когда Батюшка сказал мне идти немного отдохнуть перед дорогой. Поезда и рейсовые автобусы в тот период из Слепцовки не ходили, так как станция находилась в прифронтовой зоне боевых действий, поэтому Батюшка выделил в мое распоряжение церковный автобус, чтобы я смог доехать с мамой до ближайшей станции и оттуда двигаться дальше.

«Батюшка, давайте вместе помолимся», – предложил я отцу Петру.

«Уже поздно, – ответил он, – да и вставать завтра рано. Помолись сам и ложись отдыхать».

Действительно, мы договорились выехать в 3 часа ночи, чтобы машина пораньше смогла вернуться назад. Не помню, как задремал. Вдруг слышу: сторожика стучит в ставни. Я быстро оделся и вышел во двор. Автобус уже стоял напротив церковных

ворот на улице, а сам церковный двор был залит светом, горели абсолютно все лампочки! Я посмотрел на храм: двери были открыты, а из храма тоже лилось яркое сияние. Батюшка стоял во дворе в белом подряснике и ждал меня.

«Ну, Миша, иди попрощайся со своей родиной, – тихо сказал он, опустив голову. – Бог знает, когда теперь УВИДИМСЯ...»

Я вошел в храм и обомлел: Царские Врата были открыты, все образа освещены горящими лампадами и свечами, паникадило и все вокруг сияло огнем! Я поклонился до земли перед аналоем и Царскими Вратами, постоял в тишине, помолился. Тут я вырос. Тут мои корни...

Когда вышел снова во двор, Батюшка по-прежнему стоял там, ожидая меня. Наступила неопишуемая минута величественной тишины и молчания. Кто-то тихо и печально ударил в колокол. Батюшка опустил передо мной на колени, а я упал перед ним, будучи не в силах сдержать рыданий... Потом Батюшка стал целовать меня, как отец сына.

«Будем молиться друг за друга...» – на прощание сказал он. И мы расстались. Последняя наша встреча произошла уже в Пятигорске, когда отец Петр будет лежать в клинике на операции. А на родине нам уже не суждено было встретиться...»

Об отце Петре с теплотой вспоминает и Федор Тимофеевич Гриценко, переехавший к нему в «Слепцовку» из Рагулей в 1966 году и проживший рядом с батюшкой 16 лет вместе со своей большой семьей. Он и отец Петр были почти ровесники.

«Все эти 16 лет, – пишет Федор Тимофеевич, – отец Петр снабжал нас продуктами питания, я никогда не уходил от Батюшки с пустыми руками, если обращался за помощью. Деньгами Батюшка нас не баловал, сам получая от храма скромное жалование, но всегда давал нам на дорогу, когда мы ехали на родину в Рагули. В свое время отец Петр сам дал нам тысячу рублей на покупку домика в Слепцовой, а когда мы возвращались в Рагули, то я настоял на том, чтобы он принял от нас эти деньги на жертву храму».

Отец Петр Сухонос был духовником для всей большой семьи Гриценко. Не без его непосредственного духовного влияния и воспитания двое старших сыновей Федора Тимофеевича Гриценко стали православными священниками, причем один из них – протоиерей Тимофей – служит ныне в родном селе Рагули, а еще один сын – Димитрий – стал протодиаконом кафедрального Андреевского собора в Ставрополе, где отец Петр начинал свое пастырское служение.

Из воспоминаний духовной дочери протоиерея Петра Сухоносова Анны Никулиной, проживающей ныне в городе

Георгиевске Ставропольского края: «Я знала отца Петра, когда была еще маленькой девочкой и просто из любопытства бегала в церковь на Пасху. Но ближе мы познакомились значительно позже. В 29 лет у меня была трехлетняя дочурка Ада, которую я собралась покрестить. Да и сама я была некрещеной, поэтому вдвоем пришли к батюшке. Он не стал крестить нас сразу, а провел с нами несколько предварительных бесед, рассказал о православной вере, о Христовой Церкви, дал время выучить главные церковные молитвы и Символ веры. Лишь в свои 29 лет я впервые узнала, что есть священники, которые трудятся в храме не ради зарплаты, а по глубоким убеждениям. Служба в храме была для отца Петра не работой, а призванием. Он горел верой в Бога. Так Батюшка стал вскоре крестным отцом мне и моей дочери, которой во святом крещении дал имя Дарья – с тех пор мы ее так и зовем. Мы очень привязались духовно к батюшке, но не решались переехать к своей сестре, так как обстановка в Ингушетии в связи с войной в Чечне была сложной. Жила я тогда в Новгородской области. И вот спрашиваю отца Петра: «Батюшка, а если мы соберемся переезжать, Вы нас благословите?» Он отвечает: «А вы к нам сразу сюда в Слепцовку и переезжайте».

Так оно и получилось. Вскоре дом моей сестры в Серноводске разбомбили, и мы – две семьи – поселились с Батюшкиного согласия и благословения в его доме рядом с церковью, где он служил. Вот с этого времени наше общение с отцом Петром настолько сблизилось, что он стал нам как родной отец. После каждой службы мы все шли к батюшке за благословением. Я не забуду его широкую теплую руку, которой он нас благословлял, и его ласковые слова: «Доченька моя». За все время я ни разу не видела его раздраженным, сердитым, разгневанным, не услышала ни одного грубого или резкого слова. В его глазах светилась глубокая вера и смирение, в них можно утонуть и утешиться. Он подарил нам много книг о Православии, Житиях святых, и мы читали эти книги запоем. У нас не всегда были деньги, чтобы купить их в церковном киоске, а Батюшка дарил нам, не жалея денег.

Отец Петр радовался, когда мы всем нашим дружным семейством приходили в храм на службу, а если мы по какой-то причине не были на вечерней, то Батюшка после службы приходил к нам сам и говорил: «Аннушка, какая красивая вечерняя служба! Какие прекрасные молитвы!» И нам невольно становилось стыдно за себя, что мы разменивали эту благодать на мимолетные суетные дела.

Однажды мою Дарью, когда ей было уже 6 лет, на улице сбила машина. У меня наступило такое отчаянье, что я решила:

это конец. Но отец Петр неустанно молился о ее спасении, когда врачи не давали никаких гарантий, и она по святым молитвам Батюшки выжила и выздоровела.

Я прожила с Дарьей и семьей своей сестры Нины в Батюшкином доме полтора года. Но потом жизнь сложилась так, что я вынуждена была переехать в Георгиевск, чтобы ухаживать за своей тяжело больной мамой. Осознание того, что придется расставаться с нашим любимым наставником, сильно угнетало меня. Слезы не высохали на глазах, хотя по своей натуре я человек не плаксивый. И вот наступил час расставания. Мы подошли с сестрой Ниной к Батюшкиной келлии и постучались в дверь. Был вечер, густые сумерки. Отец Петр открыл дверь и приветливо встретил нас. В келлии у него тоже было темно, свет не горел.

«Господи, – думала я, – только бы Батюшка не включил свет». Я еле сдерживала себя, чтобы не разрыдаться. Но отец Петр словно догадался о том, что творилось в моей душе, и пригласил нас в келлию, сказав при этом: «Давайте не будем включать свет, посидим так». И я немного успокоилась. После нашего расставания я несколько раз приезжала в Слепцовку, чтобы навестить своего духовного отца. А перед тем, как его схватили бандиты, мне было видение: я стою перед батюшкой на коленях и безутешно рыдаю – с таким чувством, будто больше никогда не увижу его живым...»

«На камне сем...»

Священнослужение настоятеля Свято-Покровской церкви отца Петра с годами стало твердой опорой, на которой возродилась и окрепла духовная жизнь в сунженских казачьих станицах. Само имя, которое носил протоиерей Петр, напоминало о первоверховном апостоле, о котором Спаситель сказал: Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18).

Авторитет и влияние этого подвижника на паству были очень высоким. Возле него постоянно воспитывались молодые люди, которым со временем Промыслом Божиим предстояло тоже стать священниками. На сохранившейся фотографии 1970-х годов рядом с ним мы видим трех молодых батюшек, выросших на ниве благодатного общения со своим опекуном и наставником. Кроме выпускника Одесской духовной семинарии Михаила Афонина с отцом Петром стоят еще двое его воспитанников: священники Николай Котельников, который ныне служит настоятелем храма в далеком дагестанском городке Дербенте, и Алексей Маздор,

связавший свою судьбу с пастырством в Ставропольском крае. Великое духовное окормление, которое они получили от отца Петра Сухоносова, оставило в их жизни неизгладимый след. Забота о духовном воспитании станичной молодежи не оставалась незамеченной властями. Отец Петр и его ревностные в вере воспитанники находились постоянно в поле зрения административных и идеологических органов, стремившихся любой ценой ограничить их влияние на остальную молодежь, дискредитировать личность православного священника.

В свое время нам попал в руки один весьма любопытный документ из секретных фондов архива бывшего Чечено-Ингушского обкома партии (фонд 1, отдел 1, дело 2063, листы 16–18), в какой-то мере проливающий свет на обстановку, которая искусственно создавалась вокруг отца Петра и его духовных чад. Этот документ является служебной запиской работника отдела пропаганды и агитации на имя секретаря обкома М. К. Фоменко:

«В Сунженском районе плохо поставлена научно-атеистическая и антирелигиозная пропаганда среди населения, в том числе и среди молодежи, а между тем имеют место случаи, когда молодые люди посещают церкви... Осенью прошлого года в станице Орджоникидзевской произошел уродливый случай, когда под влиянием церковников бывший выпускник Орджоникидзевской средней школы, комсомолец Маздор Алексей поступил учиться в Ставропольскую духовную семинарию... Под влиянием матери и местного попа... он, еще учась в школе, посещал церковь, но об этом никто не знал в том числе и школьная комсомольская организация. Не знал об этом и районный комитет комсомола. И только после того, как в РК ВЛКСМ сообщили о стремлении Маздора поступить в духовную семинарию из органов, райком начал заниматься этим фактом... В беседе с работниками райкома комсомола Маздор заявил, что он решил пойти учиться в духовную семинарию, что это его решение окончательное, что ему надоело везде и всюду, где бы он ни учился и где бы ни работал, слышать сквернословие, матерщину. Ему объяснили, что именно комсомол борется против сквернословия, против хулиганства и т. д., что если и есть такие случаи, то это не характерно для нашего общества, что это пережитки капитализма. На это Маздор не мог ничего ответить. Товарищи пытались доказать ему, что учеба в духовной семинарии и работа священника – дело бесперспективное, что чем дальше, то все меньше становится религиозных людей, что лучше ему пойти учиться в любое другое учебное заведение. В ответ на это Маздор заявил следующее: «А [почему] вы уверены,

что ваша система будет прогрессировать?». На этот антисоветский выпад ему был дан нужный ответ... Комсомольцы колхоза «Победа», которые на своем собрании обсуждали поступок Маздора и исключили его из рядов ВЛКСМ, восприняли этот факт, по выражению работников райкома комсомола, «как снег на голову». Видимо, если даже после подобного случая в Сунженском районе не оживилась антирелигиозная пропаганда, то такой «снег» может выпасть еще кое-кому на голову».

Если учесть, что во всем Сунженском районе в то время действовала одна-единственная церковь, настоятелем которой был священник Петр Сухоносков, то становится понятным, про какого «местного попа» в ней идет речь. Сила пастырского слова и личное обаяние Батюшки притягивали к нему молодых людей, стирали в их сознании большевистский стереотип о религии, как «опиуме для народа», и о православном священнике, как о чем-то архаичном, отсталом и ненужном «светлому коммунистическому будущему». Этот документ отражает нравственная атмосфера тех лет, в которой обычным явлением было стукачество, наушничество, доносы на верующих. С другой стороны, в нем поразительно пророчески звучат слова того самого Алексея Маздора, который все же станет священником: «А почему вы уверены, что ваша система будет прогрессировать?» Вопреки прогнозам партийных и комсомольских вожakov о том, что «чем дальше, то все меньше становится религиозных людей», как раз этих-то людей среди сунженских казаков становилось с каждым годом больше и больше.

Не без благотворного влияния протоиерея Петра Сухоносова стал православным священником и отец Сергей Резников – в прошлом выпускник Грозненского нефтяного института, а ныне – настоятель православного храма на Днепропетровщине.

«Впервые я узнал об отце Петре, будучи еще студентом, когда для духовных бесед посещал старца Меркурия, жившего тогда в Грозном. Однажды во время одной из таких наших встреч старцу принесли какую-то телеграмму от Батюшки Петра. Помню, как старец при этом почтительно отозвался о батюшке, назвав его «святым человеком». Так я вскоре познакомился лично с этим великим пастырем. Позже, помогая клирику Грозненской церкви отцу Александру Тарнакину совершать богослужения в казачьих станицах, мы старались заехать и к батюшке Петру Сухоносову в «Слепцовку». Часто бывало и так, что отец Петр, узнав, что отец Александр служит где-то поблизости, сам спешил встретиться с нами и был рад таким встречам. Ненавязчиво он многое подсказывал, давал полезные советы, учил.

Как-то отец Петр взял меня с собой на кладбище совершить

там литию на могиле усопшей его сестры Татьяны. Приехав туда, он попросил меня читать и петь вместе с ним, и при этом очень удивился тому, что я почти ничего не умею. Тогда он терпеливо взялся обучать меня – и не только пению, но и умению правильно складывать иерейское облачение, переплетать книги и многому другому, что впоследствии мне пригодилось в жизни.

Даже непродолжительное общение с протоиереем Петром Сухоносковым делало неверующих людей православными христианами. Когда кто-либо жаловался батюшке, что его близкие не верят в Бога, отец Петр обязательно интересовался, носят ли они нательный крестик. Если носили, то спешил успокоить: вера непременно придет, нужно лишь терпеть и молиться за них.

«К кому же идти, как не к Богу? – наставляет он в письме неверующую. – Не к сатане же, врагу нашему, ненавидящему нас, а к любящему нас Богу. Он умирал, чтобы нам было благо, так за это Его ненавидеть? Нельзя же опускаться до детского возраста неразумного, жить только одним часом».

Он не давал поспешных советов, способных еще в большей мере обострить семейную обстановку: верующим женам Батюшка настоятельно советовал молиться за своих неверующих мужей, а мужьям за своих непокорных жен, напоминая им слова святого апостола: Неужели не освятится жена молитвами своего мужа, и муж – молитвами жены?(ср. 1 Кор. 7,. 14). Если же кто настаивал на разводе, то Батюшка напоминал им про их ответственность перед Богом за воспитание детей, за преступление главной заповеди Иисуса Христа: любить друг друга. Так отец Петр спасал от развала христианские семьи, возвращал детям их родителей, приводил супругов до веры и смирения друг перед другом.

Одной из прихожанок – рабе Божией Екатерине – было откровение, о котором рассказывает она сама: «Я увидела отца Петра, молящегося в нашем храме. Вокруг Батюшки было много белых голубей, а рядом стояла огромная кадушка с мутной водой. Я спрашиваю батюшку, откуда здесь так много голубей налетело и что это за мутная вода. А он отвечает: «Голуби – это мои прихожане, а мутная вода – это скорби, которыми мы терзаемся за нашу греховную жизнь». Батюшка страдал за всех нас, кого он знал и любил...»

Среди людей иной веры

В станице Орджоникидзевской вместе с казаками испокон веков живут ингуши. Традиционно они исповедуют не христианство, а ислам. Многие годы самого тесного соседства сблизили людей разной веры. То, что произойдет на Кавказе в начале 1990-х годов и позже – межнациональная вражда, ненависть, злоба, жажда кровавой мести – будет решительно отвергнуто всеми здравомыслящими мусульманами, жившими тут в согласии с русскими, украинцами, осетинами и другими народами. Ингуши, пережившие страшный геноцид – сталинскую депортацию 1944 года – не потеряли уважительного отношения к другим народам, хлебнувшим тоже немало горя и несправедливости в это же время.

Местные старожилы ингуши с почтением относились к настоятелю здешнего православного храма протоиерея Петра Сухоносова – за праведность его жизни, смирение и простоту, любвеобильность и внутреннее обаяние. Некоторые из них между собою называли его «русским муллой». Но сами обращались к нему так, как и казаки: «Батюшка» или «отец Петр». Станичники ингуши – пожилые и молодые, мужчины и женщины – учтиво здоровались с отцом Петром, встретившись с ним на улице, охотно приходили к нему, когда он обращался к ним за помощью.

Протоиерея Петра Сухоносова высоко ценил и уважал Президент Ингушетии Руслан Аушев. Он часто приглашал его в свою резиденцию, прося совета и помощи в решении вопросов, касающихся межконфессиональных отношений в республике. Ни одно совещание духовных лидеров края не обходилось без участия в них этого авторитетного русского священника. Руслан Аушев лично неоднократно посещал православный храм в «Слепцовке», постоянно интересуясь жизнью и проблемами верующих христиан. По поручению Президента республики сюда часто приезжали и представители его администрации.

«3 мая, – делится в письме своими впечатлениями Батюшка, – прибыли в церковь вечером ко мне вице-президент Ингушетии наш генерал Агапов, главы администрации республики, района и станицы – шесть душ.

Впервые принимали генерала. Он добрый, простой, скромный. Угостили его и окружение блинами и чаем. 25 января освятили первый самолет – рейс «Слепцовская – Москва». Вместо военного теперь у нас в станице международный аэродром. Добро пожаловать». «Президент наш, дай Бог ему здоровья, мудрости, силы, берет нас, русских, под свою защиту, – пишет далее отец

Петр, – хотя это не простое дело. Перед Пасхой дважды меня приглашали к нему в Назрань на высокие собрания...»

Отец Петр достойно представлял в исламском крае нашу Православную Церковь, умея наладить правильное общение с лидерами местных мусульманских общин. Если возникала необходимость дать ответ по существу того или иного богословского вопроса – а такие вопросы неизбежно возникали при контактах и встречах настоятеля православного храма с имамами мусульманских мечетей – Батюшка давал его, ссылаясь на Священное Писание и творения святых отцов Церкви: без угодничества и лести, убедительно и доступно. Часто появляясь в станицах или же выезжая в ингушские села, Батюшка никогда не снимал с себя подрясника и иерейского креста.

Анатолий Гапотченко, живший последние годы рядом с отцом Петром и исполнявший в церкви обязанности пономаря, рассказывает о таком эпизоде: «Как-то в пасхальные дни мы ехали церковным автобусом мимо первого Ингушского государственного университета. По правде сказать, мне давно хотелось учиться тут, но не хватало знаний. Смотрим: рядом с университетом стоит много правительственных машин. Остановились и выяснили, что сюда приехал Президент Ингушетии Руслан Аушев в сопровождении высоких министерских чиновников и там проводит совещание с преподавателями. Мы вошли в приемную, но дальше охрана нас не пустила. Немного постояли, и вскоре оттуда выходит Президент. Увидел отца Петра и сразу ему навстречу с радостью: «Петр Петрович, а Вы как здесь? Какие у Вас проблемы? Чем мы Вам можем помочь?» А Батюшка показал на меня и моего друга Юру, стоявшего рядом, и говорит серьезно: «Руслан Султанович, вот этих ребят надо учить в университете». Президент посмотрел на нас, улыбнулся и отвечает: «Ну, если они сами того хотят, то пусть учатся». И нас зачислили на подготовительные курсы агрозоотехнического факультета. Наш заведующий кафедрой – ингуш по национальности – очень уважал отца Петра, часто спрашивал нас: «Ну, как там наш батяка? Привет ему от меня не забудьте передать».

Весной 1996 года, когда по благословению Батюшки я приехал к нему в гости, он был несказанно удивлен тем, что на реконструкции Покровской церкви трудилась бригада ингушей. На фоне гремевшей рядом войны, кровопролития и ненависти к русским странно было видеть группу молодых ребят-мусульман, мирно работающих в ограде православного храма. Все работы, как уже было сказано осуществлялись на средства, выделенные специальным распоряжением Президента Ингушетии, и это было

знаком уважения главы национальной республики к христианскому населению и лично настоятелю Покровского храма протоиерею Петру Сухонососу. Я не удержался от вопроса, с которым подошел к бригадиру: «А как же смотрит на то, что вы помогаете русской церкви, ваш мулла?»

«Хорошо, нормально смотрит, – улыбнулся Бексултан – так звали этого молодого симпатичного бригадира. – Я, конечно, советовался с ним, прежде чем прийти сюда. И он считает, что нет никакого греха в том, чтобы помочь русским верующим. Тем более отцу Петру».

Сам Бексултан впоследствии так будет вспоминать о тех днях работы на реконструкции православной церкви: «Когда мне предложили взяться за это дело, я пришел к отцу Петру в церковь и представился ему как мастер будущего строительства. «А как вас зовут?» – тут же поинтересовался он. Я не стал называть своего настоящего имени, потому что для русского человека, тем более пожилого, наши мусульманские имена звучат непривычно и часто с трудом запоминаются. Поэтому назвался Борисом. Отец Петр тогда вдруг переспросил: «А это ваше настоящее имя?» «Нет», – честно признался я ему. «Почему же вы стесняетесь своего имени? – улыбнулся Батюшка. – У каждого человека должно быть свое имя». Тогда я назвал его правильно: Бексултан. Отец Петр тут же повторил его внятно и без ошибки и всегда обращался ко мне только так. Потом он спросил, можно ли нам, магометанам (отец Петр никогда не говорил мусульмане, а лишь магометане), строить православную церковь. Я ему тоже сказал, что перед тем, как дать согласие на свою работу тут, мы обратились за советом к нашему местному мулле, и тот не возражал при условии, что мы не будем делать разницы между мечетью и церковью. «У всех у нас Один Бог-Творец», – сказал он. Такой ответ вполне удовлетворил отца Петра, и мы быстро принялись за дело. Батюшка вникал в каждую мелочь, он постоянно находился возле нас и следил за всем, что и как мы делали. Но нас поразило при этом то, что он не придирался, а глубоко разбирался во всех тонкостях строительного дела. Пока он лично не убедился, что наша бригада работает на совесть, он не отходил от нас ни на шаг».

«Однажды, – рассказывает Бексултан, – Батюшка подходит ко мне, отзывает немного в сторонку и спрашивает, стали бы мои рабочие курить в мечети или возле нее. «Конечно, нет, верующий человек этого не позволит себе», – ответил я. «Тогда почему они курят на территории нашего храма?» – прямо спросил меня отец Петр. Я немедленно собрал ребят и напомнил им то, о чем нас просил и предупреждал мулла, и с тех пор к этому вопросу мы

больше не возвращались.

А вот еще один случай. Мы старались как можно быстрее завершить начатую работу и работали без выходных. В первый же воскресный день наша бригада с раннего утра собралась в церковном дворе, чтобы приступить к делу. Подошел Батюшка и сказал, что сейчас в храме начнется служба, для христиан воскресный день свят. Я согласился с ним, хотя рабочие высказали некоторое недовольство. В следующее воскресенье отец Петр разрешил нам работать после того, как закончится служба и люди разойдутся по домам. «Ведь у вас, магометан, есть свой почитаемый день – пятница, и я не имею права вам его запрещать», – мирно сказал он. После этого вся наша бригада прониклась еще большим уважением к этому человеку.

Как-то рабочие бригады узнали, что у отца Петра День рождения. Со свойственной ингушам щедростью ребята приготовили подарок и поручили своему бригадиру Бексултану поздравить именинника. «Я купил еще конфет и вина, поскольку на Кавказе ни одно торжество не обходится без этого солнечного напитка.

Батюшка улыбнулся и, наверное, чтобы не обижать меня, достал два стаканчика и налил немного вина. В свой же стаканчик добавил воды и говорит: «Алкоголь – это самый большой враг, много людей от него пострадало». По правде сказать, я не пьющий, тем более что в Ингушетии действует строгий закон, запрещающий торговлю спиртным. Просто хотелось от всей души показать свое уважение старому человеку.

А потом я заболел гриппом, несколько дней лежал с высокой температурой. Когда немного поправился, сразу же пошел на работу. Отец Петр увидел меня в окошко, сразу вышел навстречу радостный, обнял меня и поцеловал. Он всегда интересовался здоровьем каждого рабочего. А однажды он подъехал к моему дому на своем церковном автобусе, увидел мою старенькую маму, и с тех пор при каждой нашей встрече спрашивал о ее здоровье.

Рассказал Бексултан и о таком эпизоде своей дружбы с отцом Петром.

«Как-то я прихожу к батюшке, а сторож – пожилая старушка, что живет при церкви, – говорит мне, что он спит, и просит меня прийти позже. Я так и поступил. Прихожу позже, а та старушка кланяется мне чуть не в ноги и просит прощения. Я стою удивленный, ничего не могу понять. А она говорит, что Батюшка, оказывается, вовсе не спал, а просто находился в своей комнатке. Когда он узнал о том, что меня не пустили к нему, то поругал сторожа за то, что она сказала неправду. Когда мы завершили все строительные работы, отец Петр собрал всю нашу бригаду,

пригласил прихожан церкви и выразил нам свою самую теплую благодарность. А мне, как бригадиру, вручил христианскую Библию со своей дарственной подписью.

Отец Петр никого не обижал, даже врагов Церкви – коммунистов, хотя знал, сколько бед и страданий верующим они принесли. Мы ни разу не слышали, чтобы он превозносил свою веру над нашей или унижал веру других народов. Если он видел, что по отношению к человеку допущена несправедливость, то спешил заступиться за него, невзирая на его веру и возраст. Однажды нам прекратили платить деньги из Назрани за ту работу, которую мы делали на ремонте церкви. Рабочие расстроились, узнав о таком отношении нашего руководства. Батюшка тоже узнал о такой беде, зашел к себе в комнату и через некоторое время выходит оттуда с листком бумаги. «Вот, – протягивает он мне его, – это письмо правительству Ингушетии, поезжай с ним в Назрань». Я тут же поехал, а по дороге не удержался и прочитал, что же там было написано. И был просто поражен, насколько логично, убедительно оно было написано. Батюшка писал, что никто не имеет права не платить нам за работу и нехорошо не ценить труд рабочих. Когда я привез начальству это письмо, то нам немедленно выплатили все деньги, которые задолжали, и мы в срок завершили нашу работу. Нас всегда удивляло, насколько широко Батюшка был развит и любознателен. Он интересовался абсолютно всем, чем жили простые люди: сельским хозяйством, урожаем, домашним скотом и птицей. И всегда давал много очень дельных советов».

Отца Петра любили и местные журналисты. Каждый год, когда приближалась Пасха или Рождество Христово, к нему приезжали корреспонденты местного радио, телевидения и газет с просьбой дать интервью или написать статью. Журналисты, естественно, старались задать отцу Петру и острые вопросы – например, о том, пытались ли его завербовать к себе органы КГБ, как он относится к боевым действиям России в новой чеченской войне. На все Батюшка отвечал просто и правдиво, без малейшей тени лукавства и недосказанности.

Когда в Ингушетии стало действовать собственное национальное телевидение, то журналисты, по предварительной договоренности с настоятелем Слепцовского храма, приезжали сюда и проводили съемки праздничных богослужений, записывали интервью Батюшки. Перед объективом камеры он никогда не терялся, а высказывал свои мысли предельно ясно и убедительно.

Присутствие в протоиерее Петре Сухоносове особой, поистине неземной благодати испытывали многие иноверцы,

знавшие его лично. Одна женщина-мусульманка, работавшая журналистом, признавалась, что никогда и нигде не испытывала от общения с духовными лицами ничего подобного, как от общения с настоятелем православной церкви в станице Слепцовой. «Если на свете есть святые, – говорила она, – то ваш отец Петр, бесспорно, является одним из них».

Часть VIII. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему»

Нет ничего удивительного в том, что при такой смиренной, кроткой, незлобной и праведной жизни Господь сподобил Своего слугу протоиерея Петра Сухоносова многим благодатным дарованиям. Но сам Батюшка никогда не давал повода считать это своей личной заслугой. Напротив: он искренно считал себя недостойным великих милостей Божиих и призывал верить лишь Одному Всемогущему Богу, напоминая людям слова святого пророка: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дождь славу... (Пс. 113, 9). Батюшка начинал гневаться (если это вообще можно назвать гневом, поскольку отец Петр никогда не позволял себе гневного тона в общении с людьми), если видел, что кто-то подходил к нему с вопросами, рассчитывая обнаружить в его ответах прозорливую силу.

«Вы что делаете из меня прозорливца?» – отвечал таким не в меру пытливым людям и переводил разговор в иное русло. Такого же смиренного, кроткого духа была и родная его сестра. Бывало, если кто-то заводил разговор, намекая на прозорливость брата, Татьяна Петровна тут же останавливала: «Все мы прозорливы на чужих грехи, ось тильки своих не бачимо...»

Жизнь отца Петра была исполнена многих событий – радостных и печальных, чудесных и поучительных. Но что бы с ним ни происходило – все принимал со смиренным сердцем и покорностью перед волей Творца. Иной воли – своей собственной или чужой – он не ждал и ее не творил. Даже когда с батюшкой, как с любым человеком, в жизни случались конфузы, он встречал их кротко, не пытаясь найти себе оправдания, а кого-то обвинить в случившемся.

Однажды весной 1996 года, в самый разгар боевых действий в Чечне, в «Слепцовку» специальным авиарейсом прибыла целая группа высоких правительственных чинов из Москвы. Принять участие в их встрече в аэропорту пригласили отца Петра: стало известно, что в составе делегации будет духовное лицо из Патриархии. Мы вместе поехали в аэропорт в сопровождении вооруженной милицейской охраны. Самолет прибыл точно по расписанию, и гости стали спускаться по трапу на летное поле. С ними сошел и представитель Патриархии: он был в скуфье и темном пальто, из-под которого выглядывал лишь подрясник. Батюшка подошел к гостю, учтиво взял его под руку и, о чем-то тихо беседуя, прошел с ним в сторону ожидавших автобусов: вся

делегация ехала дальше. Мы возвратились в храм.

«Интересно, какого ж он был сана? – спросили батюшку. – Наверное, игумен или иеромонах?» «А может, просто монах, – задумчиво сказал отец Петр. – Теперь в монашество идет много грамотных, высокообразованных людей». В это время во двор зашел почтальон и протянул батюшке срочную телеграмму из Ставрополя. В ней с опозданием сообщалось, что в составе делегации будет викарный епископ от самого Патриарха.

«Ай-яй-яй, – воскликнул отец Петр, – это ж был епископ, а я вместо того, чтобы просить благословения, шел под ручку с ним! Нехорошо как получилось...» И Целый день ходил в смущении от происшедшего.

Жизнь протоиерея Петра Сухоносова была подобна евангельскому светильнику, благодатное сияние которого невозможно утаить от людей: И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного. (Мф. 5, 15-16).

Поэтому народная молва о простом сельском батюшке, готовом помочь в беде, вразумить, наставить на путь спасения, открыть правду, крепла с каждым годом, направляя в «Слепцовку» людей из самых разных мест, городов и сел. Характерно, что почти все, кто близко знал отца Петра, испытывали присутствие в нем особой благодати, которая проявлялась в его прозорливости, исцелении страждущих, освобождении человека от сидевших в нем пороков души и демонических сил. Эта благодатная сила имела самые различные проявления, и часто бывало так, что человек начинал осознавать лишь спустя много времени, что Господь по молитвам Своего угодника сотворил с ним чудо.

В жизни Батюшки было много необычайного, покрытого неземной величественной тайной. Например, прихожанки Андреевского собора города Ставрополя рассказывали, что еще в те далекие годы, когда он после окончания семинарии недолго служил там, произошел удивительный случай. Однажды вечером к нему пришла женщина и слезно стала просить причастить ее тяжело больного сына – офицера в большом чине. Отец Петр дал листочек бумаги и попросил записать его домашний адрес. Женщина записала и с благодарностью ушла. Рано утром, взяв Святые Дары, Батюшка направился по указанному адресу и действительно увидел в доме больного человека.

«Но я никого не приглашал», – удивленно признался тот, увидев на пороге священника. Тогда отец Петр пояснил, что об этом его попросила незнакомая женщина – и протянул больному листочек бумаги с адресом, написанным ее рукою. «Да, это

почерк моей мамы», – изумился больной и добавил: «Но ведь она три года как умерла...» На стене висела фотография: «Вот эта женщина приходила вчера ко мне», – сказал Батюшка, взглянув на фото, что висело в комнате. «Это и есть моя покойная мама, – сказал растроганный сын, – и раз она прислала Вас ко мне, то я исполню все, что она велела». Отец Петр исповедал больного и причастил его. Рассказывают, что вскоре после этого он мирно отошел ко Господу...

Антонина Чеботаева, близко знавшая батюшку многие годы, тоже вспоминает об одном поучительном для нее случае.

«Я работала на заводе по сменам, очень уставала после ночи, но все равно старалась не пропустить ни одной службы. И вот как-то, придя после ночной смены, я пришла в храм. Народу было мало. Я стою и прямо сплю, ничего не могу с собою поделать, глаза сами слипаются. Смотрю на певчих, а они так слаженно, красиво поют. Я и подумала тогда, глядя на них: «Хорошо им! И спать, наверное, не хочется, и мысли дурные в голову не лезут...» Стою так, рассуждаю про себя, и вдруг ко мне подходит мой дядя Иван Филатович – он пономарем был у нашего отца Петра – улыбается и говорит мне: «Дочка, Батюшка велел передать тебе, чтобы ты шла на клирос и помогала певчим». Как я могла послушаться? Пришла на клирос и говорю регенту, что Батюшка благословил меня попеть с вами. Та, не говоря ни слова, поставила меня рядом с другими певчими. И что же? Такие лукавые мысли в голову полезли, такая грязь, что не только петь – я не знала, куда деться от своих мыслей! Так Батюшка Петр прозорливо увидел, о чем я думала, когда стояла в храме, и вразумил меня...

Вообще же он никого прямо не обличал в грехах и проступках, которые видел, казалось, насквозь. Обычно в присутствии человека, которого хотел вразумить, Батюшка начинал разговор как будто о ком-то, притом без всякого зла или укора, а по доброму. После такой беседы пришедшему становилось понятно, что Батюшка о нем рассказывал...

Вскоре после того, как отец Петр приехал к нам на служение (а мы тогда жили в соседней станице Троицкой), и молва о нем стала быстро распространяться среди простых людей, мне однажды было ночное видение. Я увидела нашего батюшку, выходящего из алтаря навстречу народу со Святой Чашей, а за ним величественно шествовали все семь Архистратигов Божиих с большими горящими свечами. Мы все, стоящие в храме, поклонились им до пояса – и я проснулась. Когда об этом видении я рассказала своим родителям – а они были очень богобоязненные и благочестивые – то они сказали мне, что отец

Петр действительно Божий человек...»

Валентина Николаевна Алейникова, исполнявшая портняжные поручения Батюшки, рассказывает об одном эпизоде: «Иду я как-то из ателье, в котором работала, и несу к батюшке хорошую чистую бумагу для изготовления лекала. Иду, а сама думаю: бумага-то чистая, она может батюшке пригодиться для письма, отдам ему, а лекало я и из обычных газет сделаю. С такими мыслями подошла к отцу Петру, а он как будто прочитал их и говорит: «Ты лекало сделай из обычных газет, а бумага эта тебе самой еще пригодиться, побереги ее. У меня же бумаги на письма хватит». Я прямо замерла от неожиданности: не успела и подумать, а Батюшка уже про все знал».

Как-то из соседней станицы на службу в «Слепцовку» приехала прихожанка Нина и остановилась заночевать у церковного сторожа Раисы. Разговорились о том, о сем. «А ты не замечала, – вдруг спрашивает Нина, – что у нашего Батюшки есть дар прозорливости?» Потом разговор перешел на другую тему. Утром Нина пошла в храм. Вдруг видит, как навстречу идет сам отец Петр и тихо обращается к ней: «Нина, откуда Вы знаете, что я прозорливый? Никому больше об этом не рассказывайте: это все неправда...» Но это была правда, которую Батюшка скрывал от людей по своей великой скромности.

Исцеление от немоты

Рассказывает Александр – бывший прихожанин храма в Слепцовой. «Когда я первый раз пришел в храм и познакомился с отцом Петром, то сразу обратил внимание на маленькую девочку, которая постоянно крутилась у нас под ногами и озорничала. Батюшка, казалось, не обращал на это никакого внимания, а напротив, ласково гладил ее по головке. Звали эту девочку Таня. Она была совершенно немой, и врачи с этим ничего не могли поделать. Родители Тани уехали на заработки куда-то на Север, а девочку бросили на воспитание ее тетке. Та, к счастью, была верующей женщиной и привела девочку в храм. Батюшка внимательно посмотрел на нее, улыбнулся, а потом и говорит, чтобы девочку каждое воскресенье приводили на Причастие. Когда шла служба, Танечка усаживалась на ступеньку амвона и зачарованными глазами следила за батюшкой. Так она посещала храм еженедельно вместе со своей тетей. Примерно через год-полтора явновья оказался в Слепцовой и зашел в храм. Каково ж было мое удивление, когда ко мне подбежала веселая «болтушка» с огромной куклой в руках. «А вы ее не узнаете? – спросила меня знакомая. – Да это ж наша Таня. Господь

возвратил ей «глагол», Батюшка наш вымолил». Теперь эту девчушку было не узнать: она заметно повзрослела и совершенно свободно разговаривала, от прежней немоты не осталось и следа. Скоро, сказали мне, она должна идти в школу».

Нежданная поездка к сыну

У отца Петра была духовная дочь Людмила Леонтьевна, жена полковника в отставке. Она почитала батюшку и во всем повиновалась его духовным советам и наставлениям. Сын ее жил далеко от Кавказа – в Санкт-Петербурге.

«Людмила Леонтьевна, – обратился к ней однажды отец Петр, – а вы не хотите повидаться с сыном?» «Батюшка, я бы с радостью поехала к нему, да не на что», – ответила женщина. «Это не беда, – сказал отец Петр. – Вот вам на дорогу, а эти деньги передайте ему». Та не знала, как благодарить батюшку за такую его милость. Она немедленно собралась в дорогу и поехала. «Мама, – воскликнул обрадованный сын, увидев ее, – как хорошо, что ты здесь! Если бы ты приехала завтра, то уже не застала меня в живых...» Оказалось, что он задолжал каким-то сомнительным друзьям солидную сумму, и те дали ему короткий срок вернуть деньги. «Иначе убьем!» – пригрозили они. Сын в слезах раскаянья признался матери, что он решил выброситься из окна, если бы они ворвались в его квартиру. Он немедленно возвратил долг, порвал со всеми компаниями, остепенился и вскоре тоже стал духовным сыном отца Петра. Любовь Леонтьевна рассказывала, что Батюшка любил прогуливаться с ее родным сыном под руку, тихо о чем-то беседуя: они очень привязались друг другу духовно. Батюшка венчал его. Сын под руководством отца Петра сильно преуспел в духовной жизни, у него был красивый сильный голос, он стал петь в одном из монастырей и великолепно читал «Апостол».

Жизнь этого молодого человека оборвалась трагически: его на дороге сбила машина. Людмила Леонтьевна переехала в другое место и сильно скорбела об утрате сына. «Не плачь, – утешил ее один старец, которому она поведала о своем неутешном горе, – твой сын созрел для Царствия Божиего...»

«...И я вспомнила его слова!»

Как-то из Элисты к отцу Петру приехала много лет знавшая его Таисия Гавриловна Гончаренко. Погостила немного и собралась в обратную дорогу. Билет на самолет взяла заранее, чтобы не было лишних хлопот. Накануне вечером сообщила

батюшке, что завтра летит домой, билет на 14 часов. Утром, побыв на литургии, пока не пропели «Отче наш», гостья зашла в пономарку попрощаться и просить Батюшкиного благословения. Но тот предложил немного задержаться. «Батюшка, – взмолилась Таисия Гавриловна, – благословите, у меня же самолет в 14 часов!» «А разве не в 18.00?» – удивился отец Петр. «Да нет, в 14.00, я же вчера Вам говорила», – продолжала настаивать та. Батюшка благословил – с тем и распрощались. На трассе рейсовый автобус из станицы Орджоникидзевской неожиданно сломался. До Грозного еще далеко, а время поджидает. Между тем все местные пассажиры сумели подсесть на проходящие попутные машины в Грозный. Осталась одна Таисия Гавриловна. Стоит на трассе и не знает, что же делать: в кармане только 5 копеек, которые приберегла, чтобы добраться в аэропорт. «Поеду в Грозный, – решила она, – сдам билет в аэропорту, все равно опоздала, возвращусь в Слепцовку, а там займу денег и полечу завтра». Лишь в 4 часа ей удалось сесть в проходящий автобус до Грозного. Пока добралась в аэропорт, на часах было уже 6 вечера. Ничего не подозревая, она подошла к кассе диспетчера и молча протянула свой билет. «Вот странные люди, – возмутилась диспетчер, – у нее билет на 14 часов, а она приходит с таким опозданием и даже не извиняется. Идите скорее, уже посадка закончилась!» Таисия Гавриловна опрометью выскочила на летное поле, где стоял ее самолет, благополучно села в него – и только тут вспомнила прозорливые слова Батюшки, предложившего ей остаться до конца службы. Самолет без нее никуда бы не улетел...

О молитвенной помощи Батюшки рассказывает и протоиерей Михаил Гриценко: «Когда я еще учился в духовной семинарии, то постоянно приезжал на каникулы к отцу Петру. Без дела ни я, ни кто другой у него не сидели: бездельников Батюшка не любил. Что-нибудь попросит сделать, а сам постоянно интересуется ходом дела, сопереживает, советует. А когда надо было уезжать обратно на учебу, отец Петр приглашал к себе и предлагал расписаться в финансовой ведомости, чтобы получить деньги, чем ставил меня каждый раз в несколько неловкое положение: ведь трудился я не из-за денег, а бескорыстно, чтобы помочь батюшке. Но тот ласково говорил: «Бери, бери, ты заработал их честным трудом, да и в семинарии они не будут лишними...» Чаще всего я улетал назад самолетом из Грозного, и этот день по расписанию выпадал на воскресенье. Прошу благословения в дорогу – самолет через 2 часа. А отец Петр в ответ: «Помолись, еще не время, успеешь». Я молюсь, а потом смотрю: по времени мой самолет уже улетел. Закончилась литургия, вдруг слышу Батюшкин голос:

«Ну а теперь поторопись – успеешь». Сажусь в автобус и еду в Грозный. Приезжаю в аэропорт и слышу, как диспетчер объявляет: «Начинается регистрация пассажиров, улетающих рейсом Ташкент – Грозный – Одесса». Оказывается, мой рейс задержался по каким-то причинам на два часа, пока я был в храме. И такое случалось неоднократно».

«Откроешь дома...»

Не менее удивительный случай произошел и с сыном Таисии Гавриловны. Он получил для отца Петра какой-то товар в епархии. Немного задержался в дороге. Было уже темно, когда его на территории Чечено-Ингушетии остановила милиция: чужие номера вызвали подозрение. А там, как это частенько бывает, нашелся повод и для штрафа. Когда он приехал в Слепцовскую, Батюшка сам вышел навстречу и открыл ворота. Погостив пару дней, собрался домой. Отец Петр сердечно поблагодарил его за заботу, оплатил израсходованный бензин. А потом протянул небольшой сверток, похожий на завернутую иконку, со словами: «Откроешь дома». И каково же было удивление, когда в свертке обнаружились деньги – как раз та сумма, которую пришлось уплатить за штраф.

По дороге домой

А вот что вспоминает Надежда Михайловна Брюховецкая, бывшая старостой Слепцовского храма и проработавшая вместе с отцом Петром Сухоносовым 28 лет: «Батюшка постоянно наставлял нас в любви и милосердии, взаимном терпении. Однажды он сказал проповедь, а в конце говорит: «Не забывайте, что вы христиане. Вот сейчас пойдете из храма, и что бы с вами в пути ни случилось, не ссорьтесь, не обижайтесь друг на друга». И все это было сказано как будто для моего вразумления.

Вышла я после службы из храма, а на дворе дождь, грязь, такие лужи большие, что не обойти. Прошла всего метров пятьдесят, как вдруг вижу: впереди медленно идет дедушка 85 лет, тоже из церкви. Идет в фуфайке и ватных штанах к автостанции, потому что жил он далеко от Слепцовки – в станице Ассинской. А мне надо было добираться автобусом в другую сторону, в Нестеровку: это 10 километров. И вот едва я поравнялась с ним, как меня словно кто-то толкнул прямо на него. Старик не удержался на ногах и падает, я лечу через него вперед, и оба мы очутились в огромной грязной луже.

Я поднялась и говорю: «Дедушка, наверное, это для нас двоих

была проповедь в церкви». А он тоже встал – грязь ручьями течет с него, нос разбитый до крови – и отвечает: «Да, Надежда, если бы не слово Батюшки, досталось бы тебе за такие дела». Я у него попросила прощения, и мы расстались с миром. Потом вернулась к вечерней, рассказала отцу Петру о том, что со мной произошло, а он лишь улыбнулся и ничего не сказал, потому что все сам знал наперед...»

«Батюшка обо всем знал»

«Как-то, когда мы еще жили в Батюшкином доме, я сама осталась со своими сестрами Светланой и Дарьей дома, – вспоминает Татьяна Гапотченко, – родителей рядом не было, а я занималась своими делами. Вдруг вижу: они стали кататься на дверях – повиснут на ручке и давай раскачиваться. Я им говорю: «А ну-ка прекратите это баловство, ведь это не наш дом. А вдруг двери сорвутся с петель – что тогда Батюшка скажет?» Сестрички быстро убежали на улицу гулять, а я собралась идти помогать батюшке печатать на машинке. Только захожу к нему на порог, а он мне сразу говорит: «Таня, ты сестренкам скажи, чтобы больше не катались на дверях, а то они расшатаются и могут сорваться с петель». Он прямо повторил мои слова. А откуда обо всем узнал – не знаю.

А в другой раз Батюшка приходит к нам. Я смотрю: рядом с ним стоит женщина. Батюшка говорит, что эта женщина вроде знает нашу семью. Она действительно была знакома нам, потому что жила недалеко от нас, когда началась война. Только мне как-то неловко было признаться батюшке, что она была алкоголичкой, все знали о ее болезни. Когда она отошла немного в сторонку, Батюшка искоса посмотрел на меня и тихонько спрашивает: «А она, случайно, не пьет? А то ведь на квартиру к нам просится...» Наш отец Петр людей насквозь видел».

«Был и такой случай, – рассказывает далее Татьяна Гапотченко. – Рядом с церковью жила старенькая наша прихожанка Евдокия. Мы ее досматривали, потому что жила она совершенно одна и нуждалась в постоянном присмотре. И вот наступил час ее кончины. Она сильно страдала перед смертью от невыносимых болей. Нам ее было очень жалко, и мы побежали к батюшке спросить совета, чем мы можем хоть как-то облегчить ее страдания. Только стали батюшке рассказывать, как он вдруг прерывает нас и говорит: «Идите скорее назад, она через минуту умрет, читайте молитву после исхода души». Мы тут же возвратились и нашли бабушку Евдокию уже без дыхания... Господь принял ее душу».

Один из духовных чад отца Петра рассказал такую историю. Он вселился в только что построенный дом, но не успел поставить на учет счетчик электрической энергии. Кто-то из соседей-«доброжелателей», видимо, позвонил в соответствующую организацию, и оттуда немедленно приехали инспекторы. Сразу заходят в дом и видят не опечатанный пломбой счетчик. Не принимая никаких объяснений, составляют акт и выписывают штраф на такую огромную сумму, что хозяин и все семейство едва не лишились дара речи. «И чтобы завтра были у нас. Иначе дело передадим в суд. Тогда еще хуже будет», – добавили они и хлопнули дверь.

Что делать? Кто поможет? Легли, расстроенные, спать. «И вот, – рассказывает он, – снится мне, будто меня готова поглотить какая-то страшная морская бездна, пучина. Вижу, как прямо над головой вот-вот сомкнутся гигантские волны. И в это мгновение я кричу: «Святителю отче Николае, молитвами отца моего духовного протоиерея Петра спаси меня!» И невидимая рука вытаскивает в тот же миг на тихий солнечный берег.

Утром встал, прочитал, как мог, с усердием акафист Николаю Угоднику, попросил мысленно молитвенной помощи нашего Батюшки Петра и пошел на «расправу» к инспекторам. Прихожу, а их словно кто-то подменил: встретили тихо, даже улыбнулись. «Ну как же это так у вас получилось?» – спрашивают без крика и угроз. Пожурили и заменили прежний штраф на чисто условную сумму, чтобы, как говорят в народе, «и овцы были целы, и волки сыты». Вернулся домой – никто не верит, что такое может быть. Так наш Батюшка Петр нас нигде не оставляет, хоть бы мы на край света уехали. Лишь бы мы не забывали его и молились о нем...»

В дороге

Весной 1996 года один из духовных чад отца Петра А. собрался поехать с Украины провести батюшку. Время было очень тревожное: в полном разгаре шли боевые действия в непосредственной близости от Слепцовской. А отец Петр передал через близких: «Жду А. Пусть едет». Билетов на кавказское направление не достать, сесть на поезд можно только в Киеве. Приехал туда, а в кассы народу столько, что можно стоять сутки. Можно, правда, и не стоять: рядом то и дело пробегают «дельцы», готовые через пару минут принести билет на любой поезд. Только за эту «услугу» надо заплатить сумму, равную стоимости двух, а

то и трех билетов. «Стою в полном отчаянии, не зная, что делать, – вспоминает А., – и ехать надо, потому что Батюшка благословил и ждет, и денег лишних нет платить перекупщикам. Вдруг из толпы прямо ко мне подходит незнакомый мужчина и уверенно обещает принести билет на нужный мне поезд. Я в ответ только рассмеялся: «Знаю наперед, какую вы заломите сумму». А тот человек так же уверенно отвечает: «Нет, не заломлю. Вы заплатите мне...» И назвал действительно прямо-таки смехотворную сумму, которой едва ли хватит пообедать в столовой. Но что меня удивило больше всего: он сказал это так, будто я был просто обязан принять его предложение. Буквально через несколько минут билет у меня был на руках, а через пару часов я уже ехал в поезде «Киев – Кисловодск».

Приехав на вокзал Минеральные Воды, А. продолжил свой путь в Орджоникидзевскую автобусом. Предстояло пройти контроль на нескольких милицейских и армейских блок-постах: вся прилегающая к Чечне территория считалась прифронтовой зоной. Приезжавшим с Украины внимание было особое, потому что, по разным сведениям, на стороне чеченцев воевали украинские наемники-добровольцы. Малейшее подозрение – и ты уже в так называемом «фильтрационном лагере», про который ходили слухи не менее страшные, чем про саму войну.

«На подъезде к Малгобеку наш автобус остановили, – рассказывает далее А. – Через несколько сот метров начиналась Ингушетия. На обочине дороги стоял бронетранспортер с расчехленным пулеметом, у палатки грелись солдаты и милиционеры в бронежилетах и с автоматами. Один из них зашел в автобус и начал проверку паспортов. Когда очередь дошла до моего документа, офицер категоричным голосом приказал выйти. Неожиданно весь автобус, в котором ехали ингуши – в основном женщины и несколько молодых ребят – встали на мою защиту. Офицер посмотрел – и молча вернул паспорт. Так мы прибыли в Малгобек, а через час – в Слепцовскую».

Батюшка как раз заканчивал вечернюю службу. Отпустив людей по домам, он разоблачился и пригласил гостя в свою келью. Вошли туда вместе, и Батюшка сразу стал читать перед образом Божией Матери: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...»

«Потом, – вспоминает А., – дочитав молитву и благоговейно поклонившись святому образу, Батюшка повернулся, благословил меня и, пристально посмотрев в глаза, неожиданно спросил: «Ну что, страшно было?» Я встретился с Батюшкиным взглядом и отчетливо осознал, что он все знал и видел: вокзал с тем таинственным незнакомцем, офицера с автоматом на блок-посту,

все мои страхи, которые меня сопровождали неотступно, пока я добирался к нему в гости. То, что я благополучно прошел весь путь и теперь стоял перед своим духовным отцом, стало возможным благодаря его святым молитвам и прозорливости. В этом я убежден и теперь, вспоминая, от чего уберег меня Господь во время той незабываемой поездки».

Сила веры и святых молитв

В станице Троицкой, в считанных километрах от «Слепцовки», жила раба Божия Антонина. Врачи диагностировали у нее злокачественную опухоль, и она была обречена на скорую смерть, ибо ни операция, ни облучение ей не помогали. Все ее знакомые по палате женщины умерли. Она тоже смиренно готовилась к исходу из земной жизни в вечную. По силе своего здоровья Антонина старалась все же ходить в храм, раздавала много милостыни. Наконец она пригласила отца Петра Сухоносова к себе домой, чтобы он пособоровал ее перед смертью, приближение которой она, видимо, явно почувствовала. Отец Петр исполнил ее просьбу. После соборования здоровье Антонины стало заметно улучшаться, и она три года в меру сил и здоровья занималась хозяйством.

Но потом болезнь вновь обострилась. Антонину привезли в больницу. Операцию ей делали под местным наркозом: хирурги лишь констатировали, что бессильны перед такой разросшейся раковой опухолью, откачали немного жидкости и через несколько дней возвратили домой. Умирать. Через своего мужа Павла тоже глубоко верующего человека, Антонина снова пригласила батюшку соборовать ее. И вновь он исполнил ее просьбу. Каждый день медсестра приходила делать болящей уколы, чтобы хоть немного облегчить ее страдания, а сама больная щедро раздавала бедным все, что было нажито ими в доме. Сестры возроптали: «Ты хоть Павлику оставь что-нибудь!..» Но муж Павел смиренно и со слезами возразил им: «Не запрещайте ей. У меня есть крыша над головой – мне хватит». Когда после соборования отец Петр стал собираться домой, Антонина настояла тайно положить ему в машину подушки и одеяло, ибо сам Батюшка наотрез отказался брать от нее что-либо. Все, что пожертвовала на храм Антонина, Батюшка раздал девочкам.

Господь по вере Антонины и святым молитвам отца Петра явил Свою милость и чудо: болящая оправилась от своей, казалось всем, неизлечимой раковой опухоли, прожила в силе и здравии после этого еще 15 лет, и отошла ко Господу, пережив мужа Павла.

О великой благодатной силе молитв отца Петра свидетельствует и Валентина Николаевна Алейникова, многие годы прожившая в «Слепцовке» и близко знавшая батюшку.

«Я всю жизнь проработала портнихой. Наверное, через обычный укол иглой мне попала опасная инфекция, от которой началось общее заражение крови. Прогнозы врачей относительно моего выздоровления были самые мрачные, никто не давал никаких гарантий. Тогда пришел наш отец Петр. Помню, было раннее утро, 5 часов. Батюшка пособоровал, причастил меня, после чего я стала быстро поправляться. Врачи, узнав об этом, сильно изумились и откровенно потом мне сказали: «Тебя спасло чудо. С таким заражением долго не живут».

А в другой раз у меня сильно нарывал палец, от нестерпимой боли я не знала покоя ни днем, ни ночью. Когда я обратилась к хирургам, то мне сказали, что палец придется ампутировать, иначе заражение может пойти дальше. Я решительно отказалась от операции и пришла к отцу Петру. Батюшка почитал молитву, перекрестил больной забинтованный палец, а потом говорит: «Ну вот и все, снимай повязку!» Я смотрю на батюшку. А он улыбнулся и повторяет: «Снимай, снимай повязку!» Я развязала бинт, и каково же было удивление, когда прямо на моих глазах палец прорвало, оттуда все вытекло, и я стала быстро поправляться без всякой операции и вмешательства медицины».

Благодатное исцеление

Федор Тимофеевич Гриценко вспоминает, что в 1994 г. Ставропольская епархия готовилась встретить на своей земле Святейшего Патриарха Алексия П. Вместе с другими священниками и прихожанами приехал в Ставрополь и отец Петр. Но приезд Святейшего по каким-то причинам был перенесен. И тогда спутники Батюшки попросили его посетить Рагули, чтобы повидаться с близкими и дорогими ему людьми, вместе помолиться в храме.

«Мы, – рассказывает Федор Тимофеевич, – еле-еле уговорили его надеть митру, которой Батюшка был награжден незадолго перед этим. Сказали, что в нашем храме еще никто не видел митрофорного протоиерея». Отец Петр долго отказывался, но в конце концов согласился служить в митре.

«Наш сын Федор, – рассказывает далее Федор Тимофеевич, – давно и сильно страдал радикулитом. Лечился он и домашними средствами, был в клиниках Элисты и Пятигорска, но ничего не помогало. И вот он попросил отца Петра пособоровать его. Несмотря на то, что Батюшка был в этот день сильно уставший,

он жалился над нашим сыном и в тот же день совершил над ним это святое таинство. Мы позвонили в Дивное, где настоятелем был близкий отцу Петру протоиерей Серафим Невечеря – и вот они и наш местный рагулянский священник приступили к таинству. Вместе с сыном соборовались почти все прихожане нашего храма». Отец Петр потом признался, что к нему еще никогда не приходило собороваться так много народу.

«А наш сынок Федор, – завершает свой рассказ Федор Тимофеевич, – и вместе с ним еще двое больных, за святые молитвы Батюшки и за великую милость Божию к нам, недостойным и многогрешным, совершенно исцелились».

«Меня спасло время и какое-то чудо...»

В 1990 году я ехал к отцу Петру со своим другом Михаилом (сегодня он – клирик Ставропольской епархии отец Михаил Бездетный). Ехали мы туда обычным рейсовым автобусом. До «Слепцовки» оставалось не более десяти-пятнадцати километров, когда на наших глазах произошла страшная авария: легковая машина, в которой ехали двое, на огромной скорости врезалась в тракторный прицеп и перевернулась. Водителя легковушки от сильного столкновения выбросило прямо на трассу, а неуправляемую машину понесло в кювет и там «сложилось» пополам при ударе об дерево. На заднем сиденье сидели два человека. Когда все выбежали из автобуса, чтобы оказать помощь пострадавшим, то увидели, что оба были офицеры. Один из них умирал на наших глазах: его с большим трудом удалось вытащить из груды металла.

Несмотря на дневное время, трасса была пустынной: ни людей, ни машин. Неожиданно показался армейский «уазик», направлявшийся как раз в сторону станицы Орджоникидзевской, где находилась районная больница. Из машины выглянул офицер и, узнав, что стряслось, ... отказался везти пострадавшего. Возмущению и негодованию пассажиров автобуса не было предела. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы рядом не остановилась новенькая легковая машина, за рулем которой сидел молодой парень-ингуш. Не говоря ни слова, он открыл заднюю дверцу и помог уложить туда умиравшего. Доставив его в больницу, мы пришли наконец в храм: перепачканные, грязные. Вечером, после службы, зашел отец Петр. Мы тут же рассказали ему о случившемся. Батюшка отнесся к рассказу чрезвычайно серьезно. Он благословил нас немедленно идти в больницу, узнать о состоянии больного и оказать возможную помощь. «И не забудьте узнать, – добавил он вдогонку, – крещен ли этот

пострадавший». Мы ушли, а Батюшка стал молиться о его спасении. Имя нам уже было известно: Владимир, он служил в одной из воинских частей недалеко от Грозного...

Прошло время – примерно месяц. Оказавшись снова у Батюшки в гостях, я заехал проведать и Владимира, лежавшего недвижимо в местной райбольнице. Состояние его, хоть и медленно, но улучшалось.

«Знаете, – признался он, – врачи говорят, что меня спасло время и какое-то чудо». Рядом сидела его жена. Я рассказал им о том, что все эти дни за него молился настоятель здешней православной церкви отец Петр. Наверное, его богоугодные святые молитвы и сотворили то чудо, которое спасло Владимира от смерти. Вскоре к отцу Петру познакомиться и поблагодарить за сочувствие в беде пришла жена Владимира и отец – потомственный донской казак из Ростова. Они забирали сына к себе домой, в окружной военный госпиталь.

Время почти стерло в моей памяти этот случай. Но через шесть лет, когда мы с батюшкой встретились вновь, он неожиданно спросил меня: «Интересно, а жив ли Владимир?» Меня поразило то, что он все помнил! Владимир был жив молитвами отца Петра. Батюшка опустил голову, пряча улыбку, перекрестился и добавил: «Вот и слава Богу!..»

Часть IX. Война

Беспредел

В 1991 году в Грозном – столице бывшей Чечено-Ингушетии – мирно уходил из жизни архимандрит Меркурий. Это был известный в то время старец, монах, большой подвижник, стяжавший от Бога многие благодатные дары. Умирал он в полной памяти, осозная, что отходит к Богу. Его окружили близкие люди, которые сопровождали отца Меркурия в течение многих лет, присматривали за ним и были у него на послушании. Эти люди передавали, что перед смертью старец вдруг произнес страшные и до конца непостижимые слова: «Спасайтесь! Скорее все спасайтесь! Земля в огне! Все горит!»

Некоторые из духовных чад архимандрита Меркурия пытались истолковать эти наполненные пророческим духом слова как предсказание близкого конца света – тем более что весь ход жизни человечества все больше и больше соответствовал апокалиптическим пророчествам. Но теперь, когда задумываешься над сокровенным смыслом предсмертных слов старца с высоты трагедии, которую Господь Своим непостижимым Промыслом попустил на кавказскую землю, станет понятным, какой огонь отец Меркурий имел в виду. Теперь очевидно, что это было пророчество близкой войны, пожар которой опустошит огромный город, превратив его в сплошное пепелище, разорит села, унесет с собой десятки тысяч жизней. Но тогда, в конце 1980-х и начале 1990-х годов, вряд ли кто мог всерьез предположить, что все, кто жил в Грозном и кто позднее приедет сюда воевать, уже разделены грядущей трагедией на спасенных и обреченных, на живых и мертвых... Никто не верил в реальность войны, хотя все говорило о том, что ее начало – лишь дело времени.

Тогда же впервые заговорили о новом виде «чеченского бизнеса»: работорговле. В республике организовано действовали сразу несколько групп профессиональных похитителей, которые «охотились» главным образом на влиятельных бизнесменов и их детей, иностранцев, журналистов. Позже, с началом боевых действий, к их жертвам добавятся военнослужащие: офицеры и простые солдаты. Удерживая их в невероятных условиях плена – чаще всего в специально вырытых для этого землянках и бункерах с металлическими люками и решетками – и подвергая там нечеловеческим пыткам, похитители требовали от родственников

выкуп.

Бандиты часто снимали страдания своих узников на видеокамеру, а пленку переправляли их близким, чтобы те были «покладистее». Нередко похитители совершали дерзкие нападения на состоятельных соотечественников и иностранцев с целью их последующего обмена на собратьев-уголовников, отбывавших срок заключения в российских тюрьмах. Наиболее громкие похищения использовались бандитами для политического шантажа и давления на общественность. К началу второго этапа кавказской войны в 1999 году в чеченском рабстве, по разным сведениям, насильственно удерживалось более полутора тысяч пленников. Православные священники станут последними жертвами похитителей.

Изгой

Изгоями объявлялись не только русские, но и украинцы, армяне, евреи, дагестанцы – все, кто не хотел признавать диктаторского режима генерала Дудаева. На центральной площади Грозного болталась тряпка-призыв: «Русские – в Рязань, армяне – в Ереван, ингуши – в Назрань!» Перед надвигавшейся трагедией люди потянулись к Богу, уповая на Его защиту и милость. Грозненский храм святого Архистратига Михаила был забит до отказа. Даже в вечернее время, когда выходить из дома стало чрезвычайно опасно, люди шли в храм на молитву. Шли верующие и неверующие, вчерашние коммунисты и беспартийные, старики и дети. Военнослужащие и работники милиции заходили в храм, снимая форменные фуражки, истово крестясь на святые образа и, постояв немного, решительным шагом выходили на улицу, где уже слышались ружейные и автоматные выстрелы.

Из Грозного все больше и больше людей стало приезжать и в «Слепцовку»: просить Батюшкиного благословения и святых молитв на переезд в безопасные места. Уезжали и сами станичники. На заборах и воротах казачьих дворов сплошь и рядом можно было видеть лаконичную надпись: «Продается».

Вот вместе с батюшкой из маленькой комнатки выходит уже немолодая женщина, вся в слезах. Низко кланяется отцу Петру в ноги и на прощание просит его благословения и святых молитв: она тоже покидает родную станицу и родной храм. Видно, как тяжело обоим это расставание. Не успела она отойти от Батюшки, как к нему тут же подошел еще один прихожанин – с той же просьбой...

«Таня, Таня! – расстроенным голосом зовет отец Петр сестру.

– Ну вот, смотри, еще один собрался уезжать...»

«А на кого же вы оставляете нас?» – спрашивал отец Петр, которому было мучительно больно расставаться с близкими и дорогими людьми. Он ставил этот фактически безответный вопрос, прекрасно понимая, что люди спасают свои семьи, детей и родных от смерти. Многие предлагали батюшке покинуть этот взрывоопасный край и уехать с ними, где тоже были православные храмы.

«Я, наивная, – рассказывает Елена Михайловна Турина, – говорю: «Батюшка, поехали с нами, в нашем селе тоже есть храм, будете служить, наших земляков там много». А он ответил так: «Мне нельзя! Капитан покидает свое тонущее судно последним. У меня еще есть прихожане: на кого я их оставляю?»»

И благословлял на переезд других, оставаясь сам в своем «соборике» на великий подвиг. Для каждого из уезжавших Батюшка находил теплое слово утешения, обещая не забывать в своих молитвах.

Духовная связь с паствой, оказавшейся в изгнании и вынужденной эмиграции, с этого момента продолжилась в письмах отца Петра. Писал он их постоянно и много, несмотря на занятость и нездоровье. Если болезнь все же одолевала, то Батюшка диктовал их через помощников. Часто печатал на старенькой портативной машинке, реже – писал собственной рукой, только в крайних случаях, когда дело не требовало отлагательства. Бывало, что отец Петр брался писать письмо, но откладывал недописанную фразу на другой день, а потом вновь возвращался к ней. Так на одно письмо уходило несколько дней, но в любом случае никогда не оставлял безответными письма людей. Отвечая на конкретные вопросы, всегда интересовался житейскими делами своих чад, радовался их успехам и соболезновал горю. Не забывал он даже маленьких детей.

«Очень, очень рад за успехи Кати, спаси ее, Господи! – обращается Батюшка к дочери своего духовного чада А., которую сам крестил в младенческом возрасте. – Только чтобы все ее старание было посвящено Господу, т.е. в смирении. А если гордость, то все пропащее. Что важнее для нее сейчас? ПОСЛУШАНИЕ – ни одной оговорки, прекословия папе и маме. Слышишь, Катенька? Где смирение – там и любовь, а она-то и назидает, а гордость кичит...»

Все, кто был близок батюшке, отмечают, что по его святым молитвам благополучно обжились на новых местах, наладили свой быт. Та же Елена Михайловна Турина признается: «Только по молитвам отца Петра мы благополучно устроились на новом месте, нашли работу, построили дом. И, к великой нашей

радости, Господь сподобил встретиться с нашим батюшкой на Кубани в 1994 году. Он приезжал в Краснодар и, зная что мы живем недалеко, заехал к нам, да не один, а с настоятелем храма иконы Казанской Божией Матери в Карабулаке отцом Петром. Посетили они нас на масленицу. Вспоминаю, как они сидели на диванчике и тихо беседовали с нами. Я рассказывала им, как по ночам читала акафист святителю Николаю, просила помощи в строительстве, и Господь помог нам. До сих пор в нашем доме чувствуется божественная благодать, которую мы, недостойные, получили во время освящения дома и всего подворья нашим духовным отцом».

Отец Петр не скупился на теплые слова своим духовным детям, оказавшимся изгоями.

«Ну что поделать, – утешает он в письме одного из них, – не скорбите, что оставили нас, время прежнее не вернуть. У вас ведь семья – не пошлешь же их на крест. Когда вырастут, тогда могут пойти сами. Наше же положение вам известно: война добра не делает никому».

Своим вниманием он не оставлял никого из близких. В канун больших православных праздников рассылал всем поздравительные открытки, и люди уже знали, что если такой «весточки» от Батюшки долго нет, то значит, что-то случилось. И начинали беспокоить отца Петра телефонными звонками, телеграммами или просто собирались в дорогу проведать его. Батюшка сердцем чувствовал это беспокойство близких и торопился их успокоить.

«Простите за малость писания по лености, которая прикрывается немощью, – пишет он. – И писать некогда, и работать, и молиться, а часы жизни не стоят. Ой, горе, горе мне, грешному...»

Несмотря на начало военной операции и опасность передвижения по территории республики, – Ингушетия стала фактически прифронтовой зоной – десятки людей каждый месяц приезжали к своему духовнику и наставнику в гости. В основном это были женщины, пользовавшиеся большим, чем мужчины, доверием военных, они беспрепятственно пропускались в станицу Орджоникидзевскую. Сложнее было мужчинам. Появление любого из них в этих местах, особенно если в паспорте стояла иногородняя прописка, вызывало подозрение на милицейских и армейских блок-постах и заканчивалось, как правило, задержанием и выяснением личностей задержанных. Но люди все равно ехали, и никакая война, никакие кордоны не могли остановить их любовь к духовному отцу и наставнику.

Каждой такой встрече Батюшка был рад несказанно.

Наверное, он не терял надежды на то, что жизнь скоро войдет в нормальное, прежнее русло, что люди вернутся к прежним родным очагам.

«Уже некоторые люди возвращаются, особенно к детям едут, – сообщает в письме Батюшка. – Жаль, что Вы поторопились, теперь у нас в Назрани свое гостелевидение. Приезжали на Страстной Четверг, брали интервью, т.е. поздравление мое к людям. Говорил я за Вас директору, но забыл фамилию Вашу...»

«Да, скорбна и Ваша обстановка, – соболезнует Батюшка своему духовному чаду, оказавшемуся в изгнании, – от одного горя ушли, другое встретили. Духовные скорби и разложение тоже ужасны. Вразуми и сохрани Вас, Господи... Приезжайте к нам, когда Господь управит, обратный путь оплатим. Говорят, что некоторые русские возвращаются, власти по-доброму относятся...»

«Собираетесь ли возвращаться? – обращается отец Петр через интервью с корреспондентом одной из российских газет. – Я понимаю, мне легко говорить, никого родных не осталось, доживаю. Но вы, кто и на чужбине не прижился, – долго скитаться будете? Три раза переехать – что раз сгореть. Вот недавно к нам старушка вернулась – нашли ей жилье. Может, и вам с Божией помощью и с заботой руководства и жилье, и работа найдутся. Скорбно, с большой болью вспоминаем о вас...»

Федеральная трасса

Так теперь называется трасса «Баку – Ростов»: она проходит в непосредственной близости от станицы Орджоникидзевской. С началом войны эта транспортная артерия стала единственной «дорогой жизни» для всех, кто стремился в «Слепцовку». Чтобы попасть в станицу, стоит лишь свернуть с шоссе и проехать несколько сот метров асфальтовой дороги. А почти параллельно с федеральной автомагистралью из Орджоникидзевской в сторону соседнего городка-курорта Серноводск – когда-то известной на весь бывший Советский Союз целебными грязями и минеральной водой здравницей – протянулась прямая, как струна, 12-километровая дорога местного сообщения. Даже днем она выглядит пустынной: редкая машина обгонит тебя или пронесется навстречу. По этой безлюдной дороге похитители отца Петра будут уходить от погони, бросив у въезда в Серноводск одну из своих машин со свежими следами крови...

Близость федеральной трассы в жизни станичников органично сплелась с близостью самой войны. Лязг гусениц тяжелой бронетехники и гул крытых брезентом военных колонн отдавался дребезжанием оконных стекол в домах. Днем и ночью

нескончаемым потоком в сторону Грозного двигались маршевые подразделения российских войск. В обратную сторону армейские тягачи круглосуточно везли ту же бронетехнику, только теперь в виде бесформенной груды металла: искореженную, изуродованную от мин и снарядов, от выстрелов гранатометов, от бутылок с зажигательной смесью. Этой же трассой шел и страшный «груз 200»: цинковые ящики с останками ребят, сложивших свои головы в той страшной бойне. На въезде в Грозный российских солдат встречал зловеющий плакат: «Добро пожаловать в ад!»

Не только земля, но и небо над «Слепцовкой» не знало покоя – от рева проносившихся штурмовиков, тяжелых бомбардировщиков, вертолетов. Все ближе и ближе слышались нарастающие раскаты артиллерийских ударов и разрывы авиабомб: совсем рядом – всего в нескольких километрах от станицы – шли яростные бои за чеченское селение Бамут. Сохранившиеся шахты стоявшей здесь в прежние времена ракетной воинской части боевики теперь превратили в неприступный бастион. Приезжавшие в станицу гости не переставали вздрагивать всякий раз, когда слышали очередной залп артиллерийской батареи и установок «Град».

«Этот «гром» у нас теперь и летом, и зимой», – спешил успокоить гостей отец Петр.

За станичной околицей, на пустыре, выросли первые городки беженцев: в холодных дощатых вагончиках, домиках и брезентовых армейских палатках тут ютились тысячи людей разных национальностей, оставшихся без крова над головой. Отныне единственным их пропитанием была так называемая «гуманитарная помощь» в виде просроченных импортных «деликатесов» и кусок хлеба, которым делились с несчастными людьми местные жители. Обозленные беженцы из Чечни вымещали свою злобу на оставшейся части русскоязычного населения, почему-то видя в них главную причину своих бед и страданий.

Доставалось не только живым: разъяренные националисты пришли на местное христианское кладбище и начали устраивать там погромы могил. Таблички с именами усопших и их фотографии превращались в мишени, по которым целились и стреляли из оружия вандалы. Памятники и кресты валялись на земле, а на них корявой рукой в адрес еще живых было написано: «То же самое ждет и вас».

Впервые за всю историю станицы возле церкви появилась вооруженная милицейская охрана: таково было распоряжение Президента Ингушетии Руслана Аушева. Отныне церковь охранял

круглосуточный милицейский пост. Он значительно усиливался в дни больших христианских праздников. Но даже эти меры предосторожности не гарантировали личной безопасности настоятеля и прихожан, провокации или диверсии можно было ждать в любой момент. Во время крестного хода на Пасху через соседние дворы прямо в головы верующих летели увесистые камни, слышались выстрелы. Вооруженные милиционеры-ингуши в бронежилетах плотным кольцом оцепляли Покровскую церковь, чтобы туда не проникли провокаторы и тщательно проверяли всех подозрительных лиц, среди которых могли оказаться и специально подготовленные диверсанты.

«У нас Пасха прошла относительно нормально, – пишет отец Петр в письме 26 мая 1998 года, – но было происшествие. В Великую Субботу в два часа ночи мы слышали нападение на охранников. После Пасхи у нас дежурят три охранника. Обстановка в Ассиновке напряженная, да и у нас также. Как вы слышали, в Ставрополе будет штаб для наведения порядка на Кавказе. Отзывается торговля рабами. В первый день Пасхи прибыл и лично поздравил в 11 часов дня нас Президент Аушев, подарив на храм 10 тысяч рублей, которые кстати пришлось вручить пострадавшим охранникам».

Так протоиерей Петр Сухонос не прекращал свою благотворительность даже в условиях реальной опасности для его жизни.

«В Ингушетии по милости Божией сносно, тихо, – рассказывает Батюшка в письме о своей жизни. – В Грозном – сами знаете по телевидению. Ассиновская так и страдает, неопределенная между Ингушетией и Чечней... В Ассиновке больших боев не было, неделю назад проехал я треть села, разрушений не видел, поехал туда отец Петр Троицкий (который впоследствии тоже станет жертвой похищения террористами почти одновременно с протоиереем Петром Сухоносовым – А. Г.). Да, в Грозный пока нет дороги от нас».

Из письма в Ставрополь протодиакону Димитрию: «Обстановка у нас пока тихая, но пресса пугает, как Вы слышите. В Ассиновке войска стоят. Залпы до нас слышатся. Что дальше? Один Господь знает. Отец Петр Троицкий служит там...»

Батюшка глубоко уважал настоятеля храма в станице Троицкой отца Петра Макарова, называя его «Троицким» – наверное, так же по-простому, как себя – «Петром Слепцовским». Он искренно восхищается его верою, скромностью, смирением, незлобием и мужеством, ибо служение православного священника в тех краях всегда требовало немалого мужества, а в период начавшейся новой кавказской войны – мужества особого.

«Как мы живем? – пишет отец Петр Сухоносов своему однокурснику Михаилу Васильевичу Толмачеву (по каким-то причинам он не принял сан после завершения учебы в семинарии, но Батюшка искал его и совершенно неожиданно нашел незадолго до трагедии – А. Г.). – О мне что говорить, ведь я здесь старожил. А вот интересно, как у нас здесь рядом 3–5 км в станице Троицкой живет священник чуть постарше нас. Совершенно одинокий. Открыли там службу в 1990 году, отдали школу под храм, теперь домик рядом, он там живет, 4 комнатки одному. Русских, как написали в газете, осталось всего 1120 душ, ну а сколько богомольцев – понятно. Еще он ездит в другую станицу, там тоже не больше. Певчие, псаломщица покинули его – и все. Я не представляю, как это можно. А он служит себе спокойно, как будто лучшего он и не знает. А перед ним два молодых не выдержали. В Ассиновке – в другой станице – построил храм молодой иеромонах, но тоже убежал, сейчас там другой, но больной... И такое удивление! Как знал Владыка Гедеон, кого сюда надо! А имя этого святого священника – так скажу – иерей Петр. Фамилию не знаю, а сам он приехал из Ставрополя, Петровского района, село Сухой Буйволы. Вот есть какие...»

С уважением и теплотой пишет Батюшка о своем собрате из станицы Троицкой – отце Петре Макарове – и в других письмах: «Отец Петр в Троицкой, мы теперь спокойны за священнослужителей. Ассиновские заботятся о приобретении иконостаса»; «Теперь Ингушетия в моем попечении, а не отца П. Нецветаева. В Ассиновской больной... Не знаю, что и будет. В Троицкой отец Петр – прекрасный молитвенничек, наверное, будем посылать его в Ассиновскую...»

Отец Петр тяжело переживал трагедию, пришедшую в край. Прожив тут много лет в большой и дружной многонациональной семье, он оплакивал страдания всех, кого война в одночасье сделала обездоленными, разоренными, голодными и холодными, осиротевшими. Он силился понять причины, ожесточившие сердца людей, еще вчера живших в мире и согласии, находивших общий язык, вместе растивших детей, питавшихся одним хлебом, дышавших одним воздухом. Батюшка мучительно пытался осмыслить логику новой кавказской войны. Он видел, как ее пожар, начавшись с небольших локальных конфликтов в Закавказье, уже перекинулся через Большой Кавказский хребет и с каждым днем угрожал охватить весь кавказский регион. Станица Орджоникидзевская превратилась в транзитный пункт на пути следования не только российских войск, но и многочисленных миротворческих миссий, международных

наблюдателей, представителей пацифистских организаций, журналистов, обозревателей, народных депутатов, политологов, а также посредников, занимавшихся обменом военнопленных. Не было дня, чтобы в «Слепцовке» не останавливались родители, приехавшие сюда в поисках своих пропавших без вести детей. 1994–1996 гг. превзошли по своей трагичности десять лет бесславной брежневской авантюры в Афганистане. Бодрые обещания бездарного генерала Грачева решить чеченскую проблему «силами двух парашютно-десантных полков» никак не вязались с огромными потерями российских войск. Эти потери превзошли самые мрачные прогнозы и скорбную статистику всех утрат России на чужбине.

Осенью 1994 года, в начале боевых полномасштабных действий официальные власти организовали на федеральной трассе вблизи поворота на станицу Орджоникидзевскую митинг-встречу передовым армейским подразделениям. Мероприятию постарались придать характерную для того времени помпезность. Пригласили и протоиерея Петра Сухоносова, чтобы он сказал воинам напутственное слово и благословил их.

«Я шел туда и не знал, что говорить и на что благословлять, – вспоминал потом Батюшка. – Передо мной стояли совсем молодые солдаты и их командиры, и мне казалось, что никто из них не осознавал сути происходящего. Мне предоставили слово, но я лишь мог пожелать, чтобы Господь их всех сохранил от смерти. Помолившись так, я осенил их крестом».

Новые заботы

В постоянных трудах и молитвах Батюшка мало интересовался политикой: на это у него просто не хватало времени. Тем более он не вникал в политические спекуляции и трескотню, которыми в те годы была окружена военная операция в Чечне. Но как опытный духовный пастырь и искренний патриот, отец Петр чувствовал, что Родина тяжело больна. Он ясно видел и осознавал, что Чечня – это лишь очередная проба испытать матушку-Русь и ее православный народ на прочность. Как мы – выдержим, выстоим? Или еще ниже согнемся под ярмом иуд и негодяев, отдавших нашу святую землю на разграбление и поругание, раболопно упадем им в ноги?

Понимал Батюшка и другое: помочь Родине он лично может только молитвой. Не деньгами, не добровольцами, не оружием, а именно молитвой перед ликом Спасителя и Пресвятой Богородицы, перед святыми мучениками и всеми святыми, чтобы они отвели беду и спасли край от «нашествия иноплеменных»,

дальнейшего разрастания междоусобной брани и кровопролития.

Поздним вечером весной 1996 года мы сидели с отцом Петром в его келлии и разговаривали. Ставни окон были плотно закрыты, в комнатке горела лишь одна маленькая лампочка. Было слышно, как в направлении соседнего Бамута «работала» тяжелая артиллерия и фронтовая авиация. Все живое в тех местах, казалось, было давно уничтожено: не только люди, но и природа. А боевики оставались живы и яростно сопротивлялись, зарывшись глубоко под землей в ракетные шахты.

Перед батюшкой лежал листок бумаги. Это было стихотворение. Отец Петр взял листок и прочитал несколько строчек:

Великий Боже, помяни
В любви Твоей неизреченной
Солдат, невинно убиенных
В огне несправедливой войны.
Коль уберечь мы не смогли
Своих сынов от страшной смерти,
Ты Сам, Владыко, им отверзи
Селенья райские Твои.
Ты Сам, Владыко, упокой
Тех пацанов еще безусых,
Укрой их – юных, светлорусых,
Своей отеческой рукой.
Им память вечную сверши –
Живьем сгоревшим в «бэтээрах»,
Сраженным пулей у прицелов,
Огнем упавшим с высоты,
Замерзшим в поле и горах,
В мученьях кровью истекавшим,
От адских мук и ран стонавшим
В прифронтовых госпиталях;
В солдатских цинковых гробах
Прибывшим в вечные селенья,
Земле принесшим в погребенье
Свой скорбный неоплатный прах...

Страшное стихотворение... Горький молитвенный плач о тысячах русских сынов, сложивших свои юные головы в кавказской бойне.

Батюшка тяжело вздохнул и задумался. «А почему тут написано: «В огне несправедливой войны»?» – после долгой паузы спросил он. Задумался и снова спросил: «Почему эта война «несправедливая»?»

Я молчал, вспоминая и осмысливая прожитые в Чечне годы.

Батюшка продолжил: «Мне кажется, эта война не «неправедная», а «неправильная». Что «праведного» в том, что над нами теперь издеваются ваххабиты? А разве «праведно» пустить по миру столько беженцев? Нет, мне все-таки кажется, что эта война прежде всего неправильная. Столько жертв, столько разрушений!.. Уничтожен целый город! А война сама по себе праведная: если эту беду сейчас не остановить, то скоро честному человеку нигде не будет места от бандитов и преступников».

С началом боевых действий у протоиерея Петра Сухоносова прибавились новые хлопоты. С весны 1994 года он назначается благочинным православных церквей Ингушетии.

Чечня с ее столицей городом Грозным полностью выходит из-под контроля центральных властей и становится настоящим бандитским логовом. Туда никто не решается ехать.

В «Слепцовку» зачастили военные: они обращались с просьбой приехать в расположение дислоцированных на границе с Чечней подразделений и блок-постов покрестить молодых солдат, прибывавших сюда со всей огромной России, отслужить молебен о спасении. Прямо к церкви подъезжали военные машины, и Батюшка, собрав все необходимое для священнодействия, уезжал часто на целый день. Люди, конечно, сильно волновались, плакали и молили Господа, чтобы Он уберет дорогого им пастыря от всех бед и напастей. Обычно вместе с собой отец Петр брал кого-нибудь из своих церковных помощников. Кроме того, он никогда не ехал в гости к воинам с пустыми руками, а обязательно вез им гостинцы и вообще все, что приносили люди в храм на панихидный стол. Солдаты всему были рады.

Монахиня Анастасия поведала об одной из таких поездок. Она вспоминает, как однажды летом 1995 года, когда недолго гостила в Слепцовской, Батюшка вдруг говорит, что завтра надо ехать на далекую пограничную заставу крестить солдат. В это время у него было очень много разных дел, и отлучиться из храма просто не имел возможности. Все, что можно перенести на другой срок, он переносил. Казалось, можно отложить и эту поездку. «Нет, – категорично сказал отец Петр, – мы отложим все остальное, но завтра поедем к пограничникам». Рано утром в храм приехал офицер. Батюшка взял все необходимое для крещения. Нам же, как это бывало и раньше, когда он ехал к военным, наказал взять гостинцев: конфеты, варенье, солку, хлеб – все, что принесли люди на панихиду.

«Ехать было очень страшно, – рассказывает далее матушка Анастасия. – Казалось, что из-за каждого дерева, куста по нам вот-вот откроют огонь притаившиеся там боевики. Такое тут

часто бывало. А в горах, где стояли пограничники, бандитов скрывалось еще больше. Пограничников для того и поставили, чтобы они никого не пропускали».

Наконец подъехали к высокой изгороди и увидели часовых. Немного поодаль стояли вышки с вооруженными солдатами. Всех собрали на площадке перед палатками, и Батюшка обратился к пограничникам с пастырским словом. Он напомнил им про христианский долг перед Богом и людьми, рассказал о бессмертии христианской души, необходимости верующего быть готовым в любую минуту предстать пред Господом. Говорил он и о традициях православного воинства, приводил много примеров стояния за веру и истину из жизни святых мучеников. Желających принять святое крещение оказалось очень много.

«Нас, – говорит матушка, – это сильно удивило: столько ребят некрещеных!» Крестить решили прямо на берегу горной речки Ассы, в ущелье. Командир распорядился выставить дополнительные посты и усилить наблюдение, чтобы всем нам не оказаться под обстрелом чеченских снайперов, а солдаты тем временем установили на берегу небольшой деревянный настил, чтобы там смог стоять и молиться священник. Началась служба. Некрещеные ребята заходили прямо в бурлящую речку, и Батюшка их всех крестил там. Совершив таинство святого крещения, он затем отслужил перед солдатским строем молебен о спасении с чтением акафиста святому мученику Иоанну Воину. А после, когда все закончилось, пограничный отряд был приглашен за стол.

«Как ребята обрадовались нашим гостинцам – надо было видеть! – далее рассказала очевидица. – Ведь жили они там впроголодь, простой хлеб привозили раз в трое суток, да и того едва хватало. Кругом глухие, дикие горы, сюда не наездишься. Даже часовые, что стояли на вышках, не выдержали и прибежали, чтобы взять хоть кусок хлеба. Такие все радостные были! Только после обеда отец Петр возвратился домой в станицу».

«Приехал он очень печальным, – еще вспоминает монахиня Анастасия, – и почти всю дорогу молчал, был задумчив. По правде сказать, нам всем после этой поездки не хотелось много говорить: мы увидели жуткую картину войны. А буквально через несколько дней нам стало известно, что вся эта пограничная застава погибла во время нападения чеченских боевиков. Видимо, Батюшка все знал, потому и спешил к ним». Так отец Петр исполнил свой пастырский долг и подготовил православных воинов, «за веру и Отечество живот свой положивших», к встрече с вечностью.

На Пасху Батюшка посещал армейский блок-пост,

расположенный на повороте с федеральной трассы в станицу Орджоникидзевскую. Отец Петр поздравлял воинов с великим христианским праздником и оставлял им в подарок целую корзину всевозможных гостинцев. Среди чеченцев такие визиты вызывали недовольство: дескать, русский священник одобряет войну. Все чаще и чаще стали появляться слухи о готовящейся расправе над протоиереем Петром Сухоносовым. Но Батюшка по-прежнему открыто выходил в станицу, общался с людьми разных национальностей и вероисповеданий. Случалось так, что его просили прийти причастить тяжелобольного. Отец Петр выходил из храма со Святыми Дарами, когда на дворе была еще непроглядная темень. Станица казалась абсолютно вымершей: даже милиция не всегда выезжала в такое время на патрулирование, опасаясь вооруженного нападения бандитов. А Батюшка не спеша шел темными улицами и проулками станицы, беря с собой кого-нибудь из близких. Он шел и молился, и эта молитва хранила его от всех бед и несчастий, подстерегавших теперь любого в этом крае, наполненном злобой. В 1998 году заслуги протоиерея Петра Сухоносова перед Русской Православной Церковью будут отмечены одной из высших ее наград – орденом святого князя Владимира III степени. Но свою главную награду – небесный венец мученика Христова – Батюшка получит на следующий год...

Война вскоре закончится. Она закончится так же бесславно, как и началась. Болезнь, поразившая Кавказ, была не вылечена, а скорее загнана вовнутрь. Трезво мыслящие люди прекрасно понимали, что мятежная Чечня еще даст о себе знать: новыми диверсиями и террористическими актами, новыми жертвами и горем. С завершением боевых действий чеченские экстремисты еще более уверовали в свою безнаказанность и принялись готовить новую войну. Похищение людей стало чрезвычайно выгодным «бизнесом» для сотен молодых и физически крепких людей, не умевших ничего иного, как мучить пытками, насиловать и убивать других людей. Пресса наполнилась жуткими сообщениями о зверствах, чинимых похитителями над своими жертвами. А ими теперь становились даже те, кто ехал в Чечню с благородными целями: лечить местное население, помогать восстанавливать разрушенную войной экономику, нести людям свет знаний. Весь мир содрогнулся от увиденного: отрубленные головы иностранных врачей-миссионеров на обочине запорошенной январским снегом дороги, изможденные лица выкраденных детей, отпиленные руки и ноги, ямы с едва присыпанными землей трупами расстрелянных кавказских пленников... Так Чечня входила в 1999 год – последний год

кровавого двадцатого столетия. До 28 марта оставалось совсем
немного...

Часть X. Кавказская Голгофа

«Это было чудо Божие»

Летом 1997 года, как раз перед праздником Успения Пресвятой Богородицы, было совершено первое дерзкое покушение на жизнь протоиерея Петра Сухоносова. Однако об этом событии Батюшка написал близким со свойственной ему скромностью: «Я думал, что Вы давно знаете о мне, грешном, что было перед Успением. Да, это было чудо Божие, так прямо сказал глава администрации. По милости Божией пока тихо».

Местные органы уже располагали данными, что на настоятеля русской православной церкви в станице Орджоникидзевской готовится нападение экстремистов, которые занимались похищением людей. Но при всей бдительности и предпринятых мерах безопасности со стороны ингушской милиции, «вычислить» бандитов в разношерстой массе местного населения было не так просто. На местном базаре, по улицам станицы, возле магазинов ежедневно толкались десятки молодых кавказцев, ничем не выдающих себя за боевиков. Они курили, оживленно о чем-то разговаривали, садились в свои легковые машины, куда-то ехали и откуда-то вновь приезжали. Одна такая машина остановилась однажды недалеко от Покровской церкви, не вызвав поначалу ни у кого ничего подозрительного: мало ли кто мог приехать к священнику?

«Я с сестричками Дарьей и Светланой находилась в церковной гостинице, – вспоминает живой свидетель того события Татьяна Гапотченко. – Выйдя оттуда, мы пошли проводить моих родителей, которые жили в Батюшкином доме. Возле церкви, прямо у ворот, мы встретились с батюшкой. Он открыл калитку и вышел на улицу, чтобы благословить всех нас. При этом он, как всегда, приветливо улыбнулся. Сестрички побежали к родителям, а я осталась с батюшкой. Узнав, что я собралась проводить родителей, он тоже захотел пойти к ним в гости».

И когда отец Петр вышел за церковную ограду, неожиданно сзади почти бесшумно подъехала белая легковая машина. Оттуда выскочили два бандита, схватили настоятеля под локти и силой поволокли за собой.

«Я крепко вцепилась в батюшку, – рассказывает далее Татьяна, – но бандиты меня толкнули так, что я упала на землю. Вскочив на ноги, я снова ухватилась за отца Петра, но те люди

меня снова с силой отпихнули. Тогда я обхватила нашего батюшку обеими руками и громко закричала».

В тот раз этот мужественный поступок хрупкой девушки спас протоиерея Петра Сухоносова от неминуемого, казалось, похищения. В это мгновение из двора вышел ее отец Иван Иванович Сапрыкин, а из церкви, услышав крик о помощи, выскочил Владимир Кучин, живший вместе с матерью тут же, в церковном дворе. Не испугавшись опасности, они бросились навстречу бандитам и стали вытаскивать отца Петра из машины, куда его уже почти затолкали похитители. Один из них, разъяренный от такой неожиданности, сильно ударил Владимира прикладом автомата по голове. Потом ударил снова и снова – до крови...

Машина тронулась с места, но тот с Иваном Ивановичем продолжал держать Батюшкины ноги и не отпускал их. Один из бандитов старался влезть в машину, но это ему никак не удавалось. На шум и крики из соседних дворов выбежали местные женщины-ингушки и тоже побежали к машине выручать из беды русского священника. Поняв, что план похищения сорвался, бандиты выбросили русского священника из машины, забрали своего сообщника и попытались скрыться из Орджоникидзеvской. Поднятая по тревоге местная милиция организовала преследование. Завязалась перестрелка, по милиционерам был открыт автоматный огонь. Как потом рассказывали свидетели, вся милицейская машина была изрешечена пулями похитителей, но милиционерам тогда все же удалось обезвредить часть нападавшей банды. Сам же отец Петр Сухоносов, вспоминая об этом случае, в своей простоте говорил: «А я думал, что они меня попросили где-то панихиду отслужить...»

Вскоре покушения на жизнь настоятеля повторятся. Так начнется «охота» за православными священниками. Если быть точнее, началась она несколькими годами раньше, когда было совершено похищение священнослужителей Михайло-Архангельского храма в Грозном. И снова лишь чудо спасло их от неминуемой смерти в бандитских застенках Чечни.

Пленники

За день до нападения на протоиерея Петра Сухоносова – в ночь с 26 на 27 марта 1999 года – чеченскими бандитами будет похищен протоиерей Петр Макаров – настоятель храма в станице Троицкой. Прибывший ему на смену из Пятигорска священник Сергей Потапов также будет выкраден похитителями через два дня после своего прибытия к месту служения. Вот как он

описывает события той ночи:

«Брали меня сразу одиннадцать боевиков. Они нейтрализовали охрану, которую мне выделили местные власти, посадили насильно в машину и увезли. Морально я уже был готов к тому, что такое может случиться. Куда везли – сориентироваться было трудно, они часто меняли направление. И в дальнейшем меня перевозили с места на место. Глаза завязывали, и понятия не имеешь, где ты находишься. Однако переезды случались не очень часто: видимо, по необходимости, для соблюдения конспирации. Бывало и так, что привозили в тот же самый дом, покружив с полчаса по окрестностям».

Избивать отца Сергея бандиты начали сразу же после захвата. Правда, отца Петра Макарова, которому на тот момент исполнилось 72 года, все же не били, а если и били, то не так жестоко. Объяснить этот факт традиционным на Востоке уважением к старикам никак нельзя, ибо само похищение и зверское обращение с жертвами уважением назвать невозможно, тем более что отец Петр Сухоносков – 70-летний почтенный старец – через день в полной мере испытает на себе «кавказское гостеприимство» своих похитителей.

Можно предположить, что нападение на русских священников совершали разные группы боевиков, пленников содержали поодиночке и почти не давали возможности им встретиться. Пленникам отцу Петру Макарову и Сергию Потапову по несколько дней не давали пить и есть. По словам отца Сергея хозяин мог просто уехать на несколько дней по своим делам, а по действующим в Чечне шариатским законам ни женщина, ни дети не имеют права накормить пленника. Поэтому изможденные священники вынуждены были делить литровую бутылку воды и кукурузную лепешку на несколько дней. Водой приходилось не утолять жажду, а лишь немного увлажнять пересохшее горло. Однако, если хозяин отсутствовал долго, организм почти обезвоживался. И тогда даже привыкшему к строгим постам священнику приходилось чрезвычайно тяжело. К чисто телесным страданиям добавлялись и моральные истязания, например, многодневное пребывание в абсолютной темноте.

«Мы с отцом Петром сбились в ощущении во времени, – вспоминает отец Сергей. – Я, например, ночью не мог спать, а днем, наоборот, клонило в сон. Кроме того, неприятное ощущение создавало частое нахождение под стволами. Допустим, тебя везут куда-то в машине, у чеченцев передернутые затворы, патрон дослан в ствол, палец на спусковом крючке, ствол упирается в бок. А вдруг машина дернется?..»

Преодолевать уныние, страх и отчаяние, по словам батюшек,

помогала молитва. Даже в плену они не переставали молиться.

«Если мы не на службе, – говорит отец Петр, – то должны постоянно читать Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». И тогда к человеку не идут мысли отчаянья. Я все думал, что, если будут мучить, нужно стараться не потерять связь с Богом, просить Его дать силы переносить страдания. Ведь сказано, что не нужно бояться, когда убивают тело. Главное – не допустить, чтобы убили душу».

Когда отца Сергия после его освобождения из чеченского плена спросили, как он оценивает произошедшее с ним: как чистую случайность или Промысел Божий, Батюшка ответил: «Господь каждого из нас к чему-то готовит. Ведь все, что ни делается, совершается по попущению Божию. Думаю, что Господь испытывал мою веру, тверд я в вере или нет, достойно буду нести звание православного священника или смалодушничая».

Оба священника – отец Петр Макаров и отец Сергей Потапов – пробыли в чеченском плену два месяца и были освобождены в результате совместной контртеррористической операции российских спецслужб. 31 мая 1999 года, в Духов День, оба они впервые в своей жизни участвовали в Патриаршем богослужении в Успенском соборе Кремля, где их тепло приветствовал Святейший Патриарх Алексий. Первосвяtitель Русской Православной Церкви назвал подвигом перенесенные священниками страдания.

Похищение и последующие за ним зверства, совершенные бандитами над протоиереем Петром Сухоносовым, стали больше, чем испытанием его веры, которая была испытана многократно всею его предыдущей подвижнической жизнью в смиренном служении Богу. Условия содержания в плену протоиерея Петра Сухоносова были самыми жестокими. Промыслом Божиим отец Петр принял на себя жесточайшие страдания и мученическую смерть как жертву за спасение кавказского края, охваченного братоубийственной войной. Высокопреосвященный Геден, Митрополит Ставропольский и Владикавказский так скажет об этом великом подвиге: «Несомненно, отец Петр – это жертва за всех нас, живущих на Кавказе, за тех, кто знал и любил его...»

«А мои косточки птицы разнесут...»

За три дня до пленения кто-то из близких сфотографировал батюшку на память. Вглядимся в эту последнюю его прижизненную любительскую фотографию, в глаза Батюшки, исполненные великой скорби и ожидания грядущих страданий...

Знал ли протоиерей Петр Сухонос о готовящейся над ним расправе и ожидавшей его мученической смерти? Чувствовал ли он надвигающуюся беду? Если судить по воспоминаниям людей, бывших рядом с батюшкой в последнее время, если вспомнить отдельные слова, как бы невзначай оброненные самим батюшкой, то стает понятно: он все знал и все чувствовал.

Весной 1996 года отец Петр пригласил к себе инспектора по делам несовершеннолетних местного отдела милиции, чтобы решить судьбу своей юной воспитанницы девочки Ангелины. Разговор шел о ее дальнейшем обучении. Вдруг Батюшка задумчиво сказал: «Нужно поторопиться с решением этого вопроса. Мне осталось совсем немного». И, взглянув на удивленные лица своих собеседников, сразу перевел разговор на другую тему.

Рассказывают еще, что за несколько дней до похищения, во время отпевания одной из своих стареньких прихожанок, отец Петр неожиданно печально обронил: «Счастливые люди, что их отпевают. А мои косточки птицы разнесут...»

«Батюшка много времени уделял ремонту и склеиванию церковных книг. Но незадолго до того, как его выкрали бандиты, я часто слышала от него какую-то загадочную фразу: «Времени мало. Успеть бы доклеить...», – вспоминает о последних месяцах жизни отца Петра Татьяна Гапотченко.

Годом раньше в Минеральных Водах на прославлении преподобного Феодосия Иерусалимского с отцом Петром встретила монахиня Анастасия, приехавшая из Киева. После торжеств вместе решили поехать на родину, повидать родных и близких.

«Заехали на могилку Владыки Антония в Ставрополе, – вспоминает матушка Анастасия, – а потом Батюшка собрался было возвращаться в Слепцовку, но вдруг передумал и сказал, что вместе со мной поедет в Ипатово. Приехали туда. Батюшка пошел на могилу нашей духовной матери Фессалоникии и остался очень доволен, что там был порядок и чистота. Обошел также могилки всех наших родных, отслужил панихиду. Не забыл помолиться и об упокоении известного старца иеросхимонаха Ириней: он тоже похоронен в Ипатово. После этого мы вместе поехали в село Высоцкое, где сохранился старинный храм, ему больше 400 лет. Оттуда Батюшка решил ехать к себе домой, а я возвращалась назад в Ипатово. Все, кто был, подошли просить благословения на дорогу. Когда я подошла, то вдруг увидела, как по его лицу пробежала какая-то страшная скорбная тень. Батюшка смотрел на меня глазами, полными слез. Я поняла, что он хотел сказать: это была наша последняя встреча. Мне хотелось спросить об этом его

самого, но он быстро благословил меня и отвернулся, чтобы я не видела его скорби».

Незадолго до трагедии отец Петр успел написать и отправить письма, поздравительные открытки почти всем своим духовным чадам, никого не забыв напутствовать добрым отеческим словом и лаской.

«Мир Вам и милость от Господа! – обращается он в своем последнем письме к монахине Киевского Покровского монастыря Анастасии, благодаря ее за переданный в «Слепцовку» подарок – две пары добротных кожаных сапог. – Вот видите, какая Вы мудрая? Сами умирать собираетесь, а мне сапоги понашили. Да когда же я их сношу? 100 лет мне жить, что ли? Ну, ладно, посмотрим, как они мне подойдут. Некому у нас к Вам ехать, мы сами такие, как Вы. А Вы все зовете нас... Поправляйтесь, еще бегать надо...»

Накануне своего 40-летнего юбилея получил от отца Петра поздравление и протоиерей Тимофей Гриценко – настоятель храма в Рагулях. В этом письме Батюшка напутствовал своего воспитанника последним духовным наставлением: «Не забывай мою паству». В этом же почтовом конверте лежала фотография: отец Петр в строгом постовом облачении перед святой плащаницей.

За три месяца до бандитского нападения, вспоминает Татьяна Гапотченко, отец Петр несколько раз ронял одну фразу: «Вы все бросите меня, и я останусь один». Даже в день 28 марта, спеша в храм на Божественную литургию, он, по словам Татьяны, обратился к одной из своих близких помощниц: «Вы далеко не уходите, а то когда меня украдут, вы и видеть не будете...»

Все случилось именно так, как и предвидел Батюшка.

«Ждите понедельник»

Двадцать пятого марта в гости к отцу Петру из Ставрополя приехала Мария М.: она привезла батюшке письма, газеты, гостинцы и подарок из Киева – новенькие хромовые сапоги. Сразу две пары! Батюшка примерил, сапоги пришлись в самый раз. Не скрывая удовольствия, все же заметил: «Неужели там думают, что я буду две жизни жить?»

«Переночевав в «Слепцовке» и немного отдохнув, – рассказывает Мария М., – я на утро стала просить благословения ехать домой. Батюшка не благословил. Не могу объяснить почему, но я никак не соглашалась остаться до воскресенья 28 марта, как настаивал отец Петр. Он благословил меня ехать в понедельник. При этом добавил: «Поедите, когда все свершится...» Пишу текст

телеграммы домой: «Приеду в понедельник». Батюшка поправляет: «Ждите понедельник». Я ему попыталась было возразить, что, дескать, дома испугаются такой телеграммы. Батюшка молчит. Тогда так и пишу: «Ждите понедельник».

Вся пятница 26 марта прошла в заботах. Батюшка писал письма, несколько раз выходя из своей келлии, чтобы уточнить некоторые вопросы. Ближе к вечеру приехали новые гости – духовные чада из соседнего Владикавказа, побыли сутки и в субботу уехали. Оставшимся гостям отец Петр поручил свою любимую работу: обклеивать книги.

«27 марта, в субботу, – вспоминает Мария М. далее, – служба шла своим чередом, молящихся было много. И вот отец Петр вышел из алтаря прямо на середину храма и сказал, что трудно поверить в то, что ему только что сообщили, но в ночь на 27-е похищен священник Петр Макаров. Все стали плакать, но Батюшка внешне был спокоен. Он говорил, что все, кто принимает страдания за православную веру, сразу попадают под защиту – Покров Псвятой Богородицы».

Говорил он в тот день о смирении и о том, что христианское мученичество – это удел избранных Божиих. При этом Батюшка сказал, что отец Петр Макаров останется жив, что похитители будут вынуждены вернуть его. Все, кто был в храме, плакали... После литургии он ушел к себе в келию, и до вечера его почти никто не видел. Наступал воскресный день 28 марта.

«А в воскресенье была такая служба! Не смею описать, потому что достойно не могу, – продолжает свой рассказ очевидица трагедии. – Когда закончилась литургия и Батюшка отслужил панихиду, прихожане подходили к нему с вопросами и за советом. Лишь в обед, примерно в 13 часов 15 минут, он освободился, и мы с духовным чадом отца Петра пошли писать письмо его духовной сестре, которое вместе с посылочкой надо было передать в Киев. Автобус с прихожанами и охранником уехал, и мы зашли в пономарку. Там к батюшке снова подходили люди, он их благословлял. Но вот все разошлись. Нас осталось только трое: отец Петр, раба Божия Н. и я, грешная. Мы писали письмо, а Батюшка зашел в алтарь, но выходил и подсказывал, что надо еще написать, и снова возвращался в алтарь. Дверь из пономарки во двор была открыта, мы продолжаем писать, и тут отец Петр выходит из алтаря и спрашивает, почему у нас дверь открыта. А мы в ответ: «Нам, Батюшка, с Вами ничего не страшно». Но все же закрыли дверь изнутри на щеколду».

Так прошло еще 5 или 7 минут. И вдруг М. и Н. услышали на дворе прямо возле храма крики. Они открыли дверь и увидели, как один из охранников лежит в крови, а его избивают незнакомые

вооруженные люди. Н. выбежала во двор на помощь охраннику, а М. плотно закрыла дверь и задвинула щеколду.

Далее она вспоминает: «Поворачиваюсь – Батюшка стоит сзади. В это мгновение я услышала крики Н.: ее тоже стали избивать те незнакомцы. Я стала открывать дверь, чтобы выбежать к ней или же впустить ее саму. Батюшка тихо спросил: «Что вы делаете?» Я говорю, что Н. избивают, надо помочь ей и стала уже открывать дверь, но, видимо, увидев это, Н. закричала мне: «Закрой дверь!» Не знаю, каким чудом я успела захлопнуть дверь и закрыть ее снова на щеколду. В нее стали бить, стучать, даже сорвали ручку, но саму дверь выломать не могли. Когда я оглянулась, Батюшки рядом уже не было. Все происходящее казалось мне какой-то страшной нереальностью: крики, выстрелы, стук в дверь... Я приоткрыла вторую дверь, но переступить не посмела, так как там уже был святой алтарь.

Батюшка стоял на Горнем месте, очень бледный, но внешне спокойный. Я обратилась к нему: «Батюшка, что мне делать?» Он после паузы переспросил: «Что вы хотите?» Я повторяю снова: «Что мне делать, куда идти, как быть?» Он ничего не ответил. Думаю, в эти минуты Батюшка молился. Я прикрыла дверь, но тут же заглянула туда опять, так как трудно было бездействовать. Но Батюшка лишь попросил закрыть дверь. Сделав так, я стала громко читать: «Богородице Дево, радуйся...» Но, не дочитав до конца, замолчала. В храме на какое-то мгновение воцарилась какая-то необыкновенная тишина. А потом раздались выстрелы и крики внутри самого храма, и я поняла, что двери на запоре уже незачем держать...»

Открыв дверь пономарки, М. вышла во двор и тут же увидела, как от Батюшкиной келии шли двое кавказцев с автоматами. Женщина, набравшись мужества, спокойно спросила, кто они такие и что тут происходит. Те ответили на непонятном ей гортанном языке и стали угрожать оружием. Подошла еще одна женщина и тоже потребовала от бандитов покинуть храм и церковный двор, но те все равно шли к южному входу. И когда они подошли туда, женщины увидели, как несколько вооруженных человек тащат отца Петра: избитого, всего в крови, без сознания. Крест с него был сорван. Они по ступенькам стащили батюшку на асфальт двора, в то время как двое бандитов отгоняли автоматами людей, не позволяя им приблизиться. Один из бандитов схватил отца Петра за волосы, стал с силою трепать их и вырвал кусок старческой седины. «Наверное, от боли, – вспоминает М., – Батюшка пришел в себя, и я несколько секунд смотрела ему в глаза. Потом он опять потерял сознание...»

У ворот церкви стояла машина. Бандиты вшестером

забросили батюшку в кузов, прикрыли тентом и скрылись.

Этот рассказ дополняет еще один живой свидетель трагедии Татьяна Гапотченко: «Батюшка только что закончил службу и разоблачился. На нем был только подрясник с крестом. Один милиционер, что охранял церковь, уехал с прихожанами, второй милиционер ушел на воскресный базар. Остался лишь один охранник, да и тот читал газету. Все как-то расслабились в этот день, даже церковную калитку забыли закрыть. Мужчин тоже никого не было в храме. Никто не видел, как ворвались «хищники»: так Батюшка всегда называл бандитов, которые крали людей в рабство. Ворвались сразу несколько человек. Один из них быстро справился с охранником и забрал у него автомат. Остальные бегали по двору и всюду искали батюшку. Не найдя нигде, они ринулись в алтарь. В этот момент в церкви было лишь несколько женщин и бабушек, да и те были не местные, слепцовские, а из соседней станицы Ассинской, а одна женщина приехала даже со Ставропольского края.

Бандиты ворвались в алтарь прямо через царские врата, и через них же поволокли нашего батюшку по полу. При этом они били его ногами и прикладами автоматов куда попало. Тетя Надя упала на батюшку, обхватила его ноги и стала кричать и плакать: «Не отдам! Не отдам батюшку родненького!» Бандиты стали и ее избивать, но она все кричала: «Батюшка родненький, куда они вас увозят!..» До машины они тащили его и беспощадно избивали. Когда я выбежала, то увидала, как один из них надел на голову маску-чулок и запрыгнул в кузов, где уже лежал наш Батюшка. Мама, тетя Надя и другие женщины бежали за машиной и кричали, просили бандитов пожалеть и вернуть отца Петра. Один из бандитов с ухмылкой ответил: «Вернем мы вашего батюшку...» Несколько раз они из автомата выстрелили в тетю Надю, но не попали. Действовали бандиты нагло, среди белого дня, никого не боялись и лишь угрожали перестрелять всех, кто будет им мешать».

Для задержания похитителей и освобождения отца Петра по тревоге в воздух был немедленно поднят боевой вертолет. Операцию взял под контроль лично Президент Ингушетии Руслан Аушев. У въезда в Серноводск на обочине дороги стоял брошенный «бобик» бандитов: его кузов был залит кровью. Самого отца Петра там уже не было.

Рассказывают, что на следующий день после трагедии, поздно вечером, к храму подошла неизвестная пожилая чеченка. Она тихо сказала: «Не знаю точно кто, но один из ваших похищенных батюшек мертвый...» Через два месяца отец Петр Макаров и отец Сергей Потапов чудом выйдут живыми из

чеченского плена. Судьба протоиерея Петра Сухоносова останется неизвестной.

Венец

О спасении плененного отца Петра молились тысячи людей. За него молились в его родной «Слепцовке» и Москве, в Киеве и на святой Почаевской горе, в Иерусалиме и на Афоне... Эта молитва не прерывалась и тогда, когда здравый рассудок говорил, немощному старцу не под силу выдержать нечеловеческие пытки и страдания, перенести сырость, холод, голод, побои, физические и моральные издевательства.

О судьбе протоиерея Петра Сухоносова ходили разные слухи. Одни говорили, что похитители востребовали за него крупную сумму. Иные утверждали, что освобождение Батюшки должно произойти со дня на день: этим вопросом занимались органы российского управления ФСБ и лично Президент Ингушетии Руслан Аушев. Кто-то, якобы, сам видел отца Петра живым.

23 октября в вечернем информационном выпуске «Вестей» Российской телерадиокомпании был показан репортаж корреспондента Петра Коровяковского. Телезрители впервые увидели фрагменты видеозаписи, сделанной, судя по всему, самими похитителями. На ней было снято бездыханное тело отца Петра. Батюшка лежал на спине с полуоткрытыми глазами: на его лице застыла печать предсмертных страданий... Палачи, заморившие священника пытками и голодом – тело священника было сильно изможденным – сорвали с него всю одежду, бросив на дно холодного и сырого подземелья, лишённого какого бы то ни было источника света и притока свежего воздуха. Правая нога его была прикована стальной цепью к полу. То, что это был протоиерей Петр Сухоносов, сомнений не вызывало... Трудно судить, сколько времени пролежал мученик: неделю, месяц или больше. Среди сырости, грязи и мерзости тело страстотерпца лежало абсолютно нетленным. Так лежат лишь святые...

Тот октябрьский вечер, похоже, забрал у людей, близко знавших протоиерея Петра Сухоносова, последнюю надежду увидеть его живым, но открыл всем тайну свершенного отцом Петром подвига веры и мученичества.

Вскоре чеченские города и села одно за другим перейдут под контроль российских войск, начнется тщательная «зачистка» населенных пунктов. Из бандитских подвалов и мест пыток удастся вырвать многих пленников, чудом оставшихся в живых. Протоиерей Петр Сухоносов так и не будет найден. Его не отыщут ни среди живых, ни среди мертвых...

«Накануне трагедии, – вспоминает матушка Зиновия Афонина, – нас несколько человек зашли после вечерней службы провести нашу старенькую маму, глубоко почитавшую отца Петра. В который раз вспомнили батюшку, разговорились о прежней жизни в «Слепцовке». И тут мы захотели показать фотографию Батюшки прихожанам. Но нигде не могли ее найти. Смотрим, а она стоит в одном ряду с иконостасом. Мы говорим: «Мама, наш Батюшка еще ведь живой, ему молиться нельзя, как святому». А мама уже старенькая, ей 90 лет, почти ничего не видит, говорит: «Я и сама не знаю, как эта фотография там очутилась». А утром нам стало известно, что произошло. Господь, видно, Сам определил ему место среди святых...»

Тело мученика так и не было найдено. И все же в конце 2000 года – в канун праздника святого апостола Андрея Первозванного – был совершен чин погребения протоиерея Петра Сухоносова. Погребению преданы лишь некоторые личные вещи отца Петра Сухоносова и его священнические ризы. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II вместе с отцом Петром был погребен еще один мученик, тоже принявший смерть от рук чеченских христоненавистников – настоятель Грозненского Михайло-Архангельского храма протоиерей Анатолий Чистосов. Более ста клириков в присутствии огромного числа верующих совершили прощальную службу в кафедральном Свято-Андреевском соборе Ставрополя – том самом храме, из которого начался священнический путь отца Петра. Оттуда гроб кавказского страстотерпца был привезен в станицу Рагули, где имя Батюшки близко и дорого сотням людей. Все вышли проститься с ним...

По завершении Божественной литургии в здешнем новопостроенном Михайло-Архангельском храме была совершена панихида. Невыразительно трогательно под церковными сводами зазвучали величественные слова, которые мы слышим в Святую ночь перед Христовой Плащаницей: «Волною морскою, скрывшаго древле гонителя мучителя, под землею скрыта спасенных отроцы, но мы, яко отроковицы, Господеви поим, славно бо прославися...»

Люди подходили ко гробу, будучи не в силах сдержать своих слез. А когда четыре священника подняли его, с погребальным пением внесли в святой алтарь и там обнесли вокруг Престола Божиего, слезы людей перешли в настоящие рыдания.

Поскольку строительство храма еще не было завершено полностью, то гроб опустили в нижнюю, цокольную, часть, где уже совершались регулярные богослужения, и там установили в специальный склеп. Рассказывают, что когда храм строился, то в стене неожиданно образовалось небольшое углубление. По

благословению это место обложили кирпичом, в то время даже не осознавая, для каких целей оно будет служить. И вот теперь это место стало святым, ибо там стоит гроб мученика Христова.

Нам остается уповать на милость Господню и молиться Ему, чтобы Он явил святыне останки в утешение всем, кто сегодня оплакивает страдания православного пастыря.

Часть XI. Святые рядом с нами

Вместо заключения

В повседневной суете мирской мы часто забываем о том, что святые живут рядом с нами. Они живут тихо и кротко, озаряя нас благодатным светом своей веры, любви, бескорыстия и милосердия. Их жизнь исполнена часто великих скорбей, выдержать которые под силу лишь настоящим воинам Христовым. Такие люди по особому Промыслу Божию становятся мучениками и прославляются живой благодарной памятью народной.

Возвратимся еще раз в ту далекую весну 1953 года, когда молодой отец Петр стоял у гроба своей духовной наставницы монахини Фессалоникии.

«Особенно в настоящее время, – говорил Батюшка в своем прощальном слове, – ее вполне можно назвать великой подвижницей в деле спасения души. К вам, многим стоящим здесь, она была близка, дорога, много она говорила на спасение души, как жить по Христу, как нести свой жизненный крест, как бороться с грехами. Помните все это и дорожите, ибо нет больше таких людей в нашем селе, нет во многих городах и селах; нет такого человека, который своей любовью привлек бы к себе такое множество людей и чье бы имя так широко не было известно в народе, как имя молитвенницы...»

Да, можем мы вновь и вновь повторить эти трогательные слова, посвящая их теперь памяти самого Батюшки Петра Сухоносова. Да, скажем мы, его вполне можно назвать великим подвижником в деле спасения души. Да, мало сейчас по нашим городам и селам таких пастырей, каким был отец Петр, готовых душу и саму жизнь положить за други своя (1 Ин. 3, 16) – за свою христолубивую паству.

До тех пор, пока на земле существует Православие, в нашей жизни было и будет место мученичеству. Новейшая христианская история – Русская Голгофа, как теперь часто называют страшный период большевистского террора против Христовой Церкви – явилась милостью Господней к искуплению нашей святой земли от невиданного рабства безбожия и тьмы. Мученики и страстотерпцы, просиявшие своими подвигами в те кровавые годы, пронесли через концлагеря, пытки и издевательства Свет Христа перед богоотступниками и палачами. Эта вера была и есть путеводная звезда для всех, кто остается верным Православной

Матери-Церкви перед лицом новых испытаний, которые приготовила нам земная история. Кавказская трагедия – одно из этих испытаний.

Для протоиерея Петра Сухоносова крестный путь всей его жизни завершился подвигом мученичества в бандитских застенках Чечни.

Великая книга священной истории христианства остается недописанной, и в нее уже сегодня вписываются новые имена воинов Христовых, которые по примеру Спасителя добровольно восходят на свою Голгофу, неся свой крест и прославляя нашего Бога и нашу святую веру.

Священномученику Петру Сухоносову

Где-то в темном подвале его жизнь оборвалась –

После мук и страданий от зверей-палачей,

И на крыльях душа в небеса поднималась,

Озаренная светом ярче тысяч свечей.

Где найти нам могилу, чтоб надгробным рыданием

Это тело святое слезами омыть,

И туда принести нам свое покаянье,

И прощенье за все у креста испросить?

Вы простите, отец, малодушных и слабых,

Что оставили Вас среди моря огня.

Стала Вашей Голгофою, Вашею славой

Эта горем и болью объята земля.

Вы на крест поднялись и всю чашу испили –

Всю до капли, что Богом судилось испить.

Помолитесь о нас – мы про Вас не забыли,

И нам Вас никогда, никогда не забыть.

Помолитесь о нас, как молились Вы прежде

В тихом храме своем посреди алтаря.

Помолитесь о нас, чтоб в любви и надежде

Нам увидеть Небесного Бога-Царя.

Ни пред кем не скупились Вы отчей любовью,

Согревая собой сотни душ и сердец.

И своей православною, праведной кровью

Заслужили святой страстотерпца венец.

За Христа распялись и с Христом пострадали,

Предавая себя в руки нелюдей злых,

В страшных муках от ран кровью там истекали,

Испросив милость Божию всем нам, ныне живым.

Вашим добрым делам нет ни края, ни счета.

Кто-то скажет иначе – сего не боюсь.

Смотрят Ваши глаза с пожелтевшего фото,

На него я в слезах как живому молюсь.

Вы по-прежнему здесь, Вы для нас не убиты –
Самый близкий из близких, родной из родных.
Вы у нас никогда, никогда не забыты –
Русский мученик Божий в славе русских святых.
Александр Горшков, Украина